

Ринат
МИНГАЛИЕВ

БУРХАН ШАХИДИ

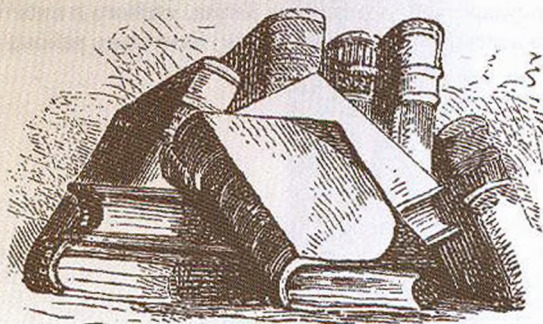
СЛЕДЫ
В ИСТОРИИ

WME/PRESS

Ринат
МИНГАЛИЕВ

БУРХАН ШАХИДИ
СЛЕДЫ В ИСТОРИИ

КАЗАНЬ
«ИДЕЛ-ПРЕСС»
2014

ББК 84 (2Рос-Тат)
М-50

*Автор выражает глубокую искреннюю благодарность
за материальную помощь в издании книги руководителям фонда «ТАИФ»
Альберту Шигабутдинову и Рустему Сульдееву,
за материальную помощь в издании авторского перевода
своему другу Сергею Пащенко,
за содействие в организации сбора материала
председателю Буинского землячества Иреку Закирову,
за помощь в переводе с китайского гражданам КНР Жаудату Аббаси
и преподавателю Пекинского университета,
кандидату филологических наук Чжао Сяохэну,
за консультации по содержанию книги Юлдузу Халиуллину,
а также кандидату исторических наук Исламу Ахметзянову.*

МИНГАЛИЕВ Ринат

М-50 Бурхан Шахиди. Следы в истории. – Казань: Идел-Пресс, 2014. – 256 с.

Авторский перевод с татарского.

В книге подробно освещен жизненный путь и деятельность истинного сына татарского народа, видного государственного деятеля Китая, ученого и писателя, языковеда и переводчика, уроженца деревни Аксу (Кишер Аксу) Буинского района Республики Татарстан Бурхана Шахиди.

ББК 84 (2Рос-Тат)

ISBN 978-5-85247-722-4

© Мингалиев Р., 2014
© «Идел-Пресс» оформление, 2011

СЫН НАШЕГО НАРОДА, ОБЛАДАВШИЙ УНИКАЛЬНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ

Выдающаяся личность – Бурхан Шахиди, родившийся в конце XIX века в деревне Аксу, входящей ныне в состав Буинского района Татарстана, согласно справочным изданиям Китайской Народной Республики, вел свою деятельность в различных сферах жизни общества и государства, занимая при этом одновременно около пятнадцати руководящих должностей. Большинство из этих деятельностей связано с межнациональными, важными политическими и дипломатическими отношениями общегосударственного значения, а также с исследованиями в области науки и культуры. Трудно представить возможность выполнения одним человеком такого объема работ. Для этого необходимо обладать уникальными способностями.

Бурхан Шахиди внес большой вклад в развитие политики, экономики, культуры Китая, в укрепление отношений между странами и в изучение истории тюркских народов.

До сих пор на страницах печати была накоплена незначительная информация о Бурхане Шахиди. Перед татарскими историками и общественностью стояла важная задача – донести народу полную информацию об этой личности, признанной в качестве государственного деятеля, внесшего неоценимый вклад в дело сохранения мира на земле. Я встречаю с полным одобрением выход в свет книги о нем, где содержится объемная информация, полученная в результате труда, начатого по инициативе Буинского землячества. На мой взгляд, рассказать народу полную биографию этой исторической личности, прошедшей сложный жизненный путь от простого служащего до члена правительства КНР – дело благородное и необходимое.

Президент Республики Татарстан

Казань, Кремль, 2011 год.

Р.Н. Минниханов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьба разбросала моих родственников по всему свету. География их проживания весьма обширна и охватывает кроме России, – Казахстан, Узбекистан, Китайскую Народную Республику, Польскую Народную Республику, Финляндию, Австралию и Канаду. С детских лет слышал разговоры старших о том, что в начале XX столетия дядя моего отца по имени Бурхан по делам торговли уехал в Китай и получил там гражданство. В 1922 году он приехал в Татарстан и забрал с собой в Китай всех близких родственников, кроме старшей сестры по имени Тайфа. Она и была моей бабушкой по отцу. По разговорам старших знал, что дядя моего отца политический деятель КНР и известен как Бурхан Шахиди. Также рассказывали, что он несколько раз как официальный представитель КНР, приезжал в Советский Союз, что к нему на встречу два раза ездила моя бабушка Тайфа в Посольство КНР в Москве. В середине 60-х годов прошлого столетия отношения между СССР и КНР крайне осложнились и от родственников перестали поступать письма. После этого получали лишь скудные сведения о родственниках в КНР от старшей дочери Бурхана Шахиди по имени Шадия, которая проживала с семьей в Ташкенте. От нее узнали, что дядя Бурхан до начала «культурной революции» содержался под домашним арестом, затем был взят под стражу и помещен в тюрьму. В начале 80-х годов прошлого столетия отношения между государствами немного смягчились. Мы снова стали получать сведения о родственниках в КНР. Тогда узнали, что дядя Бурхан освобожден из тюрьмы и в конце 70-х годов вернулся на политическую арену. Он был восстановлен во всех должностях. Скорбную весть о его смерти я услышал 27 августа 1989 года в экстренном сообщении, переданном Центральным телевидением СССР в программе «Время».

В СССР самая первая статья, посвященная Бурхану Шахиди, появилась 2 октября 1988 года на татарском языке в газете «Республика Татарстан» («Социалистик Татарстан»). Писатель-публицист Тауфик Рамазанович Айдельдинов в статье, написанной в высокопрофессиональном стиле, сообщил народу о том, что член правительства КНР Бурхан Шахиди – татарин и родом из деревни Аксу Буинского района ТАССР. В этой же статье была изложена его краткая биография. Сама статья так и была названа – «Татарин в правительстве Китая». Хотя статья и содержала определенные неточности в деталях и хронологии, она была написана без политической подоплеки, чисто в познавательном стиле. К великому сожалению, многие публикации, которые последова-

ли с 1995 года, в основном лишены этого величайшего достоинства. И это связано с развалом СССР, что способствовало появлению новых лидеров, мечтавших о полном развале социалистической системы в мире. Воспользовавшись этим случаем, они захотели вернуть себе роль руководителя, которую утратили при старом режиме. Одним из таких лидеров являлся Хашир Хашимогли Вахиди – бывший руководитель союза молодежи Синьцзяна, который в своей автобиографии, без объяснения причин писал, что 10 февраля 1955 года в числе первых вынужден был иммигрировать в СССР и вышел из Коммунистической партии Китая. В иммиграции работал рядовым сотрудником Академии наук Казахской ССР и в 1982 году вышел на пенсию. 20 июня 1992 года в Казахстане он создал нелегальную партию под названием «Организация освобождения Уйгурстана» и стал ее руководителем. В 5-м номере газеты «Иттипак» за 1995 г., издаваемой в городе Бишкеке, Вахиди поместил статью под названием «Уроки и выводы национально-освободительного движения 1944-1949 гг. (в сравнительном плане прошедших событий с сегодняшними)». В статье он по-своему комментирует события, имевшие место в трех округах Синьцзяна в 1944-1949 годах. Вахиди утверждает, что в провинции Синьцзян, имевшей в своем составе 10 округов, в 1944 году в пределах 3 округов было создано самостоятельное уйгурское государство, которое и было названо Восточно-Туркестанской Республикой. При этом Вахиди умалчивает о том, что в этих трех округах кроме уйгуров компактно проживали в основном казахи (около 400 тысяч человек) и монголы. Новому лидеру понадобились герои и предатели из числа лиц, участвовавших в этих событиях. По его мнению, это государство прекратило свое существование благодаря предателям. В статье он называет имя «главного предателя». По мнению Вахиди, спецслужбы СССР по договоренности с коммунистами Китая ликвидировали руководство уйгурского государства, затем предатель Сайфутдин Азизи уйгуров присоединил к КНР. Несмотря на то, что Бурхан Шахиди фактически не имел никакого отношения к правительству трех округов и был председателем правительства остальных семи округов Синьцзяна, Вахиди в своей статье и его называет предателем. Огромное влияние Вахиди оказал на мировоззрение академика Миркасима Абдулахатовича Усманова, с которым вместе почти в одно и то же время иммигрировал из КНР. Оба они в свое время жили в одном городе Кульдже. Его искаженную информацию Миркасим Абдулахатович использовал в своей книге «Открытая книга» («Ябылмаган китап»), вышедшей в свет в 1996 году. В этой книге о татарской диаспоре в Синьцзяне он посвятил отдельную главу «предателю» Бурхану Шахиди. Миркасим Абдулахатович помимо информации Вахиди, использовал сомнительную информацию лиц, которые себя считали обиженными властями КНР. Благодаря отсутствию надежных источников, конечно же, он не мог проверить всю эту информацию. Среди «обиженных», представивших сомнительную, порой вообще ложную информацию, был и его дядя Анвар Усманов, который будучи заместителем главного бухгалтера Государственного банка в Синьцзяне в 1952 году был необоснованно обвинен в крупных финансовых махинациях. Анвар Усманов в 1954 году с семьей уехал из Синьцзяна и вернулся в СССР [1]. Об одной насквозь ложной информации, полученной из писем «обиженных», ниже

будет сказано более подробно. Под впечатлением потока такой информации Миркасим Абдулахатович прокомментировал по-своему некоторые факты, взятые из книги Бурхана Шахида «50 лет жизни в Синьцзяне», и в его адрес выдвинул обвинения. Главное обвинение заключается в том, что Шахиди, являясь председателем гоминьдановского правительства в Синьцзяне, вызвал туда войска Национально-освободительной армии Китая. В результате такого обвинения у читателя создается впечатление, что коммунисты Китая не хотели освобождать от гоминьдановцев Синьцзян и пришли туда лишь по настоянию Бурхана Шахида. Любой, кто поинтересуется историей КНР, найдет информацию о Втором пленуме Коммунистической партии Китая, который проходил 5 марта 1949 года в местности Сибайпо [2]. В материалах этого пленума четко сказано, что Национально-освободительной армии Китая (численностью в два миллиона восемьсот тысяч человек. – Прим. автора) поручается освобождение Северо-Западных провинций. Синьцзян и является одной из них. К этому моменту в 7 округах Синьцзяна были дислоцированы войска Гоминьдана численностью в 100 тысяч человек, а в 3 округах, названных Восточно-Туркестанской Республикой, войска повстанцев численностью в 10 тысяч человек. Причем эти войска противостояли друг другу. При другом повороте событий войска НОАК пришли бы в Синьцзян даже раньше, но с войной для уничтожения войск Гоминьдана. Бурхан Шахиди имел четкое представление о том, какие разрушения принесет с собой эта война и сколько человеческих жизней унесет. Причем решение вопроса войны или мира Шахиди с изложением всех подробностей вынес на рассмотрение заседания правительства. Правительство семи округов Синьцзяна единогласно проголосовало за мирный переход на сторону коммунистов. Ниже очень подробно будет изложен весь этот процесс и объяснены причины вызова войск НОАК в Синьцзян. А это было уже после мирного перехода на сторону коммунистов и даже после образования КНР. Между тем, Миркасим Абдулахатович в своей книге весьма тщательно проанализировал все вооруженные конфликты, происходившие на территории Синьцзяна в период с 1933 года по 1949 год включительно. В результате анализа он пришел к выводу о том, что все эти конфликты были спровоцированы и организованы другими государствами, которые путем создания марионеточного государства стремились завладеть природными богатствами Синьцзяна. Такие выводы вообще исключают факт ведения кем-либо реальной национально-освободительной борьбы на территории Синьцзяна за весь этот период. После таких выводов мне кажется весьма парадоксальным утверждение автора о том, что Бурхан Шахиди «по-своему великая личность из числа полных предателей» [3]. В 2002 году в 11-м номере журнала «Татарстан» была опубликована статья писателя-публициста Юлдуза Нуриевича Халиуллина под названием «Кто Вы, Бурхан Шахиди?» Вступив в полемику с Миркасимом Абдулахатовичем, Юлдуз Нуриевич основное внимание уделил тем вопросам, по которым Бурхан Шахиди подвергнут резкой критике. Как результат этого, и в этой публикации вся политическая деятельность Бурхана Шахида замкнулась в границах Синьцзянской провинции. Во всех этих публикациях отсутствуют подробные сведения как о личной жизни Бурхана Шахида, так и о его деятельности начиная с конца 1955 года по 1989 год. Перевод Бурхана Шахида в конце

1955 года на работу в Пекин по приглашению Чжоу Эньлая в названных публикациях преподносится как второстепенное событие. Причина в том, что в них основное внимание уделено не описанию биографии Бурхана Шахида, а критике его деятельности или защите его линии вокруг синьцзянского вопроса. По этой причине вопросы, лежащие за пределами синьцзянской проблемы, в работах остались без особого внимания. К тому же благодаря отсутствию в России источников, где бы сообщались какие-либо сведения об этом периоде жизни Бурхана Шахида, названные авторы не владели информацией и даже при желании ничего не смогли бы сообщить читателю.

Толчком к написанию этой книги послужила случайность. В конце 2006 года я навестил своего отца Рифката, проживающего в поселке Мирном города Казани. При разговоре отец вспомнил, что по каналу «ТНВ» недавно показали одного татарина, который приехал из КНР. Тот рассказал, что его мать по имени Зайнап родом из бывшего Тетюшского уезда России. Отец попросил навести справки в редакции «ТНВ», так как, возможно, этот человек его двоюродный братишка. Именно Зайнап и звали сестренку моей бабушки, уехавшую в Китай в 1922 году со своим братом Бурханом Шахида. В редакции мне посоветовали обратиться к студенту КГУ Жаудату Абдрахимовичу Аббаси, приехавшему учиться в Казань из города Урумчи КНР. При встрече с ним выяснил, что его родственники поддерживают добрые дружеские отношения с семьей дяди Мурата. Дядя Мурат, проживающий с семьей в городе Урумчи – третий сын Бурхана Шахида. При содействии Жаудата мне по телефону удалось установить с ним контакты. От дяди Мурата узнал, что действительно двоюродный братишка моего отца Илчи Хайдарович Сайрапи приезжал в Казань и выступал по телевидению. Его-то и видел мой отец. Узнав по телефону от Илчи Хайдаровича адрес его электронной почты, направил письмо с фотографиями. В ответ я получил от него и дяди Мурата приглашение посетить Урумчи. Об этих новостях при встрече я рассказал председателю Буинского землячества в городе Казани Иреку Мунировичу Закирову, так как знал, что он ищет материалы по Бурхану Шахида для Буинского краеведческого музея. Действительно, установление контактов с родственниками открывало новые возможности для поиска материалов. Решили вдвоем ехать в КНР на встречу с родственниками, проживающими в городах Урумчи и Пекин. Готовясь к поездке, оба закупили национальные сувениры, я произвел съемку и специально для родственников записал на диск в формате DVD фильм о родственниках, проживающих в странах СНГ. Весной 2007 года, добравшись на поезде до Москвы, из аэропорта Домодедово прямым рейсом вылетели в Урумчи бизнес-классом авиалайнера китайской авиакомпании. На борту русскоязычных пассажиров очень мало. Обслуживающий персонал – китайки, которые кроме китайского языка общаются только на английском. Впервые на себе ощутили понятие языкового барьера. Думаю, что нас обоих терзала одна и та же мысль: как и на каком языке будем общаться с родственниками? Однако после того как, пройдя таможенный осмотр в городе Урумчи, вышли в зал ожидания, все сомнения рассеялись. Двое мужчин, судя по внешности, не моложе семидесяти лет, почти бегом приблизились к нам и заключили нас обоих в объятия. В одном из них я узнал Илчи Хайдаровича, так как по «Интерне-

ту» с ним обменивались фотографиями. Другой – как брат-близнец, похожий на моего отца Рифката, улыбнулся и на чистом татарском языке сказал: «Ринат, я твой дядя Мурат». Они помогли нам устроиться и дали возможность немного отдохнуть с дороги. Оказалось, что дядя Мурат заранее предупредил многих родственников о нашем приезде. В тот же день дядя Мурат и его жена тетя Шамсекамар пригласили их в ресторан для того, чтобы они могли познакомиться с нами и пообщаться. На представленном снимке момент встречи с родственниками в городе Урумчи.

На снимке слева направо: Хатима дочь Носрата Шахида, Мурат Шахиди, Шамсекамар Таипова, Ирек Закиров, Ринат Мингалиев, Уйгур Сайрани, Суюм Шахида, Халида Сайрани, Илчи Сайрани.

Родственники и в Урумчи, и в Пекине нам оказали радушный прием. Мы побывали в гостях в каждой семье. Оказалось, что многие получали образование в СССР и хорошо владеют русским языком. Не лишены и чувства юмора. При первой нашей встрече один из моих братьев по имени Дулкын в шутку сказал: «Мы знали, что в России у нас есть родственники. Думали – почему нас не ищут? За сто лет хотя бы один объявился...» Знакомство с детьми и внуками Бурхана Шахида в Пекине также запомнилось как уникально-своеобразное и интересное событие. Провожая нас из Урумчи, родственники предупредили, что в Пекине нас встретит младший сын Бурхана Шахида Илпат. Ни он, ни мы вообще не имели представления о том, кто и как выглядит. Поэтому он должен был встречать нас с табличкой, где написано: «Ирек Ринат». Не обнаружив такого человека по прибытии, мы слегка растерялись. Я отошел в глубь зала, чтобы поискать дядю Илпата. Одна милостивая дама из толпы встречавших мне махнула рукой. Подойдя ближе, она по-уйгурски спросила: «Ты не Ринат?» Затем, увидев мою растерянность, с улыбкой сказала: «Ты немножко похож на моего отца, поэтому думаю, что не ошиблась». Так я познакомился с тетей Илсуяр – четвертой дочерью Бурхана Шахида. В тот же день в честь нашего приезда в банкетном зале здания

Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая она собрала на обед всех детей и внуков Бурхана Шахида, проживающих в Пекине. После обеда общение продолжилось в зале заседаний ВК НПКСК, где по просьбе тети Илеуяр нас всех сфотографировал один из сотрудников.

На снимке в первом ряду справа налево: Ирек Закиров, дочь Бурхана Шахида Илеуяр, Ринаг Мингалиев, дочь Бурхана Шахида Илфира, Рагна – внучка Бурхана Шахида, дочь дочери Илчана, муж Рагны Хусаин. Во втором ряду справа налево: сын Бурхана Шахида Илшат, сын Илеуяра Ильяр, сын Илшата Шариф, сын Илфиры Хусаин.

Узнав о том, что мы интересуемся биографией Бурхана Шахида, родственники передали нам книги и газеты с информацией о нем, фото-видеоматериалы, отснятые при жизни и на похоронах. Очень многое о жизни Бурхана Шахида я узнал из воспоминаний его детей и мужа сего второй дочери Суюм – академика АН СУАР КНР Уйгура Сайрани. Совместно с родственниками мы посетили могилу Бурхана Шахида на кладбище «Революционных жертв» в городе Урумчи. Привезенные нами из КНР книги и другие письменные источники написаны в основном на уйгурском, а некоторые на китайском языке. Их перевод и работа с ними заняли значительное время. При переводе текстов неоценимую помощь оказали мои друзья. Среди книг есть сборник выступлений Бурхана Шахида и его трудов, опубликованных в различных изданиях КНР. С некоторыми трудами из этого сборника я ознакомился в переводе гражданки КНР, аспирантки Казанского (Приволжского) федерального университета, филолога

Чжоу Сяухэн. Арабская графика мне знакома с детства. Поэтому тексты с уйгурского языка, включая и книгу Бурхана Шахида «50 лет жизни в Синьцзяне», переводил сам. В некоторых случаях моих знаний в области уйгурского языка было недостаточно для перевода. Тогда за помощью я обращался к филологу Жаудату Абдрахимовичу Аббаси, владеющему уйгурским языком в совершенстве.

Пока шла работа с этими источниками, 25 декабря 2009 г. в газете «Время и Деньги» появилась статья Ровеля Кашапова «Татарский след. Разведчики из Тетюшского уезда». Не утруждая себя приведением доказательств, Ровель Кашапов пишет: «В 30-е годы Шахиди был заместителем председателя планового комитета правительства Синьцзяна, а потом стал консулом Китая в СССР. Нет никакого сомнения, что в это время земляки-тетюшцы Маликов и Шахиди общались между собой. И скорее всего, Маликов привлек последнего к разведывательной деятельности. Намеки на это имеются в воспоминаниях Шахида». Благодаря такому утверждению я понял, что Кашапов книгу Бурхана Шахида не читал и не мог найти какие-либо намеки на его разведывательную деятельность. Кроме этого, могу сказать, возможно, он и не видел эту книгу. Дело в том, что книга не издавалась на русском языке. В Татарстане эта книга всего в четырех экземплярах. Одну книгу я сдал в музей города Буинска. Две книги находятся у меня. Самая первая книга Бурхана Шахида была привезена в Татарстан академиком Миркасимом Абдулахатовичем Усмановым. О наличии у него этой книги знали единицы. До привоза из КНР других экземпляров Миркасим Абдулахатович давал мне эту книгу на пользование. Весной 2007 года книгу я вернул. Но за весь период нахождения книги у меня ею никто и не интересовался. Все эти книги написаны на кашгарском диалекте уйгурского языка, шрифт на базе арабской графики. Для того чтобы найти в тексте книги какие-либо намеки, необходимо не только знать уйгурский алфавит на базе арабского, но и знать кашгарский диалект уйгурского языка в совершенстве, где очень много слов из фарси. Самое интересное в том, что Кашапову не было бы и необходимости ударяться в область предположений, говоря о возможности общения Маликова и Шахида, при условии его знакомства с содержанием книги. На страницах 504, 505, 550-553 книги Бурхана Шахида «50 лет жизни в Синьцзяне» 1999 года издания имеется подробная информация о встрече Маликова и Шахида как представителей двух разных государств. В начале 1935 года Бурхан Шахиди как полноправный представитель Синьцзянского правительства вел переговоры с представителями СССР, среди которых был старший военный советник Ади Каримович Маликов. О подробностях этих переговоров и заключении договора займа, что является результатом этих переговоров, изложу ниже более подробно. Кроме этого, Ровель Кашапов, не подозревая, что эти строки не принадлежат перу Бурхана Шахида, слово в слово перекопировал из статьи Юлдуза Нуриевича Халиуллина «Бурхан Шахиди» целый абзац и указал, что все это написано Бурханом Шахиди. Приведенный Кашаповым абзац фактически является кратким содержанием рассказа из уст деда Губайдуллы, изложенного Бурханом Шахиди в книге «50 лет жизни в Синьцзяне» на двух листах. В самой книге Бурхана Шахида таких строк нет, так как там содержится текст рассказа, а не его краткое содержание. Краткое содержание этого рассказа написано Юлдузом Нуриевичем Халиуллиным, по-

сле того как он, находясь в городе Алма-Ате, в библиотеке Института стратегических исследований бегло ознакомился с книгой Бурхана Шахида на казахском языке. Кроме «сенсационного» предположения о том, что Бурхан Шахиди являлся разведчиком, Ровель Кашапов ничего нового читателю не сообщил. По-своему излагая искаженные факты из биографии Бурхана Шахида, взятые, в основном, из упомянутой книги Мир-каси́ма Абдулахатовича, он также ограничил всю деятельность Бурхана Шахида синьцзянским вопросом и занялся критикой. Кашапов до того увлекся критикой, что перепутал даже хронологию событий. Однако остается загадкой, с какой целью эту статью он начал с изложения информации о том, «что в Китае вынесен первый приговор по делу о произошедших в июле 2009 года в Урумчи массовых беспорядках на этнической почве». Пусть все это останется на совести автора. А про статью могу сказать только одно, что она рассчитана на дилетантов, а в самом содержании статьи глубоко зарыты чьи-то меркантильные интересы. На мой взгляд, публицист не должен возлагать на себя функции воспитателей детских дошкольных учреждений. Объяснение вопроса, что такое хорошо и что такое плохо, это есть их обязанность, а не публициста. Поэтому я хочу предложить читателю полную биографию Бурхана Шахида, свободную от каких-либо политических оценок, сохраняя за собой право на разоблачение той лжи, которую некоторые авторы использовали в «воспитательных» целях. Думаю, что после получения полной информации читатель сам найдет ответы на все вопросы.

Выше мной уже было отмечено, что некоторые авторы, увлекшись критикой, заклеили Бурхана Шахида «подлым предателем». Самое интересное заключается в том, что в литературе такой оценки не удостоен даже Шэн Шицай, который в течение десяти лет грабил население Синьцзяна и увез с собой награбленное имущество в 60 грузовиках, в том числе тонны золота и серебра. Прежде чем вешать такие ярлыки, было бы справедливо вспомнить, что Бурхан Шахиди долгое время руководил самой богатой провинцией Китая и при этом не преследовал цель личного обогащения. Он старался поднять благосостояние всего населения, боролся за равноправие всех наций, 15 лет жизни безвинно провел в тюремных застенках, по мере возможности помогал народу, но его не грабил. Даже этой краткой информации достаточно для утверждения о том, что Шахиди не заслуживает такого клейма.

Весной 2010 года в Казань приезжала делегация Синьцзяна из Урумчи. В составе делегации были в основном профессора татарской национальности, которые прибыли специально, чтобы выразить благодарность руководству Республики Татарстан за предоставление возможности бесплатного получения образования в высших учебных заведениях Казани детям татарской национальности из Синьцзяна. Мне довелось пообщаться с ними, так как в составе делегации был и профессор медицины Ирек Хайдарович Сайрани – сын тети Зайнап (сестренки моей бабушки). Одна из профессор – Рагна ханум, узнав о моем намерении выпустить в свет книгу о Бурхане Шахиди, одобрительно сказала: «Господин Бурхан до сегодняшнего дня в истории КНР является первым человеком, в честь столетия которого высшими органами партии и государства было созвано специальное собрание, чтобы почтить его память. Такой чести до этого не были удостоены даже личности китайской национальности. Такое внимание и по-

чтение к нему со стороны высших органов государства для нас невиданное и таинственное событие».

Действительно, в 1994 году в Пекине высшими органами партии и государства было создано и проведено собрание, приуроченное к 100-летию со дня рождения Бурхана Шахиди. Выступая на этом собрании, сын Бурхана Шахиди Носрат и его дочь Илсуяр сказали следующее: «Отец нам не оставил материальных ценностей. Однако духовное богатство, полученное нами в результате его воспитания, помогает нам честно трудиться на благо народа» [4].

Фотография, помещенная ниже, была сделана во время проведения этого собрания.

При написании этой книги, кроме письменных материалов, привезенных из КНР, использованы личные воспоминания дочери Бурхана Шахиди Суюм и ее супруга Уйгура Сайрани, сына Мурата и его супруги Шамскамар Таиповой, сына Илшата, дочерей Илсуяр и Илфиры.

Хочу обратить внимание читателя на то, что в 2011 году издательством «Идел-Пресс» был выпущен в свет перевод моей книги, где помимо грубых ошибок в переводе имеются целые страницы содержащие тексты, которые при сравнении с оригиналом не совпадают как по смыслу, так и по содержанию. В частности, эти тексты на страницах: 25, 28, 30, 34, 38, 57, 65, 73, 100, 101, 108, 111, 113, 128, 139, 153, 189, 192, 194, 199, 200, 201, 219. По этой причине вниманию читателя в настоящем издании предлагается авторский перевод с некоторыми уточнениями. В этом издании приложение по истории Аксу приведено в более полной редакции, а также исправлены некоторые ошибки, допущенные в татарском издании.

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В АКСУ

Дома на фотоснимке, утопающие в зелени, представляют часть деревни Аксу, которая в настоящее время в составе Буинского района Республики Татарстан. Это вид на начало средней улицы со стороны деревни Черемшан Апастовского района республики.

Если пройти по этой улице чуть больше километра в сторону видящихся вдаль холмов, окажемся возле дома, где ныне с семьей проживает Мансур Якубович Губайдуллин. Если следовать письменным источникам, в доме, стоявшем тогда на этом месте, в семье Шахидуллы, сына государственного крестьянина Губайдуллы, 3 октября 1894 года вторым ребенком на свет появился мальчик, которого называли Бурханатдином. Сегодня он всему миру известен как Бурхан Шахиди. Я намеренно сослался на письменные источники, так как, возможно, Бурхан Шахиди числился на год моложе своего возраста. Суждения об этом основаны на воспоминаниях моей бабушки Тайфы, которая всегда говорила, что братишка Бурханатдин моложе ее на два года. А она была 1891 года рождения. На первых страницах книги самого Бурхана Шахиди «50 лет жизни в Синьцзяне», изданной в 1984 году на трех языках (китайском, уйгурском, казахском) и персизданной в 1986, 1999 году на двух языках, написано, что он родился 3 октября 1894 года в деревне Аксу Тетюшского уезда Казанской губернии России. Там же он приводит рассказ, услышанный в детстве от своего деда Губайдуллы, согласно которому далекие предки являются выходцами из Китая и в Россию пришли с берегов

реки Аксу [5]. Этот рассказ во многих публикациях стал самым первым объектом критики. Авторы публикаций, последовавших после 1995 года, называя этот рассказ выдумкой, занялись поиском причин ее зарождения. Некоторые авторы посчитали, что рассказ порожден политической системой Китая. По мнению других авторов, в конце 50-х годов прошлого столетия Бурхан Шахиди сам выдумал его для того, чтобы занять пост руководителя. На мой взгляд, для того чтобы внести некоторую ясность этим словам Бурхана Шахиди, кажушимся весьма странными, необходимо привести хотя бы краткие сведения по истории деревни Аксу. Однако изложение сведений по истории этой деревни со ссылкой на первоисточники и их анализ займет значительное место, что неизбежно повлечет отклонение от основной темы. Поэтому здесь ограничусь приведением своих выводов, основанных на анализе сведений по истории деревни Аксу, приобщив к книге их сокращенный вариант в специальном приложении. Желающие могут ознакомиться с приложением и оценить мои выводы. Основываясь на исторических документах, с учетом мнения некоторых историков, которые, на мой взгляд, близки к истине, можно сделать следующие выводы. Деревня Аксу была основана в начале XVII века служилыми татарами, переселенными с территории, на которой в XIV – XVI веках располагалось Темниковское княжество. «Служилый татарин» не национальность, а понятие, означающее отношение конкретного человека к воинской службе у русского государя. «Служилые татары» были набраны из воинов, в основном из числа представителей тюркских народностей, оказавшихся не у дел после распада Золотой Орды. Само Темниковское княжество было основано в XIV веке на территории, которая частично совпадает с территориями нескольких (Рязанской, Пензенской, Нижегородской, Ульяновской) областей и Республики Мордовии, ханом Беханом – потомком Чингисхана. Темниковское княжество в начале XVI века попало в зависимость, затем в 1523 году было полностью поглощено Московским княжеством. Служилые татары Темниковского княжества (мурзы и казаки) участвовали в походах Московского княжества и составляли передовицу войск. За эту службу они получали земли на правах помещиков. Во второй половине XVI века Иваном IV многие служилые татары Темниковского княжества были переселены на территорию, где в настоящее время расположены населенные пункты Зеленодольского, Верхнеуслонского, Камско-Устьинского, Кайбицкого, Апастовского и Буинского районов Республики Татарстан. Они, оставаясь на службе, защищали границы Московского княжества от набегов ногайцев и предотвращали волнения среди черемисов и татар, заселявших ранее эти земли. Служилые татары, основавшие деревню Аксу, одни из них. К какому тюркоязычному народу относились их предки, обосновавшиеся в Темниковском княжестве, никому не известно. Этот вопрос никем из историков не изучался. Лишь своеобразие языка и особенности обычаев этого народа свидетельствуют о том, что они казанскими татарами не являются. Достоверно установленными сведениями, опровергающими информацию, полученную Бурханом Шахиди от своего деда Губайдуллы, историки не располагают. Наоборот, установление просветителем татарского народа Каюмом Насыри при изучении деревень Свяжского уезда факта проживания в XVI веке в селе Молвино человека по имени

Шаехби, отец которого был родом из Китая, является хоть и косвенным, но доказательством правоты деда Губайуллы [6]. Необходимо учесть, что деревни Молвино и Аксу были основаны примерно в одно и то же время. Несмотря на значительное расстояние между ними, они до начала XVII века относились к Аринской волости Свияжского уезда. После сказанного хочу добавить, что незнание истории и нежелание изучать действительную историю народа не делает чести современным историкам. А попытки поднятия на смех авторов, сообщающих сведения, противоречащие общепринятым шаблонам, установленным историками на вымыслах и предположениях, на мой взгляд, выглядят весьма плачевно.

Переходя от обсуждения рассказа деда Губайдуллы к изложению биографии его внука Бурхана, хочу сделать небольшое отступление и отметить, что упомянутый выше житель деревни Аксу Мансур Губайдуллин – правнук деда Губайдуллы. Он внук Валиуллы – младшего сына деда Губайдуллы. В Аксу проживают семьи еще двух внуков и одной внучки дяди Валиуллы. Это семьи Масхута Якубовича Губайдуллина, Талии Якубовны Бикбаевой, Илшага Исламовича Салахова – сына дочери дяди Валиуллы Захиры. У деда Губайдуллы была еще и дочь Гилмиджамал. В Аксу с семьями проживают ее внуки Зуфар Шарафуллович Хамидуллин, Махмут Файзирахманович Ильясов и правнучка Диляра Маратовна Хамидуллина (дочь ее внучки Сании Сафиулловны Ахуновой).

Жизненный путь Бурхана Шахида берет начало в этой деревне. Его отец Шахидулла кроме земледелия и скотоводства занимался еще и торговлей. После рождения сына он купил на центральной улице деревни Аксу землю, построил на этом участке дом и открыл возле дома небольшой магазин. Этот дом с магазином располагался севернее от земельного участка, где в настоящее время построена деревенская мечеть.

Думаю, что семья уделяла особое внимание обучению детей. Об этом я сужу по своей бабушке. Моя бабушка Тайфа не только умела бегло читать тексты священного Корана, но и знала наизусть многие суры из него, а также хадисы Пророка Мухаммеда. До конца своих дней, совершая пятикратный намаз, молилась долго, вкладывая всю душу, и с соблюдением всех правил. Кроме этого, ее сестренка Зайнап также владела грамотой и даже после переезда в Синьцзян не осталась там без работы, а продолжала учительствовать. Бурхан Шахида с малых лет стремился к знаниям. Начальное образование он получил в доме родной тети Гилмиджамал. Ее муж Гатиятулла у себя дома давал уроки по религии детям из соседней деревни Кукшум. Бурхан Шахида не только, быстро освоив арабский алфавит, научился читать и писать, но и вскоре наизусть знал священный Коран.

Моя прабабушка Халима – мать Бурхана Шахида, родом из села Алькеево Тегюшского уезда Казанской губернии (в настоящее время входит в состав Буинского района Татарстана). Ее братишка Зиятдин Булатов женился на красивой и образованной девушке из Аксу Зифе. Она старшая дочь Шарафутдина Хуснутдиновича Камалетдинова, знаменитого своей образованностью муллы деревни Аксу. Молодая семья, переехав, обосновалась в Казани. А семьи Шахидуллы – отца Бурхана и Шарафутдина Камалетдинова, которого односельчане с уважением называли Шараф абы, поддерживали добрые, дружеские отношения как сватья. Пятеро сыновей Шарафутдина Кама-

летдинова: Шигаб, Шагар, Бурхан, Гильметдин, Галимжан – личности, оставившие яркий след в истории татарского народа. В истории они известны как «братья Шараф». С их помощью в деревне Аксу была построена самая первая в округе восьмилетняя школа. Для описания судеб представителей этого знаменитого рода потребуется объем отдельной книги. Однако хочу отметить, что Зиятдин и Зифа Булатовы – родители Фуата Булатова, казненного фашистами в 1944 году вместе с поэтом-героем Мусой Джалилем в Моабитской тюрьме. Эта пожелтевшая от времени фотография была подарена Зиятдином Булатовым моей бабушке Тайфе.

В переднем ряду Зиятдин Булатов с женой Зифой Булатовой (Шараф).

Шагар Шараф, приехавший в Аксу навестить родителей, был приглашен отцом Бурхана Шахида в гости. Находясь у них, Шагар обратил внимание на сына Шахидуллы, питировавшего без ошибок суры из священного Корана. Шагар Шараф в те годы в медресе «Мухаммадия» преподавал историю. Он и предложил родителям отправить одаренного мальчика в Казань на учебу в медресе «Мухаммадия». Вспоминая об этом событии, моя бабушка Тайфа говорила: «Шагар абзы увез Бурханатдина учиться в Казань вместе со своим братишкой Галимжаном». Таким образом, в 1907 году Бурхан Шахида стал шакертом медресе «Мухаммадия», где проучился два года. По прибытии в Казань он был принят семьей Булатовых как родной сын. Однако не хотел быть обузой семье своего дяди Зиятдина. Поэтому летом 1909 года обратился к дяде с просьбой о трудоустройстве. Зиятдин Булатов устроил его на работу в издательство «Магариф» посыльным. Пайщиками этого издательства были братья его жены Шагар – Бурхан и Гильметдин. Делами руководил Гильметдин Шараф. Он до открытия семейной типографии ездил в Петроград, где прошел специальную подготовку и практику. Свою работу в издательстве «Магариф» Бурханатдин начал с мелких поручений. Он упаковывал книги и относил их для отправки на почту. Любую работу Бурханатдин

выполнял добросовестно. Со временем ему стали давать более серьезные поручения. В эти годы он серьезно занялся изучением русского языка, уделяя много времени чтению книг русских классиков. Одновременно с выполнением обязанностей по основной работе с разрешения руководителя издательства у бухгалтера обучался основам бухгалтерского учета, помогая ему в ведении дел. Издательство было расположено в одном здании с гостиницей «Номера Болгар». Гильметдин Шараф и великий тагарский поэт Габдулла Тукай, остановившийся в этой гостинице, крепко подружились. Тукай был частым гостем в издательстве. Там и познакомился Бурханатдин с великим поэтом. На первый взгляд кажется странным, что имена братьев Шараф и Габдуллы Тукая в мемуарах Бурхана Шахида не упомянуты. О своем знакомстве с великим поэтом он рассказал моей бабушке Тайфе во время встречи в Москве в 1955 году. На представленной фотографии запечатлен момент этой встречи Бурхана Шахида с родственниками.

На фотографии впереди слева направо: Назия Матросова, Бурхан Шахиди, Тайфа Мингалиева, Назия Ахметшина (Булатова), Гульнара Ахметшина. На заднем плане Камиль Ахметшин.

В книге Бурхана Шахида «50 лет жизни в Синыцзяне» главным редактором издательства «Магариф» вместо Гильметдина Шарафа указан другой человек. Кроме этого, там сказано, что в издательство Бурхана устроил братишка жены дяди Зиятдина по имени Исмагил – пайшик издательства [7]. Как известно, у Зифы Булатовой (Шараф), кроме названных пятерых, других братишек нет. Я не думаю, что Бурхан Шахиди забыл имена людей, которые его привезли в Казань, обучили и подготовили к самостоя-

тельной жизни. Скорее всего, Шахиди умышленно утаил имена братьев Шараф, чтобы не усложнять их и без того серьезное положение. По грязным доносам завистников братья Шараф в 1937–1938 годах органами НКВД СССР были обвинены в шпионаже в пользу Германии и репрессированы. По информации этих же органов, Бурхан Шахиди в 1938 году в Китае был брошен в тюрьму по тому же обвинению. При этом необходимо учесть, что мемуары написаны человеком, который без вины, суда и следствия содержался в китайской тюрьме в общей сложности 15 лет и даже после освобождения оттуда полной информацией о братьях Шараф не располагал. В издательстве «Магариф» Бурхан Шахиди проработал до октября 1911 года. Его отъезд в город Семипалатинск в связи с переходом на работу в фирму «Тянь-Шань» всеми авторами преподносится как неожиданность. Я считаю, что никакой неожиданности в этом не было. Думаю, что в издательстве «Магариф» Шахиди проходил лишь подготовку к самостоятельной жизни. За два года он освоил специальность бухгалтера и стал способным самостоятельно вести торговые операции. Когда Бурхан Шахиди в Нижнем Новгороде познакомился с Исмаилом Яппаровым, братья Шараф сами же дали ему рекомендацию. Для того, чтобы представить полную картину, необходимо остановиться на некоторых обстоятельствах, которые в то время складывались следующим образом. В эти годы издательство «Магариф» попало в поле зрения жандармерии, куда неоднократно поступала информация о том, что в типографии издательства подпольно печатаются материалы революционного и национально-освободительного характера. Именно по этой причине типографию за два года несколько раз закрывали. Братья Шараф имели хорошие связи, благодаря которым работа типографии возобновлялась. Даже в самой жандармерии у них были свои люди, которые и предупредили Бурхана Шарафа о возможном аресте, и он вынужден был переехать в Оренбург [8]. Возможно, жандармерия имела информацию и на Бурханатдина либо была намерена взять его на разработку. В некоторых справочниках, изданных в КНР, сказано, что Бурхан Шахиди в молодые годы в России привлекался к революционной деятельности. Нет никаких сомнений, что в справочниках речь идет о периоде его работы в издательстве «Магариф». Поэтому отъезд в далекий Китай парня, владеющего информацией по деятельности издательства, всех устраивал. Однако на ответственную работу в серьезную компанию невозможно было устроиться без рекомендации уважаемых людей. Думаю, что рекомендацию давал Бурхан Шараф, признанный в Оренбурге как авторитетный журналист. Необходимо при этом учесть, что Яппаровы родом из Оренбурга. Заслуживает внимания еще один факт. Зиятдин Булатов, проводив своего племянника Бурханатдина в Семипалатинск, всей семьей переезжает в город Мелеуз, расположенный на территории современного Башкортостана. В 1913 году там появился на свет его единственный сын Фуат Зиятдинович Булатов. По этой причине двоюродный братишка моей бабушки Фуат Булатов во всех источниках указан как славный сын башкирского народа. А сам факт внезапного переезда семьи Булатовых из Казани свидетельствует о каких-то осложнениях, возможно, связанных с жандармерией. В октябре 1911 года Зиятдин Булатов проводил своего племянника Бурханатдина, который на пароходе отбыл в Самару. Через несколько дней Бурханатдин был уже в Омске, куда из Самары добрался на поезде. Следуя на пароходе из Омска

по реке Иртыш, он оказался в Семипалатинске и разыскал семью Яппаровых. Глава семьи Исмаил хази Яппаров в свое время учредил фирму «Тянь-Шань», вложив средства всех своих родственников. Фирма занималась экспортом и импортом различных товаров и имела свои филиалы на территории Синьцзяна в Китае. Головная фирма, руководимая старшим сыном Исмаила хази Исхаком, находилась в Семипалатинске. В этой головной фирме Бурханатдин стажировался в течение года. Какую конкретно работу он выполнял, проходя стажировку, в источниках не сказано. Думаю, что в ходе стажировки Бурханатдин осваивал делопроизводство и основы товароведения. Когда Яппаровы убедились, что этому парню можно доверять учет и обслуживание материальных ценностей, ему сделали соответствующие документы и направили в Китай в качестве бухгалтера филиала фирмы «Тянь-Шань» в городе Урумчи. Китайскую границу Бурханатдин Шахидуллин пересек как Бурхан Шахиди. Именно так, сокращенно, были указаны его данные в оформленных на его имя документах. В сентябре 1912 года через город Чугучак он приехал в Урумчи и приступил к работе в филиале фирмы.

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

Фирма «Тянь-Шань» в Синьцзяне кроме филиала в г. Урумчи имела филиалы и в таких в городах, как Чугучак и Турфан. До революции 1917 года фирма завозила в Синьцзян в больших объемах предметы быта, инструменты, керосин, ткани и нитки. В таких же больших объемах, в основном, в Россию вывозились крупнорогатый скот, меха, пахта, овечья шерсть, сухофрукты. В каждом филиале были магазины для реализации товаров из России, приемные пункты и загоны для содержания скота до отправки их на территорию России. В Урумчинском филиале кроме этого были еще и цеха первичной обработки сырья, где по 12 часов в сутки и без выходных трудились в основном местные уйгуры и дунгане (китаеязычные мусульмане). Они стирали шерсть, сортировали сырье и улаковывали его для отправки. В обязанности Бурхана Шахиди, кроме ведения бухгалтерского учета, входило заключение договоров и оформление документов, дающих право на ведение торговых операций. С 1919 года фирма «Тянь-Шань» полностью переехала в Синьцзян. После этого Бурхан Шахиди контролировал документооборот во всех филиалах. В первый год своей работы Бурхану Шахиди удалось убедить руководство о необходимости сделать пятницу выходным днем без уменьшения при этом суммы заработной платы за неделю. Сразу же после получения первой заработной платы Бурхан Шахиди на свои деньги нанял специального преподавателя для изучения китайского языка. Он быстро освоил разговорную речь и изучил иероглифы в количестве, необходимом для свободного чтения газет. Через год после того, как приступил к работе в филиале фирмы «Тянь-Шань», Шахиди подал документы на получение китайского гражданства. С начала марта 1914 года он стал гражданином Китая. После этого Шахиди заочно продолжил образование в китайской гимназии. Возможно там он изучал японский и немецкий языки. Такое мнение у меня сложилось после обнаружения в мемуарах информации о том, что Шахиди присутствовал как переводчик во время переговоров Исхака Яппарова с японским наблюдателем [9]. Там же приводится информация и о том, что Шахиди осуществлял перевод при встрече губернатора Ян Цзэнсиня и шведского ученого Свена Хедина. Однако предположение о том, что Шахиди при этой встрече переводил с немецкого языка основано лишь на фактах из биографии шведского ученого, который получил образование в Берлинском университете. Хедин также владел многими языками мира. Есть сведения и о том, что он в качестве переводчика с фарси состоял на государственной службе. Благодаря особым способностям, Бурхан

Шахиди очень легко осваивал языки. Ему достаточно было общения по работе, чтобы научиться разговаривать свободно на уйгурском языке. Казахский язык освоил в результате общения с казахами, у которых фирма покупала скот и сырье. Бурхан Шахиди вел переговоры с продавцами от имени фирмы, в ходе которых уточнялись цена, количество покупаемого скота и сырья. С Абдурахманом – отцом своей будущей жены Шарифы, он познакомился также, приехав на переговоры от имени фирмы. Огромные стада «Куккуз» Абдурахмана (так называли его местные казахи) паслись на обширных пастбищах в окрестностях Чугучака. Овец там насчитывалось несколько десятков тысяч. Бурхан Шахиди вел переговоры без обмана и предлагал взаимовыгодные условия. Этим он и понравился Абдурахману. Они подружились, затем и породнились. У «Куккуз» Абдурахмана, татарина по национальности, от первой жены-монголки детей не было. Поэтому он взял в жены девушку по имени Хадича из местных казахов Абак-Кереев, которая родила ему дочь Шарифу и сына Гарифа. Абдурахман заметил, что Бурхан и Шарифа понравились друг другу. Он их благославил и дал согласие на свадьбу, которую справили осенью 1917 года. Молодожены стали жить в одноэтажном доме на улице Янгханг города Урумчи. В 1919 году у них родилась дочь Шадия, а в 1921 году сын Носрат. Этот дом до нашего приезда не сохранился. Оказалось, что фотографий, где вид этого дома заснят целиком, также нет. Заметив мое расстройство, дядя Мурад подарил фотографию, где возле этого дома он запечатлен совместно с братьями Сайрани.

Прерванные с 1918 года торговые отношения между Россией и Синьцзяном, возобновились на основании временного соглашения, подписанного 27 мая 1920 года в городе Или послом Российской Федерации Лимановым и главой Илийского округа. На основании этого соглашения с 1 июля 1920 года была введена ввозная таможенная пошлина в размере 7,5% от стоимости товара и вывозная пошлина в размере 5%. В городах Кульджа, Чугучак и Алма-Ата были открыты консульства. До революции 1917 года Россия и Синьцзян вели беспошлинную торговлю. В связи с установлением таможенных пошлин для организации работы таможни и ведения контроля над взиманием платежей потребовались кадры из числа хозяйственников, хорошо владевших одновременно уйгурским, китайским и русским языками. В начале 1921 года министр финансов Синьцзяна Панг Жун по рекомендации своего сына Панг Зухуана, работавшего переводчиком российско-китайского банка «Давшанг», предложил Бурхану Шахиди возглавить группу по проверке взимания таможенной пошлины, совмещая эту деятельность с работой в фирме «Тянь-Шань». Бурхан Шахиди обратился за советом к Исхаку Яппарову, который продолжал руководить фирмой «Тянь-Шань» после ее полного переезда в Синьцзян. Тот посоветовал согласиться. Когда Бурхан Шахиди дал согласие, его совместно с финансистом Ху Геньяном направили в город Чугучак для проверки полноты поступления в бюджет таможенной пошлины. Они в течение трех месяцев сличали данные в таможне с данными, зарегистрированными в консульстве России. В ходе проверки Шахиди обнаружил, что пошлина в сумме 17600 сар тенга (денежная единица, находившаяся в обращении в Синьцзяне) в бюджет не внесена. Глава района Цзян Цзиян через Ху Геньянга предложил Бурхану Шахиди взятку, чтобы скрыть этот факт. Шахиди от взятки отказался. Одновременно, не поднимая шума, предложил главе внести в бюджет сумму пошлины. В результате присвоенная главой сумма была внесена в бюджет по частям, о чем в книге была сделана отметка с указанием о несвоевременности внесения. После завершения проверки составили доклад на имя министра финансов. Там подробно были изложены все нарушения, обнаруженные в ходе проверки. Только о факте предложения главой взятки в докладе не было сказано. Губернатор Ян Цзэнсинь, которому доложили о результатах проверки, был очень доволен докладом. После этого он постоянно начал привлекать Бурхана Шахиди к серьезным проверкам. Исходя из этого, Шахиди понял, что губернатору доложили о том, что он отказался от взятки. В книге «50 лет жизни в Синьцзяне» весьма подробно описаны биография и черты характера губернатора Ян Цзэнсиня. Там упомянуты и принципы подбора кадров, которыми руководствовался Ян Цзэнсинь. Во главе всего, как считал Ян Цзэнсинь, нравственность кандидата. В книге приведено следующее его изречение: «Если безнравственному человеку дать мелкое поручение, то результатом будет мелкий вред, а если ему доверить крупное дело, то будет большая беда» [10]. Изложенное дает основание предполагать, что, проверяя таможню в городе Чугучак, Бурхан Шахиди одновременно и сам проходил проверку со стороны губернатора. Из-за привлечения к таким проверкам некоторые авторы посчитали, что Бурхан Шахиди работал в таможне (даже отвели ему должность руководителя небольшого отдела), хотя этого не было. В не-

которых справочниках КНР он указан как лицо, оказавшее помощь при организации таможни в Синьцзяне. В 1922 году губернатор Ян Цзэнсинь предложил Бурхану Шахиди возглавить свою личную ферму, где содержались племенные скакуны в количестве 1000 голов. Так, в начале 1922 года Шахиди перешел на работу к губернатору, завершив свои дела в фирме «Тянь-Шань», которую назвал «своей школой жизни». В 1922 году, после принятия дел в ферме губернатора, Бурхан Шахиди приехал в деревню Аксу и забрал с собой в Китай отца, мать и двух сестреноч – Зайнап и Марьям. Не смогла тогда уехать с ним лишь моя бабушка Тайфа, которая, овдовев, одна воспитывала трех дочерей. Младшей из дочерей – Сарие – к этому времени не исполнился и год. Кроме этого, она ухаживала и за тяжело больной свекровью. Хоть и Бурхан Шахиди хотел вернуться за ней через несколько лет, обстоятельства сложились иным образом. Бабушка вышла замуж, и друг за другом родились еще трое сыновей, старший из которых – мой отец Рифкат. Поэтому, окончательно обосновавшись в деревне Аксу, моя бабушка Тайфа не уехала в Китай. Вскоре после приезда в Синьцзян сестренки Бурхана Шахиди вышли замуж и создали свои семьи. Зайнап вышла замуж за Хайдара Сайрани и стала жить в поселке Асгана, недалеко от города Турфана. Там Хайдар Сайрани руководил школой нового образца. Марьям вышла замуж за сына «Куккуз» Абдурахмана Гарифа. Мой братишка Дулкын, упомянутый в связи с шуткой, выпущенной при нашей встрече, – их внук. Заведующим фермой губернатора Бурхан Шахиди проработал до 1925 года. В книге «50 лет жизни в Синьцзяне» этот период жизни Шахиди описан подробно. Личность самого губернатора весьма загадочная. В одних источниках его изображают тираном, в других хвалят как способного руководителя, чье правление характеризуется относительной стабильностью в Синьцзяне. Как ни странно, этот человек изучал еще и теорию марксизма. В день смерти Владимира Ильича Ленина в доме губернатора был объявлен траур и проведен траурный митинг, где присутствовал Бурхан Шахиди. Кроме руководства фермой, Шахиди выполнял еще ряд обязанностей. Он вел финансовые операции по личному счету губернатора в банке, давал уроки русского языка его среднему сыну, присутствовал как советник и переводчик при личных приемах, осуществляемых губернатором у себя дома. В книге «50 лет жизни в Синьцзяне» приведены случаи, когда губернатор, прервав разговор с лицом, прибывшим на прием, интересовался мнением Бурхана Шахиди по вопросам, возникшим в ходе беседы. Один из случаев, отраженных на страницах книги, является весьма интересным. На прием к губернатору был приглашен Рузи хаджи, руководивший консультативным советом губернатора. Рузи хаджи был неграмотным, и на приеме Ян Цзэнсинь ругал его за нежелание получать образование. Рузи хаджи заплакал и стал оправдываться словами: «Я же старик, мне какой толк от получения образования? Я же всегда исполняю только то, что мне велено». В это время Шахиди, переводивший слова Рузи хаджи, заступился за него [11]. В книге приведен еще один интересный факт. В 1922 году по поручению губернатора Бурхан Шахиди отнес десять тысяч сар тенга военному министру Ван Яунану как личную материальную помощь губернатора [12]. Эти факты свидетельствуют о том, что Бурхан Шахиди, находясь на службе у губернатора, одновременно

был его советником и доверенным лицом. В связи с этим утверждением, считаю необходимым сказать несколько слов и про Ван Юнана. Он придерживался передовых взглядов, и считая губернатора тираном, старался избегать общения с ним. Ван Юнан постоянно нуждался в деньгах. Несмотря на это, не хотел принимать материальную помощь, предложенную губернатором. Однако когда эти деньги были принесены Бурханом Шахиди, Ван Юнан их принял, чтобы сохранить хорошие личные отношения с ним. Шахиди с Ван Юнаном познакомился в фирме «Тянь-Шань». При встрече Ван Юнана с Исхаком Яппаровым он присутствовал как переводчик. Ван Юнану понравилось личное отношение переводчика к некоторым социальным проблемам, что способствовало установлению доверительных отношений. Они при встречах постоянно вели дискуссии на политические темы. Под влиянием Ван Юнана Шахиди из своих друзей создал тайную группу. Однако группа не имела твердой политической платформы, и поэтому о каких-либо положительных результатах вести речь не приходится. Между тем, необходимо отметить, что тогда Шахиди совместно с другом Мирзаяном создал подпольную типографию. Ими было выпущено и распространено небольшим тиражом два номера журнала «Новый мир».

В 1925 году губернатор поручил Бурхану Шахиди организацию строительства автозавода. В 1926 году Б. Шахиди организовал покупку и доставку в Синьцзян четырех легковых автомашин. Сохранилась фотография, где Бурхан Шахиди (на фотографии третий слева) стоит возле самой первой автомашины, доставленной в Синьцзян.

В 1926 году Бурхан Шахиди официально был назначен министром строительства автодорог провинции Синьцзян и директором автошколы. Кроме этого, он оставался личным переводчиком губернатора. Однако его основная работа сводилась к исполнению специальных поручений губернатора Ян Цзэнсиня, которые давались в связи с возникновением чрезвычайных ситуаций в местах проживания национальных меньшинств или по вопросам, для проверки которых требовались знания в области финансов. Бурхан Шахиди выезжал на место, общаясь с населением, собирал сведения и вникал в суть возникшей проблемы. По приезде с проверки, давал свое заключение и советы, излагая оптимальные варианты, которые способствовали бы сохранению спокойствия в этом регионе. Хотя и подробности не сообщаются, в книге много информации о том, что Бурхана Шахиди постоянно направляли в разные районы при возникновении чрезвычайных ситуаций. Привлекает внимание одна из сохранившихся фотографий, сделанная в местности Илембай в августе 1927 года.

В кадр одновременно с Бурханом Шахиди (второй ряд, пятый справа) попали два самых уважаемых человека алтайских казахов. Это Баймулла – командир казахского эскадрона, в составе которого было 1000 всадников (на переднем плане с детьми) и Шарипхан Кугедаев (второй ряд, четвертый справа). На мой взгляд, это объясняется серьезностью вопроса, по которому с проверкой приезжал Бурхан Шахиди. Из этих людей Шарипхан Кугедаев заслуживает особого внимания. Его прадед Кугедай происходит из рода Чингисхана и был первым ханом Абак-Кереев. Сводный брат Шарипхана по отцу Алэн был удостоен китайского княжеского титула «ван». Шарипхан получил образование в Урумчи, где и познакомился с Бурханом Шахиди. В 1937 году аксакалы избрали его главой Алтайского округа. В 1940 году Шарипхан был взят под стражу Шэн Шицаем. В 1944 году его убили в тюрьме.

Также в книге «50 лет жизни в Синьцзяне» имеется более подробная информация всего по двум из финансовых проверок. В первом случае Шахиди в 1927 году приезжал на проверку по жалобам казахских скотоводов на злоупотребления со стороны сборщиков налогов Илийского округа. В жалобе сообщалось, что сборщики налогов, если их не встречают с подарками, приводят толпу друзей и отбирают имущество в двойном размере. Бурхан Шахиди, проверив жалобу, подтвердил достоверность сведений и сообщил губернатору о том, что к скотоводам, помимо всего, не применяются и законные льготы, направленные на уменьшение суммы налога. Как результат этой проверки, кроме наказания виновных, губернатор уменьшил размер налога на владельцев скота с 0,3 до 0,2% от стоимости [13]. В книге упомянуто еще одно поручение, которое давалось для уяснения причин затягивания строительства автодороги Урумчи–Турфан. На первый взгляд, такое поручение кажется странноватым, ведь Бурхан Шахиди сам тогда был министром строительства автодорог. Ответ можно найти в самом докладе, составленном после проверки. Оказывается, на строительство автодороги были приглашены военные, которые не были подчинены Бурхану Шахиди. Офицеры с целью присвоения денег в министерство финансов подали списки с завышенным количеством солдат, занятых на строительстве. Фактически работали 345 человек, а финансирование на зарплату направлялось на 1000 человек [14]. Эти факты в книгу Бурхана Шахиди попали лишь как примеры случаев злоупотреблений со стороны военных и сборщиков налогов при изложении подробной истории региона.

7 июля 1928 года Бурхан Шахиди по очередному поручению губернатора выехал в Турфан. На другой день в Турфане ему сообщили о получении телеграммы, где без подробностей сообщалось о серьезных политических изменениях и Бурхан Шахиди на служебном автомобиле выехал обратно. Недалеко от Урумчи, в местности Диваншан, его встретил Тахир Ахун, присланный друзьями для предупреждения об опасности. Тахир Ахун рассказал, что 7 июля в русской политической школе города Урумчи был выпускной вечер, где произошла трагедия. Военный министр Ван Юнан выстрелом из пистолета убил губернатора Ян Цзэнсиня. Власть в свои руки взял министр внутренних дел Цзинь Шужэнь, который арестовал Ван Юнана и всех его друзей. Опасения друзей были основаны на дружеских отношениях Бурхана с Ван Юнаном. Цзинь Шужэнь многих друзей Ван Юнана убил на месте. Друзья Бурхана Шахиди, опасаясь за его жизнь, предложили ему скрыться. Однако, подумав о последствиях, он решил приехать в Урумчи. Шахиди такое решение принял, представив последствия своего поступка. Его невозвращение из Турфана было бы расценено как признание вины в несодержанном. В этом случае, в первую очередь, за решеткой оказались бы его близкие друзья. Поэтому он приехал в Урумчи и напрямую зашел к Цзинь Шужэню. После того как Шахиди доложил о поездке в Турфан, Цзинь Шужэнь задал ему вопрос: «Вам известно о том, что произошло в Урумчи?» Шахиди ответил, что в общих чертах узнал в окрестностях Урумчи о трагедии. Цзинь Шужэнь ему подробно рассказал об убийстве, потом добавил: «Не ваше дело всем этим заниматься. Занимайтесь своими делами. В Нянсане волнения среди казахов. Наведите там порядок!» Бурхан Шахиди в тот же день отправился в Баянгу (населенный пункт на расстоянии около 8 километров юж-

нее Урумчи в районе горного массива Нянсан). Вскоре Цзинь Шужэнь был утвержден губернатором и главнокомандующим войсками Синьцзяна. Он по всем качествам отличался от своего предшественника, причем не в положительную сторону, и не был приучен к простой жизни. В свое время Цзинь Шужэнь в Синьцзян прибыл в погоне за богатством. Постоянные веселья, курение опиума для него были привычными занятиями. Уже из этого можно судить о его умственных способностях. С таким человеком Бурхан Шахиди не хотел устанавливать доверительные отношения. Хотя и новым губернатором Шахиди был оставлен на своих должностях, их отношения были натянутые. Цзинь Шужэнь к нему относился с большим недоверием и решил хотя бы на время от него избавиться.

ГЕРМАНИЯ И ЕЕ ТЕНЬ

В начале сентября 1929 года губернатор Цзинь Шужэнь вызвал к себе Бурхана Шахиди. Разговор начал издали и остановился на медленном продвижении строительства автодороги Урумчи – Турфан. Сообщив, что в Германии производятся машины и механизмы, предназначенные для строительства дорог, приказал выехать туда и выкупить такую технику. Помимо этого, поставил задачу об изучении в течение трех месяцев способов ведения торговли Германии с другими государствами, а также системы образования страны. Возможно, губернатор рассчитывал на отказ, чтобы избавиться от Бурхана Шахиди. Ведь с беременной женой кроме его престарелых родителей оставались еще трое детей, старшей из которых Шадиэ было всего 10 лет, а младшей Суям только год исполнился. Однако, проанализировав ситуацию, он согласился. В сентябре 1929 года Бурхан Шахиди с человеком по имени Фан Ци направился в Германию через СССР. Одна из сохранившихся фотографий тех лет свидетельствует о том, что Бурхан Шахиди проездом посетил своего дядю Зиятдина, который к этому времени уже с семьей вернулся в Казань.

На снимке в первом ряду справа налево: Зиятдин Булатов с женой Зифой Булатовой (Шараф). Во втором ряду справа налево: Амина Булатова, Бурхан Шахиди, Назия Булатова, крайний слева Фуат Булатов.

Об остальных лицах на фотографии точными сведениями не располагаю. Если не ошибаюсь, рядом с Зифой Булатовой (Шараф) ее сестренка Халиса Сагитова (Шараф) с дочерью Эндже Каримовной Сагитовой.

Бурхан Шахиди и Фан Цзи, добравшись в Германию через Финляндию и Швецию, в октябре 1929 года приступили к выполнению поручений губернатора. При содействии работников посольства они закупили технику в количестве 6 машин, 200 маузеров для личной охраны губернатора и через СССР отправили их в Синьцзян. Изучив при содействии работников посольства поставленные губернатором вопросы, Бурхан Шахиди составил подробный отчет о состоянии дел в Германии в области внешней торговли и просвещения. В январе 1930 года, посылая отчет по дипломатическим каналам, одновременно просил разрешение у губернатора на возвращение в Синьцзян. Получив отказ, серьезно занялся усовершенствованием своих знаний в области немецкого языка. В конце лета он успешно сдал экзамены и поступил учиться в Берлинский университет на факультет политэкономии. До 1932 года поручения от губернатора ему не поступали. Осенью 1932 года Бурхан Шахиди успешно закончил обучение в Берлинском университете и получил диплом о высшем финансовом образовании. После приезда в Германию он очень редко получал письма. В одном из них сообщалось о рождении сына, которого назвали Шади. В 1931 году Цзинь Шужэнь послал в Германию своего сына и племянников на учебу в военную школу. В 1932 году сын губернатора обратился к Бурхану Шахиди за помощью. Отец ему поручил ведение переговоров с руководством оружейного завода, а для этого он не владел немецким языком на должном уровне. Из содержания письма губернатора Шахиди стало известно, что тот хочет закупить большую партию стрелкового оружия. Бурхан Шахиди согласился помочь, и они с сыном губернатора прибыли в Швейцарию. Хоть и письма проходили цензуру, друзья из Синьцзяна сумели в общих чертах сообщить о том, что в Турфане народ восстал против правительства. Владея такой информацией, Бурхан Шахиди приложил все усилия для того, чтобы переговоры зашли в тупик. После этого сын губернатора написал отцу, что Бурхану Шахиди необходимо приехать в Урумчи для обсуждения с губернатором некоторых особых условий, выдвинутых руководством оружейного завода. Губернатор, получив письмо от сына, специальной срочной телеграммой от 26 декабря 1932 года вызвал Бурхана Шахиди в Урумчи. В тот же день Шахиди через СССР выехал в Синьцзян и 25 января 1933 года был уже в Урумчи. В биографическом очерке, изданном в Пекине на двух языках как приложение к сборнику фотографий, сказано, что Шахиди при возвращении из Берлина остановился в Москве и встречался с друзьями Быстрым и Погониным [15]. На мой взгляд, эта информация не соответствует действительности. Такие непроверенные утверждения и дают повод некоторым «воспитателям» для выдвижения предположений о разведывательной деятельности Бурхана Шахиди. В обоснование вышесказанному могу привести следующие доводы. Шахиди в Москве знал единственного человека по фамилии Быстров – это Александр Ефимович Быстров-Запольский, который в 1926-1928 годах в городе Урумчи был Генеральным консулом СССР. В справочнике по истории Коммунистической партии и Советского Союза он указан как резидент ОГПУ СССР в Западном Китае с 1926 года.

За эти годы при встречах Генерального консула Быстрова с губернатором Ян Цзинси-нем Бурхан Шахиди присутствовал как переводчик. Быстров им обоим давал литературу по основам марксизма. В 1928 году Быстров был освобожден от должности Генерального консула и вызван в Москву. До 1932 года работал на советско-американском совместном предприятии. В 1932 году был обвинен в троцкизме, исключен из партии и уволен со всех должностей. После этого переехал из Москвы в небольшой городок, где работал простым рабочим целлюлозно-бумажной фабрики. Находился под надзором как троцкист. Если Быстров, находясь под наблюдением, в 1933 году приехал бы в Москву для встречи с Шахиди, то в лучшем случае угодил бы в тюрьму. Дело в том, что в ОГПУ имелась информация, что сын Троцкого Лев Львович Седов в 1928 году отцом был направлен в Берлин, где организовал штаб для борьбы против руководства СССР [16]. Необходимо учитывать, что Бурхан Шахиди в январе 1933 года приехал в Москву именно из Берлина. О том, что Быстров был взят под стражу в эти годы, сведений нет. Наоборот, он этот период пережил без особых притеснений. В годы борьбы против троцкистов спокойно работал простым рабочим и даже стал бригадиром. Я нашел информацию о том, что в 1959 году Александр Ефимович отвез сыну Николая Константиновича Рериха Юрию Николаевичу вещи, оставленные отцом на сохранение в городе Урумчи при оформлении им визы в СССР после Тибетской экспедиции. Человек по фамилии Погонин действительно упомянут в мемуарах. Однако знакомство с ним произошло в Москве при последней поездке Шахиди в Германию. Погонин упомянут в связи с высказыванием своего мнения по поводу перемен в Синьцзяне после прихода к власти Шэн Шицай [17]. Кроме этого, Шахиди срочно хотел выяснить причину закупки губернатором большой партии стрелкового оружия, что не позволяло ему задерживаться в Москве. О дате прибытия в Урумчи Бурхан Шахиди сообщил друзьям телеграммой. Ранее уже было сказано, что в 1922 году Бурхан Шахиди стал руководителем стихийно созданной молодежной группы, которая, не имея четкой программы, стояла на позициях создания национальной уйгурской автономии. Уезжая в Берлин, руководителем группы за себя оставлял Хайдара Сайрани. По приезде в Урумчи Хайдар его встретил при въезде в город и подробно рассказал обо всех событиях в провинции. На встречу не смог присхать Шарипхан Кугедаев. Оказалось, что правительство разыскивает его с целью ареста. Узнав об этом, казахи спрятали Кугедаева на Алтае. Другой их товарищ, Махсут Мухиди, в окрестностях Турфана руководил отрядом повстанцев, которые вели неравные бои с нанятыми правительством казаками из числа бывших белогвардейцев. Тахирбек с Каримом вели бои на юге Синьцзяна. От них не было никаких вестей. В связи с тем что Бурхан Шахиди в своей книге особое внимание уделяет описанию событий, происходивших в Синьцзяне к моменту его приезда, по ней известны лишь отрывистые сведения о периоде его жизни с января по апрель 1933 года. Проанализировав информацию, полученную из разных источников, в частности из статьи «Некоторые моменты беседы с дочерью Бурхана Суюм», опубликованной в «Экономической газете Синьцзяна» (№4 за 2003 г.), можно восстановить лишь примерную картину. После выяснения обстановки в Синьцзяне, Бурхан Шахиди встречался с губернатором, потом ездил в Берлин. Вспоминая этот период, дочь Бурхана Шахиди Суюм,

в своем интервью рассказала корреспонденту, что в 1933 году отец два раза ездил в Германию. В первый раз он с собой брал и жену Шарифу, а во второй – увез в Москву и устроил на учебу старшую дочь Шадию. Судя по тому, что в конце марта губернатор послал его в Берлин повторно, можно сделать вывод, что Бурхан Шахиди, получивший информацию о выступлении своих товарищей против войск губернатора, специально затянул переговоры на поставку большого количества оружия и в последствие, возможно, добился отрицательного результата [18].

Во всех источниках практически отсутствуют сведения о личной жизни Бурхана Шахиди в Германии. Встреча с академиком Уйгуром Сайрани во время визита в Урумчи внесла некоторую ясность в этом вопросе. Из встретивших нас в Урумчи родственников самыми старшими по возрасту были Уйгур Сайрани и Суюм Шахиди. Они в период исторического события, известного как «Революция трех округов», 25 апреля 1947 года сыграли свадьбу и создали семью. К этому времени Хайдара Сайрани – отца Уйгура Сайрани, уже не было в живых. Поэтому как сват с просьбой выдать замуж дочь Суюм за Уйгура Сайрани к Бурхану Шахиди приходил заместитель председателя коалиционного правительства Ахмеджан Касими [19]. Мы побывали в гостях в этой семье, где все вместе и сфотографировались.

Уйгур Сайрани, несмотря на свой почтенный возраст (девяностый год жизни), обладал отличной памятью, и мы с интересом слушали его воспоминания о Бурхане Шахиди. Мне хорошо запомнился его следующий рассказ. Бурхан Шахиди в Германии очень тесно общался с Гаязом Исхаки, которого в нашей стране до недавнего времени

считали врагом народа. Шахиди был знаком с политическими взглядами Гаяза Исхаки и считал его великим сыном татарского народа. Он с большим уважением относился к Исхаки и старался прислушиваться к его советам. Со слов Уйгура Сайрани, Бурхан Шахиди неоднократно вспоминал следующие слова Гаяза Исхаки: «Будь представителем того народа, среди которого живешь!» Шахиди очень бережно хранил фотографию, где был заснят совместно с классиком татарской литературы и с его дочерью Сагадат Исхаки-Чагатай. Хунвэйбины, проводившие обыск во время «культурной революции», изъяли у него эту фотографию. Бурхан Шахиди переживал это как самую большую утрату. Я хотел более подробно узнать об отношениях и знакомстве Шахиди с Исхаки. Однако лишние вопросы могли вызвать подозрение у Уйгура Сайрани, который, проведя несколько лет в заключении, прежде чем что-либо сказать, привык обдумывать каждое слово. Поэтому, удовлетворившись его свободным рассказом, от лишних вопросов воздержался. Я думаю, что Шахиди о классике татарской литературы узнал еще в Казани, когда работал в издательстве. А с его дочерью Сагадат в одно и то же время получал образование в Берлинском университете. Возможно, там они и познакомились. Заслуживает внимания не процесс знакомства, а формирование политических взглядов в результате общения с Гаязом Исхаки и влияние этого факта на дальнейшую судьбу Бурхана Шахиди. Действительно, идея Бурхана Шахиди о национальной автономии в составе Китайского государства в Синьцзяне перекликается с идеей Гаяза Исхаки о создании штата «Идель-Урал» в составе России. С книгой Гаяза Исхаки «Идель-Урал», изданной в 1933 году в Берлине на татарском языке, я ознакомился благодаря ее переводу на русский язык, вышедшему в Набережных Челнах в 1993 году. Однако там я не нашел даже намека на самостоятельное татарское государство, идею создания которого некоторые авторы на страницах Интернета приписывают Гаязу Исхаки. В книге Исхаки речь идет о создании в составе России штата равноправных наций, заселяющих бассейн реки Волги и предгорье Урала в форме республики, наделенной правом отделиться от России.

Рассказ о влиянии знакомства с классиком татарской литературы на дальнейшую судьбу Бурхана Шахиди необходимо начать с исторических событий 1917 года, непосредственно связанных с именем Гаяза Исхаки. 22 ноября 1917 года в Уфе открылась первая сессия Национального собрания тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Она продолжила свою работу до января 1918 года. Около ста депутатов, разделившись на две фракции, вели горячие споры. Первая фракция – территориалисты (туфракчылар), среди которых были Фуад Туктаров, Галимжан Ибрагимов, Фатих Карими, призывали к созданию территориальной автономии. Вторая фракция – тюркисты под руководством Садри Максуди, Гаяза Исхаки, Ибниамина Ахтямова выступали за создание национально-культурной (экстерриториальной) автономии в составе унитарного Российского государства. При этом они единой нацией считали всех мусульман России. Галимжану Шарафу – однокашнику Бурхана Шахиди по медресе «Мухаммадия», было поручено подготовить доклад о территориальной автономии. На сессию он был приглашен в качестве гостя для выступления с этим докладом. Выступая на сессии, Галимжан Шараф привел убедительные доводы в пользу создания территориальной

автономии под названием штат Идель-Урал. После его выступления большинство депутатов проголосовали за создание этой территориальной автономии [20]. Сессия избрала Национальное управление и его руководителя в лице Садрия Максуди. Были избраны министры по делам религии, просвещения и финансов. Сессия утвердила составы комиссий:

- по делам автономии;
- по подготовке от имени автономии условий заключения мира в Первой мировой войне;
- по представлению интересов автономии в мероприятиях, направленных на признание ее полномочий (посольская комиссия).

Имя Галимжана Шарафа значится среди восьми членов комиссии по делам автономии. Необходимо отметить, что вопрос по урегулированию разногласий между татарами и башкирами, которые открыли в Оренбурге свой башкирский съезд по учреждению своей автономии, был поручен именно этой комиссии. Гаяз Исхаки был избран членом посольской комиссии и делегатом штата Идель-Урал на Версальскую конференцию. Однако создание демократической республики в составе Российского государства в планы большевиков не входило. Им было дано указание на установление диктатуры пролетариата. По этой причине эта республика ими была разогнана до своего установления, а ее руководители были арестованы, затем истреблены. Гаяз Исхаки в 1919 году через Дальний Восток прибыл на Версальскую конференцию с опозданием. Узнав о разгроме автономии, решил в Россию не возвращаться. Он обосновался за границей и начал борьбу за суверенитет татарского народа. Гаяз Исхаки даже после своей смерти оставался в розыске, организованном органами КГБ СССР, как враг народа. Галимжан Шараф в 1938 году был взят под стражу по обвинению в шпионаже в пользу Германии и Японии. Несмотря на жестокие избиения в течение года, свою вину не признал. В основу обвинения органами был положен факт его участия в Национальном собрании тюрко-татар Внутренней России и Сибири и связь с Гаязом Исхаки. Он без вины был приговорен к 8 годам заключения. Отбыв полностью срок, в 1945 году из мест заключения вернулся в Казань. За это время Галимжан Шараф полностью потерял здоровье и, выйдя на свободу тяжелобольным, прожил всего пять лет. 30 сентября 1991 года Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР было рассмотрено заявление о его невиновности, поданное сыном Арсланом Шарафом. Судебная коллегия отменила приговор специальной комиссии при НКВД СССР от 27 февраля 1940 года по обвинению Галимжана Шарафа, как вынесенный необоснованно [21]. Предположим, что информация о знакомстве Бурхана Шахиди с этими двумя личностями дошла до органов НКВД СССР. Такая информация послужила бы основанием для обвинения в шпионаже и его. Весьма распространенное в органах НКВД тех времен выражение «Был бы человек, статья УК найдется» и работниками современных органов не совсем забыто по сей день. В дальнейшем, более подробно будет рассказано о том, как в 1938 году по доносу органов НКВД СССР Шахиди был взят под стражу в Китае и ему в течение семи лет искали статью. В связи с этим необходимо вспомнить и горькую судьбу татарского драматурга Карима Тинчурина. Органы НКВД узнали о

том, что он когда-то работал вместе с Гаязом Исхаки и получил от него из эмиграции одно письмо. И это оказалось «достаточным основанием» для того, чтобы приговорить Карима Тинчурина к расстрелу.

В апреле 1933 года Бурхан Шахиди был послан в Германию в последний раз. Прибыв в Москву с дочерью Шадией в конце апреля, он задержался там до 24 мая и за это время устроил дочь на учебу в Москве, а также встречался с дипломагами из Китая и с консулами, находившимися на отдыхе в Москве. От них узнал, что 19 апреля 1933 года в Синьцзяне произошла смена власти. Находясь в гостинице, где остановился консул ташкентского консульства Китая, встретился с Чин Цзуном, который был направлен новым генерал-губернатором Шэн Шицаем через Москву в центральное гоминьдановское правительство с докладом. От него получил указание о необходимости, быстро завершив дела в Германии, вернуться в Синьцзян в связи с назначением на Алтай полномочным послом нового правительства. От дипломатического сотрудника СССР Погонина, с которым встретился в китайском посольстве, Бурхан Шахиди узнал о том, что в Синьцзяне новое правительство объявило о равенстве всех наций и обратилось за финансовой помощью к СССР для проведения демократических преобразований. Оставив свои сомнения после услышанного, Бурхан Шахиди решил принять предложение нового правительства. Он 24 мая 1933 года на самолете из Москвы вылетел в Берлин. Находясь в Берлине, за 3 дня выполнил все поручения, наладил свои личные дела и 28 мая обратно на самолете вернулся в Москву. Добравшись из Москвы на поезде до Семипалагинска, направил телеграмму новому правительству, запросив указания. Следуя указаниям правительства, через границу прибыл в город Чугучак, где у главы округа получил документы о своих полномочиях на Алтае.

К моменту возвращения Бурхана Шахиди в Синьцзян войска под началом нового правительства вели бои с войсками 23-летнего дунганского генерала Ма Чжунъина, которого поддерживали и финансировали милитаристы Японии. Руководителем группы Ма Чжунъина, действовавшей на Алтае, был Ма Хеан. Бурхан Шахиди прибыв на Алтай, совместно с другом Шарипханом Кугедаевым и его братом Аленом организовал работу по объединению всех казахов под началом нового правительства. Они проводили консультации с аксакалами, организовали сходы с участием всех слоев населения. В результате проведенной работы Совет аксакалов выразил доверие и подчинение новому правительству. Кроме этого, Бурхан Шахиди и братья Кугедаевы вооружили казахов, организовали сопротивление войскам Ма Хеана.

В январе 1934 года Шахиди был вызван в Чугучак, где получил новое указание правительства. Ему было поручено обеспечить обмундированием Китайской армии и переодеть войска ОГПУ СССР, которые должны были прибыть на помощь в борьбе с войсками Ма Чжунъина. Также он должен был обеспечить эти формирования гужевым транспортом с санями для их переброски в окрестности города Урумчи. За короткий срок из складских запасов местных купцов было изготовлено обмундирование. Гужевым транспортом обеспечили местные казахи, которым недавно Бурхан Шахиди помог остаться в тех местах, откуда они в страхе перед новым правительством хотели бежать, обрекая себя на большие потери. Войска ОГПУ СССР, вошедшие в историю

под названием «Алтайцы», 15 января 1934 года пересекли границу и через гору Бакты вошли на территорию Синьцзяна. В окрестностях Чугучака их встретили, переодели в китайскую форму с русскими знаками отличия, как у белогвардейцев, находившихся на службе у губернатора, и отправили в сторону Урумчи. Эти войска при поддержке авиации быстро навели порядок на севере Синьцзяна. Весной, оставив по просьбе генерал-губернатора Шэн Шицая небольшую группу (350 всадников) и артиллерию, основная группа вернулась в СССР.

После встречи группы ОГПУ СССР Бурхан Шахиди получил указание вернуться на Алтай. Оказывается, Ма Чжуньин, чтобы облегчить себе отступление, применил хитрость. Он написал объемистое письмо казахам с Алтая, где призвал их объединиться под своим знаменем и начать борьбу за создание мусульманского государства. В результате переговоров с аксакалами, которые Шахиди вел совместно с братьями Кугедаевыми, Совет аксакалов отверг предложение Ма Чжуньина. Однако в горах прятались казахи, ранее воевавшие на стороне Ма Чжуньина. Они вынуждены были заниматься грабежами. Заручившись поддержкой правительства, Бурхан Шахиди призвал их сдать оружие и вернуться к семьям. Большинство из них, узнав о том, что не будут репрессированы, сдали оружие и приступили к мирному труду.

19 июня 1934 года Бурхан Шахиди вернулся в Урумчи с докладом по Алтаю. Он при этом в первый раз увидел генерал-губернатора Шэн Шицая, который после принятия доклада сообщил ему о его новых назначениях. Бурхан Шахиди был назначен генеральным директором правительственной торговой фирмы в местности Юшап и заместителем начальника планового комитета правительства. Ему сразу же была поручена разработка трехлетнего плана экономического развития провинции.

Сохранилась фотография, где директор правительственной фирмы Бурхан Шахиди (в центре) проверяет качество пушнины.

В период исполнения этих обязанностей, 31 марта 1935 года на свет появился третий сын Бурхана Шахиди Мурат. Помимо исполнения основных обязанностей Бурхан Шахиди выполнял и отдельные поручения правительства. В начале 1935 года по поручению правительства он вел переговоры с заместителем председателя Государственного банка СССР Д.Д. Михельманом на предмет получения правительством долгосрочного беспроцентного кредита. В переговорах участвовали Генеральный консул СССР в Урумчи Георгий Абрамович Апресов и старший военный советник Ади Каримович Маликов. В результате этих переговоров Госбанком СССР Урумчинскому правительству был выделен кредит в сумме 5 миллионов рублей золотом сроком на 5 лет. Полученными деньгами на льготных условиях были перекредитованы скотоводы и земледельцы. Возврат кредита был запланирован путем организации поставок через торговую фирму, возглавляемую Бурханом Шахиди. По политическим мотивам письменное соглашение по кредиту было подписано только в августе 1935 года. От имени урумчинского правительства соглашение было подписано Бурханом Шахиди, которому специальным постановлением правительства были переданы полномочия. Удивительно схожи судьбы всех четверых участвовавших в этих переговорах по кредитованию. Георгий (Гарегин) Абрамович Апресов в 1935 году был награжден орденом Ленина и следом же в 1936 году был арестован, затем осужден к 10 годам. Но видимо, кому-то этого показалось мало. В начале Великой Отечественной войны, 9 сентября 1941 года, в Медведевском лесу под Орлом он был расстрелян без суда и следствия. Даниил Давыдович Михельман 8 января 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорен и в тот же день расстрелян. Этой же коллегией 4 апреля 1956 года посмертно был реабилитирован. Ади Каримовича Маликова в 1937 году вторично наградили орденом Красного Знамени, затем арестовали и содержали в местах лишения свободы с июня 1938 года по август 1954 года. В 1956 году был реабилитирован. О тюремном заключении Бурхана Шахиди и о том, как он избежал смерти, будет сказано далее.

В 1935 году по инициативе упомянутых лиц при правительстве Синьцзяна было организовано Общество сопротивления агрессии. Начальником отдела этого общества по работе с населением был назначен китайский коммунист Ван Шучун, прибывший в Синьцзян под псевдонимом Юй Шьюсун после специальной подготовки в СССР. Его заместителем был назначен Бурхан Шахиди. Общество вело пропаганду против милитаристов и осуществляло деятельность по повышению образовательного уровня населения. Обществом была организована женская вечерняя школа, ее директором была назначена Рашида Гумаровна Ходжасает, принявшая участие в работе Синьцзянского народного собрания второго созыва как депутат от женщин города Кульджа [22]. В российских источниках, посвященных Бурхану Шахиди, она упомянута как Рашида Шахиди. В период работы в названном обществе Бурхан Шахиди женился на ней, получив на это согласие первой жены Шарифы. Дети Бурхана Шахиди их обеих вспоминают с глубоким уважением и зовут «наши две мамы». Хочу сказать несколько слов и про Ван Шучуна, которого Бурхан Шахиди вспоминал как своего первого учителя, обучившего его основам марксизма-ленинизма. Вскоре Ван Шучун был назначен главным секретарем общества. В 1938 году его вызвали в СССР,

где арестовали и приговорили к расстрелу. В 1949 году Бурхан Шахиди узнал о том, что вдова Ван Шучуна, потеряв мужа, оказалась в очень затруднительном материальном положении. Он добился назначения ей пенсии с учетом заслуг покойного мужа перед Коммунистической партией Китая. Перечисленные выше обязанности Бурхан Шахиди выполнял до лета 1937 года.

На этом снимке Бурхан Шахиди запечатлен вместе с членами правительства на собрании, посвященном открытию культурно-просветительского общества. Впереди второй справа губернатор Шэн Шицай, во втором ряду второй слева Бурхан Шахиди.

Весной 1937 года сход аксакалов Алтая избрал Шарипхана Кугедаева главой округа. Это решение аксакалов вызвало недовольство у Шэн Шицая. Он вызвал к себе Бурхана Шахиди и приказал ему самому ехать на Алтай главой округа. Шахиди, знавший

обстановку на Алтае, ответил губернатору отказом. Он знал, что идя против воли аксакалов, станет их врагом. К тому же это было бы предательством по отношению к своему другу Шарипхану. Отказ Шахиди вызвал ярость у Шэн Шицая. Он немедленно освободил Бурхана Шахиди от всех занимаемых им должностей. Действуя через центральный орган, добился назначения Шахиди китайским консулом в городе Зайсане СССР. В Зайсан Шахиди прибыл в июне 1937 года и принял дела. С ним вместе приехала и его жена Рашида, которая устроилась секретарем консульства. Она в 1931–1933 годах получала образование в Ташкентском педагогическом институте и за этот период хорошо освоила русский язык. Сохранилась одна фотография, заснятая в 1937 году в обеденном зале Китайского консульства в городе Зайсан.

На снимке на заднем плане Бурхан Шахиди, рядом с ним жена Рашида и старшая дочь Шадия.

Консулом Бурхану Шахиди не дали проработать даже год. Трудясь с полной отдачей, он и не подозревал, что годы, недавно проведенные в Германии, бросили на него тень подозрения и впереди его ждут большие трудности. В феврале 1938 года он получил телеграмму с указанием срочно прибыть в Урумчи с отчетами. Шахиди до конца марта 1938 года проанализировал всю деятельность консульства и составил отчеты. Затем, проехав по маршруту Семипалатинск–Алма-Ата, он пересек границу и прибыл в Синьцзян, на грузовике советской транспортной компании выехал в Урумчи. Не успели проехать и десяти километров от города Цзинхэ, как их догнала легковая машина, подававшая сигналы для остановки. Из нее вышли вооруженные люди, одетые в военную форму. Они, подойдя к грузовику, проверили документы Бурхана Шахиди и

провели личный обыск. На руках Шахиди шелкнули наручники, и ему объявили, что он арестован. Один из производивших арест был военным советником СССР. Шахиди привезли в Кульджу (китайское название Ипин) и водворили в камеру Илийского управления криминальной службы, где он содержался несколько суток. 12 апреля 1938 года его увезли в Урумчи и поместили в одиночную камеру второй тюрьмы. Начались допросы с применением пыток. Допросами руководили начальник Главного криминального управления Ли Янгци и военный советник СССР, фамилия которого в источниках не названа. Шахиди обвиняли в ведении подготовки к созданию в Синьцзяне мусульманского государства с использованием военных сил Германии и Японии. От пыток он два раза терял сознание. Шахиди приводил доводы, подтверждающие свою невиновность. При этом он напомнил допрашивавшим, что принимал активное участие в разоблачении немецкого шпиона Ишмета и в 1933 году на Алтае организовал борьбу с японским прислужником Ма Чжунъином. Однако пытки продолжались – его ставили к стенке с поднятыми руками на двадцать с лишним часов. Допрашивавшие Ван Зичанг и Исмаил при отсутствии военного советника СССР, разрешали Шахиди опускать руки, чем давали ему возможность немного отдохнуть. Они рассказали об истреблении Шэн Шицаем многих коммунистов. От них Шахиди узнал и о том, что его семью сослали в местность под названием Каба, что на Алтае. Такие допросы продолжались в течение двух лет. В ноябре 1939 года Шахиди водворили в темный тюремный подвал, где содержали в течение 68 суток. В подвале был жуткий холод и сырость, на полу – холодная вода до колен. В 1954 году при встрече в Москве с моей бабушкой Тайфой Бурхан Шахиди жаловался на постоянные боли в ногах. При этом он сказал, что эта болезнь им получена именно в этом тюремном подвале. Все пытки Шахиди переносил стойко. В результате многие сотрудники криминального управления, проводившие допросы, к нему стали относиться с уважением. Один из них – упомянутый выше Ван Зичанг, занес и отдал Бурхану Шахиди свечи и письменные принадлежности. Находясь в холодном и сыром подвале, Шахиди на уйгурском языке сочинил свое стихотворение «Я в письме шлю Вам привет, Мао Цзэдун». Там же начал работу по составлению уйгурско-русско-китайского словаря. Когда Шахиди совсем обессилел, из подвала его перевели в общую камеру. Этот сильно обросший узник на фоне сокамерников выглядел как вернувшийся с того света. В общей камере Шахиди содержался недолго. Скрыв от людского взора, с завязанными глазами его перевезли в четвертую тюрьму, где объяснили, что он теперь не Шахиди, а Ванг Ву. Затем поселили в специально оборудованную камеру, объяснив, что он будет заниматься переводами документов с разных языков. Начальник отдела Управления по борьбе с преступностью Лью Бингди давал для перевода письма, написанные на немецком, русском и уйгурском языках. Среди писем было и письмо Шэн Шицаю Сталину, где тот сообщал, что все военные советники СССР троцкисты, и просил их всех заменить. Одновременно Шахиди был поручен перевод работы Сунь Ятсена «Три желания» на уйгурский язык. Воспользовавшись этим случаем, Шахиди запросил книги и словари, которыми его обеспечили. Он продолжил и завершил работу над начатым еще в тюремном подвале уйгурско-русско-китайским словарем. Необходимо отметить, что некоторые поручения Лью

Бингди были не совсем бескорыстными. Книгу Сунь Ятсена «Три желания», переведенную Бурханом Шахиди, он издал на уйгурском языке и получил гонорар.

В апреле 1944 года Шахиди перевели в дом, расположенный за тюремным забором. Теперь его рабочее место было рядом с начальником тюрьмы Дэном и начальником отдела Цзяу Цзиланом. Разница заключалась лишь в том, что, находясь на рабочем месте, те двое были на свободе, а Шахиди сидел в тюрьме. Стали разрешать и свидания с родственниками. Пришедшая на свидание мать Бурхана Шахиди при виде его заплакала. Получившая еще в 1942 году известие о расстреле сына, мать уже и не надеялась увидеть сына живым. Она, вытирая слезы, стала рассказывать о бедах, обрушившихся на родственников после ареста сына. В 1939 году всем родственникам Шахиди запретили проживание в Урумчи. Всю семью совместно с семьей Хайдара Сайрани под охраной сопроводили в местность под названием Кера и поселили в казарме, где не было элементарных условий для проживания. Старшая дочь Шадия заболела воспалением легких. По ходатайству советских врачей, которые обслуживали казармы для ссыльных, было получено разрешение на ее перевод в Кульджинскую больницу. После выздоровления она вышла замуж за вылечившего ее доктора узбекской национальности по имени Нигмат и обосновалась в Кульдже. Нигмат, оказывается, все еще работает в больнице, а Шадия преподает в школе. В этой семье сложились очень теплые взаимоотношения и взаимопонимание. Казарма в местности Кера, где содержались родственники, была предназначена для проживания ссыльных до определения властями им конкретного места ссылки. Семьи Бурхана и сестренки Зайнап были распределены по разным пунктам ссылки. Дочь Бурхана Суюм знала, что старший брат Носрат, вернувшийся с учебы из Москвы, был сослан с семьей в уездный город Каба (китайское название Хабахэ), что на Алтае. Суюм неоднократно писала письма Шэн Шицаю с просьбой определить семье местом ссылки город Кабу, куда был сослан ее старший брат Носрат. Ее просьба была удовлетворена. В Кабе семью ожидали тяжелые условия жизни. Несмотря на очень скромный образ жизни, семья испытывала большие финансовые трудности. Будучи совсем юной девушкой, Суюм начала преподавать в казахской школе. Она и стала первой учительницей своего братишки Мурата. Суюм регулярно писала письма на имя Шэн Шицаю с просьбой разрешить семье возвращение в Урумчи, в результате чего в 1943 году всем разрешили вернуться. Не успели вернуться в Урумчи, как сразу же разрешение было аннулировано. Суюм и жена брата Носрата Марьям обосновались в городе Карашар (китайское название Яньци) и стали учительствовать. Суюм продолжала писать письма Шэн Шицаю и просила разрешения вернуться с семьей в свой родной город. В один прекрасный день она получила долгожданное письмо из канцелярии губернатора, где сообщалось, что ей, бабушке Халиме и братишке Мурату разрешено проживание в Урумчи. Они вернулись в дом, откуда были сосланы. А вот отец Бурхана Шахидулла не дождался этих дней. Он во время ссылки в 1943 году умер и был похоронен на кладбище города Кабы. Мать Шахиди после такого рассказа показала Бурхану принесенную с собой последнюю фотографию отца, сделанную в местности Кера до отправки семьи в Кабу, где он запечатлен совместно со всеми родственниками. Эта фотография сохранилась и предлагается мной к вниманию читателя.

На снимке сидят слева направо: отец Бурхана Шахиди Шахидулла, мать Халима, жена Шарифа; дети в первом ряду: первый слева Урхан Сайрани, на коленях бабушки Халимы Илчи Сайрани, между бабушкой и матерью Мурат Шахиди, крайний справа Ирек Сайрани; во втором ряду слева направо: Шади Шахиди, Зайнап Сайрани, Суюм Шахиди, Рустем Сайрани.

Весть о смерти отца потрясла Бурхана Шахиди. А слезы на глазах матери, которые так и не просыхали, были вызваны как перенесенной утратой, так и радостью встречи. Мать, увидевшая сына, которого считала давно покойным, не могла и пожелать себе большего счастья.

Тюремные муки Бурхана Шахиди закончились неожиданно. В марте 1944 года Шэн Шицай был назначен министром лесного хозяйства и земледелия правительства Гоминьдана. Понадобилось 60 грузовиков, чтобы вывезти его имущество во внутренний Китай. В Синьцзяне место губернатора занял У Чжунсин, который сразу же занялся наведением порядка в тюрьмах. Многих стали отпускать на свободу. У Чжунсин

регулярно принимал у себя освобожденных из тюрем для беседы. Один из освобожденных по имени Гуан Лу во время беседы сообщил, что Бурхан Шахиди содержится в тюрьме. Эта весть удивила У Чжунсина, считавшего его давно покойным. Он сразу же по телефону дал указание о немедленном освобождении Шахиди. Это произошло 28 ноября 1944 года. В момент звонка У Чжунсина рядом с Шахиди были родственники, прибывшие к нему на свидание, к ним незаметно зашел начальник управления тюремной охраны Ху Гужен и сказал, что Шахиди отпущен на свободу. Все засомневались в серьезности его слов. Однако выражение лица Ху Гужена подсказывало, что он не шутит. Вот таким образом Шахиди был освобожден и в первый раз за последние семь лет вернулся домой. Позже он в четвертой тюрьме посетил начальника отдела Цзяу Цзилана, у которого забрал свои книги и рукописи. Провожая его, Цзяу Цзилан посмотрел загадочно и сказал: «Наверное, ты родился в рубашке. От Шэн Шицай дважды поступали распоряжения о твоём умерщвлении». Однако их исполнение было отсрочено Лью Бингди, которому Шахиди нужен был как специалист по переводу, приносящий и материальную выгоду. Только за издание книги Сунь Ятсена «Три желания», переведенной Бурханом Шахиди, Бингди получил гонорар в сумме десяти тысяч юаней. «Революцию трех округов», о которой речь пойдет в следующей главе, он встретил на посту градоначальника Кульджи. После взятия города повстанцы его расстреляли.

Проанализировав все письменные источники, где имеются сведения о тюремной жизни Шахиди, я пришел к следующим выводам. Бурхан Шахиди был заключен под стражу по инициативе органов НКВД СССР и по ложной информации, полученной этими же органами. В следующей главе будет сказано о том, что после его освобождения из СССР специально присылали человека для того, чтобы извиниться за допущенную этими органами ошибку. Как же можно объяснить факт прекращения допросов через два года после взятия под стражу и перевод Шахиди в другую тюрьму, где он содержался под чужим именем? Ответ один. В СССР сообщили о том, что Бурхан Шахиди казнен, а Лью Бингди при казни с учетом будущей материальной выгоды заменил знающего языка Шахиди на преступника по имени Ванг Ву. В четвертой тюрьме Шахиди содержался как Ванг Ву и по его же документам. О том, что вместо Шахиди в котле был сварен один из преступников, писал еще Тауфик Айди. Однако этот факт он по ошибке отводил к его второму тюремному сроку. Суюм Шахиди в своем интервью, данном корреспонденту «Экономической газеты Синьцзяна», рассказала о том, что в 1944 году ее с матерью приглашали в тюрьму на свидание с каким-то Ванг Ву. Оказалось, что их вызвали на свидание с отцом.

Возможно, второй раз приказ на физическое уничтожение Шахиди давался после того, как Шэн Шицай узнал о том, что его прячут под чужим именем. Неисполнение этого приказа можно объяснить лишь отсутствием должного контроля. Думаю, что вопрос срочной отправки награбленного имущества во внутренний Китай для такого алчного диктатора как Шэн Шицай, был куда важнее, чем месть за непослушание.

ИЗ ТЮРЬМЫ – В ВОДОВОРОТЫ ИСТОРИИ

Мной уже сообщалось, что Бурхан Шахиди 28 ноября 1944 года был отпущен из тюрьмы домой. При этом его не ознакомили с каким-либо документом, где бы давалась оценка деянию, за которое он был водворен в тюрьму. В связи с тем, что тюрьма очень пошатнула здоровье, Бурхан Шахиди решил немного отдохнуть, поискать родственников и друзей, с которыми давно потерял связь. Оказалось, что его жена Рашида, всрнувшись в 1939 году из Зайсана, вместе с дочерью Илчан, родившейся после ареста отца, обосновалась в городе Нилка, где и учительствовала. Вскоре они вернулись в Урумчи. Шахиди выяснил, что его близкие друзья Хайдар Сайрани и Шарипхан Кугедаев были убиты в тюрьме. Это была большая утрата, так как они оба были и настоящими друзьями, и единомышленниками. Однако Бурхану не дали долго отдыхать. Не прошло и месяца со дня освобождения, как к нему домой пришел начальник управления охраны Ху Гужен и сообщил о его назначении заместителем начальника отдела переводчиков управления охраны. Шахиди, выйдя на работу, приступил к переводу одной книги. Не проработав и двух месяцев, Бурхан был вызван министром внутренних дел Дэн Шианхаем, который вручил мандат о назначении своим заместителем. Приступая к работе, Шахиди предложил открыть курсы для национальной молодежи с целью их подготовки к работе в районах. Его беспокоила всеобщая неграмотность молодежи, которая по этой причине не могла найти себе работу. Об этом предложении министр доложил губернатору У Чжунсину. Губернатор пытался завоевать авторитет среди представителей национальных меньшинств, поэтому в их отношении он избрал политику лояльности. Предложение Шахиди губернатором было одобрено по причине его соответствия этой политике. Курсы с привлечением более сорока человек из числа молодежи национальных меньшинств открылись под названием «Национальная молодежь». В день открытия курсов губернатор пригласил всех к себе, поздравил молодежь с этим важным событием и обещал по завершении учебы помочь им трудоустроиться. Преподавание на этих курсах Бурхан Шахиди взял на себя. Однако эту работу он вел меньше месяца. Через пару недель утром к Шахиди на работу зашел Дэн Шианхай и, вручив мандат, объявил о его назначении мэром города Урумчи. Бурхан с удивлением спросил: «Почему вчера об этом речи не было?» Дэн Шианхай ответил, что решение об этом было принято только ночью, и добавил: «Пока у мэрии своего здания нет. Можешь исполнять свои обязанности, оставаясь в здании министерства внутренних дел».

Со временем старое здание, где городская администрация располагалась до своего закрытия, было возвращено, куда Шахиди и переселился. К нему назначили еще двоих «помощников», в чьи обязанности входила слежка за Шахиди и информирование соответствующих органов о ходе его деятельности. Частые перемещения, связанные с назначением Шахиди на должности с громкими названиями, создавали видимость его карьерного роста, и на это были свои объективные причины. Первая причина – это стремление правительства Гоминьдана завоевать доверие национальных меньшинств, длительное время находившихся под гнетом Шэн Шицая. С этой целью гоминьдановцы создавали должности с громкими названиями, которые никакими полномочиями не наделялись. Для создания иллюзии «заботы о национальных меньшинствах» на эти должности назначали их представителей, репрессированных Шэн Шицаем. Вторая причина – это стремление привязать к должности, чтобы держать этих представителей под постоянным наблюдением, чем исключить возможности их участия в национально-освободительном движении. А вот причину срочно возникшей необходимости восстановления должности мэра специально для себя Шахиди узнал от Хашима Курбана, заменившего его в обществе «Национальная молодежь». Оказывается, человек по имени Акбар написал на имя Дэн Шианхая донос, где сообщал, что Бурхан на курсах готовит кадры для участия в «Революции трех округов».

Для того чтобы читатель мог уяснить смысл предыдущих строк и иметь более четкое представление о событиях с участием Шахиди, которые будут описаны далее, необходимо сделать небольшое отступление и привести краткую историческую справку. События, о которых пойдет речь, несмотря на то, что начались во время нахождения Бурхана Шахиди в тюрьме, весьма подробно описаны им в книге «50 лет жизни в Синьцзяне». В одной из книг, изданных в Татарстане, я нашел строки, где сказано, что книга Шахиди наполовину состоит из лжи [23]. Упомянутая книга Бурхана Шахиди издана в 1999 году на уйгурском языке объемом 800 страниц. Если собрать вместе отрывочно изложенные сведения о самом авторе, то они заняли бы всего одну десятую часть общего объема книги. Остальную часть книги занимает описание истории Синьцзяна с подробностями, что свойственно лишь летописцам. Кроме подробного описания периода правления каждого из губернаторов, Шахиди в своей книге приводит анализ политической ситуации и экономики Синьцзяна. В связи с этим утверждение, приведенное выше, равносильно утверждению о том, что Шахиди написал наполовину ложную историю Синьцзяна. Поэтому пришлось сопоставлять сведения, изложенные в книге, и сведения в источниках, изданных в России и КНР. Для этого из китайских источников использовал фундаментальный труд коллектива авторов под названием «Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее», изданный как книга на русском языке в 2006 году в городе Урумчи. Из российских источников взял труды профессора Алтайской педагогической академии, доктора исторических наук Валерия Анатольевича Бармина [24]. В результате обнаружил, что события во всех источниках, включая и книгу Шахиди, описаны идентично. Исторические сведения, взятые из названных источников, мной будут изложены кратко и без политических оценок.

Генерал-губернатор Синьцзяна Шэн Шицай, начиная с 1942 года, повел антисоветскую политику. В августе 1942 года для переговоров с ним в Урумчи приезжала жена Чан Кайши Сун Мэйлин. В результате этих переговоров Шэн Шицай признал свое полное подчинение центральному гоминьдановскому правительству. Эти изменения привели почти к полному прекращению торговых отношений с Советским Союзом, что отрицательно отразилось на экономике Синьцзяна. От этого в первую очередь пострадало население, особенно скотоводы приграничных районов, у которых поступление доходов напрямую зависело от торговли с Россией. Росло недовольство обнищавшего населения. К тому же в октябре 1944 года, для того чтобы доказать свою преданность гоминьдановскому правительству, Шэн Шицай обязал скотоводов безвозмездно передать гоминьдановской армии десять тысяч голов коней. Количество коней, подлежащих передаче, устанавливалось исходя из поголовья скота. Те скотоводы, у которых не было своих коней, обязаны были заплатить их стоимость деньгами. Причем установленная Шэн Шицаем стоимость в полтора раза превышала рыночную стоимость коней. Это постановление и послужило поводом к началу восстания в горах Нилкинского уезда. В октябре 1944 года вооруженный партизанский отряд, численностью около ста человек, под руководством Фатиха Муслимова – татарина по национальности [25], и совершившего побег из тюрьмы уйгура Гани Батыра, напал на уездный город Нилка. Они быстро разгромили гарнизон гоминьдановцев и захватили город. Количество повстанцев увеличивалось по мере присоединения к ним местного населения, недовольного последними изменениями. Вскоре повстанцы напали и захватили центральный город Илийского округа Кульджу. В результате этого сражения гоминьдановские войска понесли большие потери в живой силе. Одновременно было захвачено много оружия и боеприпасов. За короткий срок Илийский округ был полностью завоеван повстанцами. 12 ноября 1944 года было образовано временное правительство, и повстанцы объявили о создании независимой от правительства Гоминьдана Восточно-Туркестанской Республики. Политические взгляды членов правительства были различны. Среди них можно назвать три основные группы. Первая группа под руководством Ахмеджана Касими и Абдукарима Аббасова по своим взглядам была близка к коммунистическим идеям. Члены второй группы под руководством Анвара Мусабаева и Рахимжана Сабира были сторонниками буржуазной республики. Третья группа под руководством Алихана Тюре и Хакимбека ходжи была проникнута идеями построения независимого феодального мусульманского государства, управляемого по религиозным канонам. Правительство было образовано по принципу суверенного государства и имело в своем составе министерства внутренних дел, внешних связей, финансов, военное и другие. В ведении военного министерства под руководством Ахмеджана Касими была десятитысячная национальная армия, оснащенная новейшей техникой и вооружением СССР. В этой армии были задействованы многочисленные советские советники. Историками КНР и России на основании архивных документов установлено, что все эти события были организованы спецслужбами СССР, всем этим движением руководили начальник отдела по особым поручениям НКВД СССР генерал Егноров и его заместитель генерал Лангфанг (26, 27). При штурме города Кульджи участвовала группа под руководством

советского офицера Александрова, прошедшая специальную подготовку, и советский кавалерийский батальон под руководством полковника Поленова. Они, действуя по составленному в СССР плану, совместно с повстанцами за короткий срок освободили от войск Гоминьдана области Тарбагатай и Алтай. Летом 1945 года, продвигаясь с боями в южном направлении, к сентябрю дошли до берегов реки Манас. Правительство Гоминьдана, заподозрив участие СССР в этом движении, через советских консулов обратилось с просьбой о посредничестве в мирных переговорах с повстанцами. Политические события на мировой арене способствовали изменению политики СССР в отношении к повстанцам. В феврале 1945 года главы государств СССР, Англии и США на Ялтинской конференции обсуждали условия вступления СССР в войну с Японией. Советский Союз как условие своего участия в войне выдвинул требование о приобретении Внешней Монголией статуса независимого государства, что предполагалось после поражения Японии. Под нажимом СССР и США Чан Кайши вынужден был с этим согласиться. Однако при этом СССР вынужден был выполнить встречное условие Чан Кайши и признать Синьцзян как провинцию в составе Китая. По этой причине СССР организовал переговоры между правительствами Гоминьдана и «Восточного Туркестана» с целью заключения между ними мирного соглашения [28]. Переговоры, начавшиеся 17 октября 1945 года, продолжались до июня 1946 года. В них от имени «Восточного Туркестана» участвовала делегация под руководством Рахимджана Сабир хаджи, а гоминьдановское правительство представлял генерал Чжан Жичжун. После двухмесячных ссор и перепалок 2 января 1946 года было подписано соглашение о прекращении войны и образовании коалиционного правительства. В этот же день было подписано первое приложение к соглашению, где были отражены принципы организации органов управления. Из содержания этих документов видно, что в них речь идет о создании автономии, основанной на демократических принципах. Было отложено рассмотрение вопроса о судьбе десяти тысячной национальной армии и подписание второго приложения к соглашению по этому вопросу. Соглашение из 11 пунктов и приложение от имени правительства Гоминьдана подписал Чжан Жичжун, а от имени представителей «Восточного Туркестана», назвав себя «народными представителями», подписали Рахимджан Сабир хаджи, Абулхаир-Тюре и Ахмеджан Касими [29]. В этом соглашении сказано о расформировании временного правительства, образованного 12 ноября 1944 года в Кульдже, и о переходе власти коалиционному правительству во всех округах Синьцзяна, включая и округа Или, Тарбагатай, Алтай.

На торжества, посвященные заключению мира, был приглашен и Бурхан Шахиди. Там он встретился с Ахмеджаном Касими. Узнали друг друга. Оказывается, встречались в тюрьме. В ходе продолжительной беседы оба выяснили, что взгляды на жизнь и мировоззрение в основном идентичны. В ходе беседы Шахиди узнал, что его включили в состав образуемого коалиционного правительства по предложению Ахмеджана Касими. 6 июня 1946 года было подписано упомянутое выше второе приложение к мирному договору. Приложение подписали лица, чьи подписи были и под текстом основного соглашения. Председателем вновь образованного коалиционного правительства был назначен Чжан Жичжун, а его заместителями – Ахмеджан Каси-

ми и Бурхан Шахиди. Вновь образованное правительство приступило к исполнению своих обязанностей с 1 июля 1946 года. В этот же день были проведены торжества в честь этого события. Фотографии, где запечатлены эти торжества, сохранились лишь на страницах пожелтевших от времени газет. Очень плохое качество исключает возможность их помещения на страницах этой книги. Сохранилась лишь фотография хорошего качества, где вместе запечатлены представители правительства Гоминьдана и правительства «Трех округов», возможно, сделанная в день подписания второго приложения к соглашению.

На снимке в первом ряду слева Рахимджан Сабир хаджи, во втором ряду третий справа Хакимбек ходжа, четвертый Чжан Жичжун, пятый Ахмеджан Касими. В этой группе несколько советников СССР, чьи фамилии в источниках не названы.

Некоторые члены ликвидированного правительства «Трех округов» вошли в состав вновь образованного коалиционного правительства. Рахимджан Сабир хаджи был назначен заместителем министра внутренних дел, Абдукарим Аббасов – заместителем главного секретаря правительства, Далельхан Сугурбаев – начальником управления здравоохранения, Исхакбек Мунунов – заместителем начальника штаба командования безопасности провинции, Алихан-Тюре – руководителем Илийского округа. Что касается Алихана-Тюре – в прошлом председателя временного правительства «Трех округов»,

то он еще в начале 1946 года, убедившись в невозможности создания самостоятельного мусульманского государства, пытался сорвать мирные переговоры. После такой неудачной попытки, сколотив группу единомышленников, увел часть войск национальной армии и напал на город Ташкурган. После образования коалиционного правительства объявил о своем уходе из политики. Несмотря на это, 17 июня 1946 года Алихан-Тюре Согуни был вызван в Москву сотрудниками МИД и МГБ СССР, откуда не вернулся [30].

Всю оставшуюся жизнь он провел в Ташкенте под домашним арестом. Самым молодым среди членов правительства был Ахмеджан Касими. Несмотря на свой возраст, он был признан как образованный и грамотный деятель, чем и завоевал авторитет. Касими родился 15 апреля 1914 года в Кульдже в семье ремесленника Надира Ахуна. В шестилетнем возрасте Ахмеджан осиротел. Отца убили по указанию богатого помещика. Семья осталась без кормильца. Тяжело заболела старшая сестра и вскоре умерла. На ее лечение в семье не было денег. Мать Ахмеджана Шарванихан, чтобы прокормиться, вынуждена была скитаться с сыном по домам состоятельных горожан. Она стирала, пекла лепешки и выполняла разную черную работу. В один прекрасный день из местности Чилпанзе к ним приехал дядя матери по имени Кабир и предложил переехать к нему жить. Там же обосновался и учительствовал дядя Ахмеджана по отцу Умар, получивший образование в СССР. Он и стал первым учителем Ахмеджана после переезда в Чилпанзе. В начальной школе Ахмеджан учился очень хорошо. Кроме этого, чтобы оказать матери материальную помощь, с восьмилетнего возраста работал дровосеком. В 1925 году, видя, что Ахмеджан способный ученик и хочет продолжить образование, Умар увез его с матерью Шарванихан в Советский Союз. Дальнейшее образование Ахмеджан получал в городе Яркенде, где обосновалась семья дяди Умара. Все это время он ощущал полную поддержку дяди, как моральную, так и материальную. Поэтому Ахмеджан взял себе фамилию дяди и стал Ахмеджаном Касими. Перед окончанием обучения в неполной средней школе скоропостижно скончалась его мать. Несмотря на такое несчастье, Ахмеджан школу закончил с отличием. В 1928 году он успешно сдал экзамены и поступил в Алма-Атинский педагогический техникум. После окончания техникума до 1934 года работал учителем в одной из алмаатинских школ. Затем уехал в Ташкент и поступил на юридический факультет Среднеазиатского государственного университета. В 1936 году с отличием закончив учебу, решил продолжить свое образование в Москве. Сдав на отлично экзамены на русском языке, в 1937 году поступил на социально-политический факультет Коммунистического университета трудящихся Востока. За пять лет обучения знания Ахмеджана Касими по всем предметам оценивались на отлично. После окончания университета в 1942 году ему была предложена должность преподавателя университета. Однако еще в Ташкентском университете от студентов из Синьцзяна узнал о прогрессивных преобразованиях у себя на родине. Касими, в связи с этим, хотел служить своему народу, поэтому он решил вернуться в Синьцзян. Есть сведения о том, что до возвращения на родину, Ахмеджан Касими некоторое время проживал в Казани и проходил практику в Казанском государственном университете [31]. Вежливо отказавшись от предложенной должности в Московском университете, летом 1942 года приехал в Кульджу. Его сразу же взяли под

особый надзор и вскоре посадили в тюрьму. Как и Бурхан Шахиди, Ахмеджан Касими был освобожден У Чжунсином. Приехав из тюрьмы в Кульджу, он сразу же присоединился к революционному движению. Во время совместной работы в коалиционном правительстве Ахмеджана Касими и Бурхана Шахиди связывала крепкая дружба. Она была основана на совпадении взглядов на жизнь и идентичности отношения ко многим политическим проблемам. Даже в редкие выходные дни их видели вместе с семьями. У Ахмеджана Касими был фотоаппарат производства Германии, купленный им в Нанкине, куда он ездил на совещание. Многие фотоснимки Касими были изъяты и уничтожены в годы «культурной революции» во время обысков у Бурхана Шахиди. Однако некоторые из них сохранились до наших дней. Помещаемая ниже фотография сделана в Урумчи Ахмеджаном Касими в 1946 году.

На снимке слева на переднем плане жена Ахмеджана Касими Махинур с дочерью Адилат. Справа на переднем плане Бурхан Шахиди с женой Рашидой и дочерью Илчан.

В источниках сообщается, что Касими и Шахиди преследовали цель создания в Синьцзяне демократического общества. При этом оба не ставили свои личные интересы выше общественных. В источниках я нашел сведения, характеризующие их одинаковое отношение к вопросу создания в Синьцзяне государства, управляемого по мусульманским канонам. В книге «50 лет жизни в Синьцзяне» написано, что в 1934

году в ходе спора с религиозными деятелями в городе Чугучаке, утверждающими необходимость создания в Синьцзяне государства, управляемого по религиозным канонам, Шахиди представил последствия принятия такого решения. Несколько строк из этой книги характеризуют его отношение к такому государственному строю. В книге изложено следующее мнение: «Если начнут судить по религиозным канонам, то через год у многих мужчин будут отрублены руки и большинство мужского населения будет состоять из безруких инвалидов. Какие же адские мучения при этом ожидают женщин?» [32]. Отрицательное отношение Ахмеджана Касими к вопросу о создании такого государства мы видим из содержания его выступлений на собраниях [33].

Демократические силы постоянно сталкивались с результатами скрытой политики правительства Гоминьдана, направленной на аннулирование условий подписанного с представителями «Трех округов» соглашения. Правительство для противодействия демократическим преобразованиям использовало войска, постоянно увеличивая их численность. Названное соглашение предусматривало проведение в уездах всех округов выборов, основанных на демократических принципах. Мероприятия по срыву этих выборов, запланированные правительством Гоминьдана, нашли поддержку и у реакционных сил под руководством глав некоторых округов, которые хотели назначать глав уездов из своего окружения. Для организации и участия в выборах во всех округах Синьцзяна в качестве наблюдателей коалиционным правительством была образована группа, состоявшая в основном из членов правительства. Из этой группы Сайфутдин Азизи был назначен ответственным в Кашгар, Бурхан Шахиди – в Яркенд, Уйгур Сайрани – в Кумул (китайское название Хами), Мухаммад Имин – в Хотан. 5 октября 1946 года самолет с членами этой группы приземлился в Кашгаре. Оставшиеся недовольными снятием мэра Нового города в Кашгаре военные пытались сорвать выборы в округе. Связались с Чжан Жичжуном, которому через центральное правительство в Нанкине удалось немного обуздать военных. В ответной телеграмме, присланной Чжан Жичжуном, говорилось, что решение о снятии мэра Нового города одобрено и военным дано указание не вмешиваться в дела правительства. Членов группы во всех округах ожидала аналогичная ситуация. Выборы в южных округах с большим трудом были проведены к декабрю. Однако их результаты оказались аналогичными показанным в телеспектакле ныне покойного моего земляка драматурга Шарифа Хусаинова «Генеральная уборка», исчезнувшем на долгое время с телеэкранов в связи с началом горбачевской перестройки. Например, глава Яркендского округа Цзу Фанган сразу же после отъезда наблюдателей, снял избранного народом 10 декабря 1946 года главу Макинского уезда Муидина Нияза и поставил на его место своего человека [34].

После выборов Бурхан Шахиди приехал из Яркенда в Кашгар и там в течение месяца занимался налаживанием дел. В Урумчи он вернулся в начале февраля 1947 года. Урумчи к этому времени напоминал арену, где происходили столкновения различных политических сил. Толпа народа под предводительством членов организации «Уйгурская молодежь» 20 февраля собралась на митинг. После выступлений о нарушении правительством Гоминьдана условий мирного соглашения, митингующие с плакатами подошли к зданию правительства. Они выдвинули требование о смещении глав округов.

гов Турфан, Кумул (Хами), Хотан и Яркенд. Толпа разошлась после объявления о том, что их требования будут рассмотрены на специальном сходе. На сходе, созванном 23 февраля, многие требования, выдвинутые митинговавшими, были удовлетворены специальным решением членов правительства. Утром следующего дня на улицах города появилась группа дунган численностью около трех тысяч человек, среди которых были переодетые офицеры Урумчинского гарнизона. К ним присоединилась группа казахских всадников и возглавила колонну демонстрантов. Началось шествие, в ходе которого выкрикивали лозунги против коалиционного правительства. Основные лозунги сводились к призыву граждан подчиняться только центральному гоминьдановскому правительству и противодействовать отделению трех округов. Впоследствии выяснилось, что все эти действия были организованы начальником штаба Урумчинского гарнизона Сун Шилианом, который заранее вел подготовительную работу через руководителей национальных организаций дунган и китайцев. Он также добился раскола в казахской организации и привлек часть казахов к осуществлению своих замыслов. Действия против коалиционного правительства Сун Шилиан начал с этого шествия, воспользовавшись отсутствием Чжан Жичжуна, которого вызвали в Нанкин. Толпой командовали офицеры, которые заранее получили подробный инструктаж начальника штаба. Однако шествием дело не закончилось. На 25 февраля 1947 года было намечено проведение заседания правительства. С утра около здания правительства собралась толпа численностью около пяти тысяч человек, и некоторые из них, взломав двери, проникли вовнутрь здания. Члены правительства в это время находились в зале заседаний. Чжан Жичжун все еще находился в Нанкине, а Ахмеджан Касими задерживался, и поэтому ведение переговоров с собравшимися поручили Бурхану Шахиди. Он через двор направился к зданию. Из собравшейся во дворе толпы были слышны выкрики: «Бейте! Убивайте!» Бурхан, протискиваясь через толпу, прошел ко входу здания, где встретился с Абдукаримом Аббасовым. Позвав его, прошел в свой рабочий кабинет, находившийся в передней части здания. Зашедшим вслед за ними дунганам в количестве нескольких человек предложил присесть и спросил, какие у них требования. Они отказались разговаривать с Бурханом Шахиди. Сказали, что все требования изложат заместителю председателя Ахмеджану и потребовали встречи с ним. В ответ Шахиди сказал: «Каким образом заместитель председателя Ахмеджан может подойти сюда, если ваши люди во дворе кричат: «Бейте! Убивайте!»?» На это представители выдвигающих требования ответили, что гарантируют безопасность Касими. Шахиди поднял телефонную трубку и понял, что линия оборвана. Где-то через полчаса заместитель мэра Урумчи Дэн Биган и несколько человек с ним привели Ахмеджана Касими. Были выдвинуты требования из 16 пунктов, основное из которых – восстановление правительства Синьцзяна в том составе, в котором оно было до заключения мирного соглашения. При изучении текста требований Бурхан Шахиди обратил внимание на то, что выдвигающим требования заместитель секретаря правительства Салис подает знаки, руководя их действиями. А вот возобновление или затухание во дворе голосов выкрикивавших угрозы совпадали с выходами Дэн Бигана из кабинета к собравшимся. После изучения и обсуждения требований с Бурханом Шахиди Ахмеджан Касими от имени

правительства дал ответ представителям выдвигающих требования. Отрицательный ответ очень не понравился, и недовольные представители вышли к собравшимся. Перед зданием правительства начались стычки противоборствующих группировок. В сопровождении телохранителей члены правительства переместились в зал заседаний, находящийся в соседнем здании. Бурхану Шахиди и Ахмеджану Касими сообщили о том, что их хотят убить. Один из телохранителей предложил им убежать в штаб военных, куда можно было добраться тайком по дворам. Однако оба наотрез отказались следовать такому совету. Касими сказал, что за свою жизнь не боится. Шахиди добавил, что если им суждено погибнуть, то пусть это свершится на рабочем месте, чтобы виновные понесли более строгое наказание. В зал заседаний зашел Дэн Биган и заявил, что собравшиеся хотят услышать ответ от самого Касими. Несмотря на то, что от Касими он получил ответ в письменном виде, им дважды была предпринята попытка вывести Ахмеджана Касими во двор, где продолжались стычки и откуда доносились крики и стоны раненых. К вечеру двор был заполнен трупами. В этот же день по подстрекательству военных произошли столкновения между группировками и на национальной почве. Было очень много убитых. Среди них был и шофер Бурхана Шахиди Мунип Ахун. Ночью члены правительства на двух автомашинах выехали за городские ворота, где было большое скопление агрессивно настроенного народа. Перед собравшимися выступил Ахмеджан Касими и призвал к порядку и народ разошелся. Эти события историки КНР назвали «Кровавым 25 февраля». На другой день, не дожидаясь окончания похорон убитых, военные начали проводить обыски в домах уйгуров и брать их под стражу. Во время обысков многих просто расстреливали. Несмотря на принятие всевозможных мер, Шахиди и Касими не смогли остановить эти бесчинства военных.

По возвращении из Нанкина Чжан Жичжун, собрав военных, выступил с речью, где указал на недопустимость вмешательства военных в политику. Я не думаю, что Чжан Жичжун не мог знать о выполнении военными указаний правительства Гоминьдана. По-моему его выступление на собрании было сделано лишь для успокоения членов правительства. К тому же сами члены правительства на это собрание не были приглашены. Кроме этого, сам факт отъезда Чжан Жичжуна без особой надобности в Нанкин накануне этих кровавых событий заставляет призадуматься.

В конце марта Чжан Жичжун, собрав членов правительства, объявил о возникновении серьезной ситуации на Алтае. Оказалось, что Илийское правительство, полномочия которого согласно условиям мирного соглашения истекли, сместило главу Алтайского округа Усмана и поставило на его место Далельхана, получившего образование в СССР. В списках, утвержденных мировым соглашением, как член коалиционного правительства и одновременно глава Алтайского округа за номером 22 значится Усман Исламов – казах из Куктукайского уезда, выдвинутый правительством «Трех округов» [36]. Для проведения расследования этого факта коалиционным правительством была назначена комиссия под руководством Бурхана Шахиди. Им была поставлена задача – возврат Усмана на должность путем проведения агитации среди населения. В состав комиссии был назначен и старший сын Шахиди Носрат. Бурхан слышал многое об этом Усмани. Ему было известно, что Усман в период правления Шэн Шицая во главе

небольшой группы напал на караван и захватил большое количество оружия. После этого поднял восстание и развернул действия в районе верховья Иртыша. В сентябре 1943 года вступил в неравный бой с войсками, присланными Шэн Шицаем для подавления восстания. В бою был тяжело ранен и переправился через границу во Внешнюю Монголию, где у местных казахов нашел убежище и поддержку. Излечив свои раны, в феврале 1944 года вернулся на Алтай и объявил себя ханом всех казахов. Усман с собой привез купленное с помощью казахов Внешней Монголии оружие, в том числе пулеметы, автоматы в количестве более 400 стволов, а также патроны к ним. В дни «Революции трех округов» к Усману приезжал Далельхан и вел с ним переговоры с целью объединения сил. Усман вел себя весьма странно. Он, не ответив Далельхану отказом, продолжал вести самостоятельную политику. Как выяснилось позже, он старался установить хорошие отношения с правительством Гоминьдана с целью получения льгот и оружия. Усман планировал объединить всех казахов под своим руководством и отделить Алтай как самостоятельное государство. Гоминьдановцы были осведомлены о планах Усмана и хотели временно воспользоваться этой ситуацией, чтобы устранить его руками независимость «Трех округов» [37]. Комиссия под руководством Бурхана Шахиди 4 апреля 1947 года прибыла самолетом на Алтай, где собрали сход и объяснили цель своего приезда. Предложение комиссии о возврате Усмана на должность главы вызвало негодование у населения. Скотоводы, перебивая друг друга, стали жаловаться на действия Усмана и разоблачать его в преступлениях. Поступили жалобы об изъятии у скотоводов двадцати тысяч голов скота. Сход продолжался и на следующий день. В завершение схода Бурхан Шахиди, обращаясь к населению, заявил, что по всем фактам, выявленным сходом, будет составлен подробный доклад и доложен председателю правительства. В ходе схода он записывал краткое содержание каждого выступления с отражением сведений о выступавшем и суть жалобы. Еще до возвращения с Алтая был составлен доклад, где Шахиди, основываясь на своих записях, с согласия всех членов комиссии отразил суть всех преступлений и злоупотреблений, совершенных Усманом.

Перед отъездом в Урумчи Бурхана Шахиди через консула СССР на Алтае разыскал прибывший из Москвы человек по фамилии Шибаяев. Он сообщил, что специально прислан органами, чтобы принести извинения от МГБ СССР за то, что Шахиди был оклеветан по их информации и без вины содержался в тюрьме Шэн Шицая.

Несмотря на то, что в день приезда комиссии из Алтая Чжан Жичжуну был подан доклад о злодеяниях Усмана, в течение десяти дней этот вопрос правительством не рассматривался. Затем Чжан Жичжун безо всяких причин и под предлогом инспектирования южных округов, забрав с собой Ахмеджана Касими и министра внутренних дел Ван Зяньшана, выехал в Кашгар. В начале мая они объехали округа Хотан и Яркенд, а затем вновь вернулись в Кашгар и остановились у главы округа. Ахмеджан Касими по каким-то делам отлучился. В это время к зданию главы округа стала стекаться толпа. Прибывшие вызвали Чжан Жичжуна и, осыпав вопросами, на месте потребовали ответа. Чжан Жичжун поручил Ван Зяньшану разыскать Ахмеджана Касими. Ушедший для выполнения этого поручения Ван Зяньшан пропал. Будучи в состоянии сильного

алкогольного опьянения, он не смог найти Касими и без выполнения поручения не возвращался. Народ все больше и больше прибывал к зданию главы округа. Увидев, что толпа становится неконтролируемой, Чжан Жичжун испугался и не нашел другого выхода спасения, кроме как сбежать в расположение штаба военных. Поняв, что опозорился, из штаба в адрес центрального правительства в Нанкине направил телеграмму с просьбой об освобождении его от выполнения обязанностей председателя коалиционного правительства и назначении на свое место кого-либо из представителей национальных меньшинств. В Нанкине не заставили себя долго ждать. Согласно приказу от 19 мая 1947 года Чжан Жичжун освобожден от должности председателя коалиционного правительства и на его место назначен Масуд Сабри, известный тем, что при губернаторе Ян Цзинсине был осужден за распространение идей пантюркизма и после освобождения из тюрьмы был сослан в центральный Китай без права проживания в Синьцзяне. Этим же приказом Бурхан Шахиди был снят с должности заместителя председателя и переведен в центральное правительство в Нанкине. Сразу же после распространения вести об этом в округах начался сбор подписей против Масуда Сабри. В Кульдже был созван съезд «Трех округов», где было вынесено решение о непризнании полномочий вновь назначенного Масуда. Весть о назначении Масуда Сабри послужила поводом к началу восстания под руководством главы Турфанского округа Абдурахмана Мухиди. Это движение, начавшись в Турфане, распространилось в уезды Пичан (китайское название Шаньшан) и Токсун. Для подавления восстания было направлено многочисленное войско, отличившееся своей жестокостью. Многие повстанцы были убиты, и лишь небольшой группе в количестве около ста человек удалось скрыться в горах.

Озабоченный происходившим Ахмеджан Касими встретился с Чжан Жичжуном и предложил ему вернуться на свое место. Тот ответил, что это невозможно. Касими сказал, что в этом случае необходимо убедить центральное правительство о необходимости замены Масуда на Бурхана Шахиди. В ответ на это предложение Чжан Жичжун возразил: «Бурхана в Нанкине не знают, поэтому его не поставят». Ахмеджан Касими предупредил, что в случае незамены председателя достойным человеком представители «Трех округов» вынуждены будут уйти из состава коалиционного правительства, так как они Масуда не признают. В середине июня Чжан Жичжун вызвал к себе Ахмеджана Касими и попросил, чтобы он уговорил представителей «Трех округов» остаться в правительстве. Чжан Жичжуну пришлось удовлетвориться лишь ответом Касими о том, что представители «Трех округов» уходят не по своей воле, а по воле народа.

Бурхан Шахиди решил не ехать в Нанкин. В середине июня в Нянсане поставил две юрты, взятые у своих друзей-казахов, и перевез туда семью. Горный воздух и верблюжий кумыс были лучшим средством для лечения язвы желудка, приобретенной в тюрьме. Пока он отдыхал и лечился, в середине июля до него дошли сведения о том, что представители «Трех округов» покинули коалиционное правительство и возобновили работу правительства в городе Кульдже. В начале августа в юрту Бурхана Шахиди в Нянсане с женой и дочерью приехал Ахмеджан Касими. Они, погостив неделю,

уехали в Кульджу. Пока гостили, Касими и Шахиди оживленно обсуждали последние изменения политической обстановки Синьцзяна. Проанализировав деятельность коалиционного правительства с учетом последних изменений, пришли к выводу о том, что правительство Гоминьдана заключало соглашение лишь для того, чтобы обмануть народ и выиграть время для восстановления сил. За время, проведенное в Нянсане, друзья вели беседы не только на политические темы. Сохранилась одна фотография, сделанная в эти дни дочерью Ахмеджана Касими, где запечатлен момент обсуждения романа узбекского писателя Айбекова «Навои».

В конце августа к Шахиди в Нянсан приехали мэр города Урумчи и министр внутренних дел Ван Зейншан. Они сообщили, что присланы Чжан Жичжуну для приглашения Шахиди на переговоры в военное управление по одному важному вопросу. К Чжан Жичжуну в Урумчи Бурхан Шахиди выехал один, оставив семью в юрте. Переговоры длились два дня. Сначала Чжан Жичжун поинтересовался мнением Бурхана по поводу выхода из правительства представителей «Трех округов». Шахиди объяснил причину распада коалиционного правительства и добавил, что политика правительства Масуда приведет к возникновению новой войны между различными слоями населения. В ходе обсуждения этой темы Чжан Жичжун сообщил о своем намерении восстановить коалиционное правительство путем замены Масуда на Бурхана. Но Чжан Жичжун считал, что для осуществления этого плана Шахиди должен немного поработать в центральном правительстве и познакомиться с «Дедом» [38]. Поэтому предложил ему срочно выехать в Нанкин и приступить к работе в центральном правительстве, куда был переведен приказом о назначении Масуда председателем. Шахиди ответил, что это предложение серьезное и ему необходимо время, чтобы оценить свои возмож-

ности. Конечно же, он повременил с ответом из других соображений. Не было возможности связаться и посоветоваться с Ахмеджаном Касими, предложившим пересечь с семьей в Кульджу и начать работу в правительстве «Трех округов». Необходимо было еще посоветоваться с руководством тайного общества «Иэр асти» («Подземелье»), активным членом которого был и сын Носраг. На другой день, следуя совету руководства этого тайного общества, Шахиди прибыл к Чжан Жичжуну и выразил свою готовность приступить к выполнению обязанностей в центральном правительстве Гоминьдана в Нанкине. Бурхан Шахиди 20 сентября 1947 года на самолете прилетел в Нанкин. Семья осталась в Урумчи, так как дочери Илсуяр не исполнилось еще и двух лет и жена Рашида была в положении. Чжан Жичжун, специально прибыв в Нанкин, вместе с Бурханом Шахиди зашел на прием к Чан Кайши, где их и познакомил. Бурхана поселили в комнате небольшого дома возле кладбища на окраине города. Сохранилась фотография, где он в 1947 году заснят неподалеку от дома, где проживал. О лицах, запечатленных с ним на фотографии, сведениями не располагаю.

Работой Шахиди как член правительства был загружен лишь в дни проведения совещаний, собраний и конференций. В остальные дни у него была масса свободного времени. Воспользовавшись этим, он занялся доработкой уйгурско-русско-китайского словаря, начатого еще в тюремных застенках. Организовал и руководил проведением концертов коллектива Уйгурского общества культуры и искусства в Шанхае. С ними же совершил путешествие на остров Тайвань, где выступил по радио о необходимости

сохранения единства страны. До этих поездок коллектив уйгурского общества давал концерты в Нанкине. В первом концерте Шахиди сидел рядом с Чан Кайши, переводил и давал пояснения номерам, исполняемым на сцене. После концерта Чан Кайши поручил Шахиди поблагодарить от своего имени артистов. Когда выступления коллектива в Нанкине были завершены, Шахиди по поручению Чан Кайши сопровождал их по городам, подвластным Гоминьдану, где уйгурские артисты давали концерты. В период работы Шахиди в Нанкине все члены правительства, занимавшие важные посты, были заняты лишь подготовкой к выборам депутатов Национального собрания. Каждый из них с целью набора голосов пытался склонить людей на свою сторону. Для этого применялись любые средства: вечеринки, подкупы и так далее. Вновь избранные депутаты в марте 1948 года в Нанкине открыли первую сессию Национального собрания, продолжившую свою работу до первого мая. Национальным собранием была принята Конституция, и Чан Кайши был избран президентом Китайской республики. 20 мая 1948 года состоялась церемония инаугурации. Ниже приведенный фрагмент представляет собой левую нижнюю часть крупной коллективной фотографии, сделанной в день инаугурации.

На представленном фрагменте Бурхан Шахиди во втором ряду второй слева.

После закрытия Национального собрания Бурхану Шахиди вручили золотую медаль и объявили, что он переведен советником в администрацию президента Чан Кайши. При этом Шахиди так и не понял, за какие заслуги ему вручили награду. После этого мероприятия Бурхан зашел к президенту Чан Кайши с просьбой. Он сообщил, что его восьмидесятилетняя мать в тяжелом состоянии, и просил разрешения вернуться в Урумчи. При этом добавил, что в феврале 1948 года в Урумчи у него родился сын Илшат и он его еще не видел. Чан Кайши сначала его отругал и прогнал, а через несколько дней прислал своего сына Цзян Цзинго, который сообщил о том, что отец не против возвращения Бурхана в Урумчи. В начале июня 1948 года Шахиди выехал в Урумчи. Вместо отца его проводил Цзян Цзинго. Он передал солидную сумму денег (пятьсот тысяч ваби) на покрытие дорожных расходов и пожелал доброго пути. Шахиди по пути остановился в городе Ланьчжоу (административный центр провинции Ганьсу), где задержался на пару дней и встречался с Чжан Жичжуном, с которым долго беседовал. Из содержания беседы Бурхану стало ясно, что тот считает своей ошибкой назначение Масуда председателем правительства в Синьцзяне. Чжан Жичжун категорично заявил, что добьется выполнения условий представителей «Трех округов», чтобы объединить все округа Синьцзяна. Он имел в виду требование о снятии Масуда. Прошаясь, он сказал Бурхану: «После возвращения в Урумчи ждите от меня вестей».

Возвращаясь в Урумчи, Шахиди и не надеялся на то, что пантюркисты дадут ему какую-нибудь работу. Хотя и лично знал председателя правительства и его заместителя, он с таким вопросом к ним вообще не обращался. До поздней осени Бурхан работал простым преподавателем. Наладил переписку с Ахмеджаном Касими. В письме ему подробно описал положение дел в семи округах Синьцзяна, о своей работе в центральном правительстве с изложением сути политики руководства в Нанкине и о предстоящих изменениях, о которых говорил Чжан Жичжун. В конце 1948 года Бурхан от Чжан Жичжуна получил известие о своем назначении председателем правительства семи округов Синьцзяна. После этого, он первым делом встретился с начальником штаба войск Синьцзянского гарнизона Тао Чжиюе и провел с ним переговоры. Тот обещал, что не будет вмешиваться в дела правительства и любые действия военных в провинции будут согласованы с правительством до их начала. Зная, что Мухаммед Имин назначен его заместителем, Бурхан встречался и с ним, обсуждал вопросы, которые им совместно предстояло решать. Таким образом, он вел подготовку еще до официального вступления в должность председателя. К выполнению своих обязанностей Бурхан Шахиди официально приступил с 10 января 1949 года. Деятельность в этой должности он начал с ознакомления народа со своей предстоящей политикой, опубликовав в газете статью под названием «Обращение всему народу Синьцзяна». В обращении как основные принципы политики было указано установление мира в провинции, объединение всех народов провинции по принципу дружбы и равноправия, улучшение и развитие добрых отношений с внутренним Китаем и СССР, улучшение материального благосостояния земледельцев и скотоводов, оживление дел в области культуры и просвещения.

На момент вступления Бурхана Шахиди в должность председателя, экономику Синьцзяна образно можно было сравнить с состоянием безнадежно больного человека, изо дня в день ожидающего своей кончины. Нанкинским правительством без соблюдения правил экономики были выпущены в обращение бумажные деньги (ваби) в большом количестве. Это привело к катастрофическому росту цен, что в первую очередь отразилось на благосостоянии населения. Думаю, что для описания их положения достаточно будет даже одного примера. Военнослужащий низших чинов на свое денежное содержание не мог купить даже несколько пачек табака. Получивший высшее экономическое образование в Германии, Бурхан Шахиди хорошо знал правила денежного обращения. Он понимал, что пока запущенный в Нанкине денежный станок продолжает печатать деньги, невозможно будет поправить экономику Синьцзяна. Поэтому пришел к выводу о том, что в Синьцзяне необходимо провести денежную реформу и пустить в обращение свои деньги. В начале февраля 1949 года Шахиди по приглашению Чжан Жичжуна прибыл в Ланьжоу. Воспользовавшись тем, что нанкинским правительством тот назначен ответственным за положение дел в Синьцзяне, согласовал вопрос денежной реформы. Они посоветовались и решили, что необходимо забрать из американского банка специально присланные для Синьцзяна доллары, затем в банке СССР обменять их на серебряные монеты, которые и выпустить в обращение. По возвращении в Урумчи, вопрос денежной реформы Шахиди вынес на рассмотрение специального заседания членов правительства. Члены правительства, рассмотрев этот вопрос, решили выпустить во внутреннее обращение на территории Синьцзяна серебряные монеты. Их обращение было введено с 20 марта 1949 года. Эта мера привела к быстрому снижению цен и поднятию авторитета правительства. Однако этой мерой не все остались довольны. К осени увеличился поток беженцев из освобожденных коммунистами районов, которые мешками привозили с собой бумажные деньги, вышедшие из оборота в Синьцзяне. Невозможность обмена этих денег на серебряные монеты у них вызвала недовольство. Бурхан Шахиди знал, что обмен такого большого количества денег приведет к росту цен, и в целях защиты интересов основного населения Синьцзяна требование беженцев отклонил [39].

Чжан Жичжун в начале февраля в Ланьжоу приглашал одновременно председателей трех провинций. Кроме Шахиди были приглашены председатель провинции Ганьсу Гу Дзичнау и председатель провинции Цинхай Ма Буван. Несколько раз они втроем были приглашены в дом Чжан Жичжуна в гости. Шахиди от них узнал, что эти провинции готовятся к войне с коммунистами, большое количество оружия им доставили из Америки в обмен на овечью шерсть. Каждый из этих двух председателей провел с Шахиди неофициальные переговоры с целью получения его согласия на вступление Синьцзяна в их союз. Они планировали объединить три провинции для совместного ведения войны против коммунистов ради создания мусульманского государства. В ходе переговоров Шахиди уклонялся от этой темы и повел разговор так, чтобы они не могли понять даже его позицию. Ничего не обещав этим двум председателям, откровенный разговор о будущем Синьцзяна

он повел только с Чжан Жичжуном. Тот был осведомлен по всем вопросам, касающимся развития политической ситуации. Бурхан от него узнал о предстоящих переговорах правительства Гоминьдана с коммунистами. Чжан Жичжун наступление дальнейших событий связывал с этими переговорами и предвидел два варианта их развития. Если переговоры закончатся заключением соглашения, то наступит мир и будет образовано коалиционное правительство. Если переговоры не приведут к положительному результату, то коммунисты создадут свое правительство и в Китае продолжится гражданская война, которая, по мнению Чжан Жичжуна, может закончиться и тем, что правительство Гоминьдана, проиграв войну, сбежит на остров Тайвань. Будущее Синьцзяна также зависело от перечисленных обстоятельств. Наличие в Синьцзяне стотысячного войска Гоминьдана при определенном стечении обстоятельств создавало угрозу для сохранения мира в провинции. Оба задумались над тем, как избежать кровопролития. При этом оба допускали, что для сохранения мира в Синьцзяне можно даже повторить действия Шэн Шицая, отказавшегося в 1935 году от выполнения указаний правительства Гоминьдана и обратившегося за помощью к СССР.

События, о которых пойдет речь далее, авторами некоторых изданий, выпущенных в России, на основании непроверенных данных трактуются по-своему. Поэтому для их описания я использовал фундаментальный труд доктора исторических наук Виктора Николаевича Усова, изданный как дополнительное пособие по истории КНР для преподавателей высших исторических учебных заведений и биографический очерк уйгурского историка Абдурахмана Абдуллы о Ахмеджане Касими. Излагая события, кроме названных источников взял за основу воспоминания одного из главных участников – Дэн Лицуня, достоверность которых при нашей встрече подтвердил другой участник событий – Уйгур Сайрани.

Первое июля 1946 года считается днем начала народно-освободительной войны Китая. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) численностью в 1 миллион 400 тысяч бойцов под руководством Коммунистической партии до лета 1947 года в основном оборонялась, защищая освобожденные районы от войск Гоминьдана, где число военнослужащих насчитывалось около 4 миллионов 300 тысяч человек. Однако тем летом наступил коренной перелом в ходе военных действий, и войска НОАК на отдельных участках фронта перешли в наступление. Осенью 1947 года началось общее контрнаступление, в результате которого гоминьдановские войска потеряли в живой силе около полумиллиона солдат и офицеров. К концу 1948 года войска НОАК по всем признакам не отличались от регулярной армии. В полевые армии были объединены группы войск, которые в свою очередь делились на армии, а армии – на дивизии. К этому времени численность НОАК достигла 2 миллионов 800 тысяч человек. Перед ними стояла задача – уничтожить главные силы Гоминьдана в Северном, Северо-Восточном и Восточном Китае и не допустить их отхода в Центральный и Южный Китай. В течение года войска НОАК провели ряд крупномасштабных стратегических операций, начав их осенью 1948 года. В декабре 1948 года НОАК приступила к операции по освобождению Тяньцзина, Чжанзяоку,

Пекина. 21 января 1949 года Чан Кайши заявил о своем добровольном уходе с поста президента и уехал в родную провинцию Чжэцзян. Милитарист Ли Цзунжэнь был объявлен президентом. 31 января 1949 года мирным путем был освобожден Пекин. После освобождения Северо-Восточного Китая была проведена знаменитая Хуайхайская операция с целью освобождения Центральной равнины, закончившаяся полным разгромом 56 дивизий и штаба гоминьдановских войск. Состоявшийся 5 марта 1949 года в местности Сибайпо II пленум ЦК КПК принял решение о поручении НОАК освобождения провинций Центрального, Южного Китая, расположенных южнее реки Янцзы и района Северо-Западного Китая [40]. Хочу обратить внимание читателя на то, что Синьцзян являлся провинцией Северо-Западного Китая. Переговоры между КПК и Гоминьданом, о которых Чжан Жичжун говорил Бурхану Шахиди при встрече, начались в апреле 1949 года в Пекине. Представители Гоминьдана [41] на переговорах выдвинули требование из восьми пунктов. Все эти пункты требования были учтены представителями КПК при составлении проекта соглашения. Несмотря на это, президент Гоминьдана Ли Цзунжэнь и премьер Хэ Иньцин 20 апреля 1949 года отказались от подписания этого соглашения. В тот же день войска НОАК, переправившись через реку Янцзы, перешли в наступление и 23 апреля заняли Нанкин, куда был переведен главный фронтовой комитет. Две группы 3-й полевой армии начали наступление на Шанхай. 26 апреля Чан Кайши на военном корабле прибыл в Шанхай и стал лично руководить обороной города. Он одновременно переправлял исторические ценности на Тайвань. Начав наступление на Шанхай 12 мая 1949 года, войска НОАК в течение десяти дней заблокировали группировку под командованием Чан Кайши в районе Усуна. 27 мая 1949 года была завершена операция по освобождению городов Нанкин, Шанхай, Ханчжоу. Чан Кайши, забрав остатки своих войск, сбежал на Тайвань. В это время войска 1-й полевой армии НОАК под командованием Пэн Дэхуая вели ожесточенные бои на Северо-Западе Китая с остатками гоминьдановской армии и с группами дунган под руководством Гу Дзичнау, Ма Бувана, Ма Чжиншяна, Ли Чена, Лу Рурена. Эти группы, отступая, дошли до границ Синьцзяна. В это время ЦК КПК через Москву в Синьцзян направил со специальным поручением коммуниста Дэн Лицюня. Перед отъездом его проинструктировал Лю Шаоци. Дэн Лицюнь должен был установить личные контакты с политическими лидерами Синьцзяна, с руководителями прогрессивных общественных организаций, выявить их отношение к освободительному движению и доложить руководству КПК. Ему также было поручено проанализировать политическую обстановку во всех округах. С этой целью он должен был встречаться с руководством правительства «Трех округов» в Кульдже, членами правительства в Урумчи, командованием гоминьдановских войск и выявить их отношение к предстоящему освободительному движению, а также вести с ними переговоры на тему освобождения. Дэн Лицюнь 14 августа 1949 года из города Кульджи направил в Пекин телеграмму, сообщив о своем прибытии. 18 августа он уже встретился с руководством правительства «Трех округов» и вручил им две телеграммы. В первой телеграмме за подписью руководителя ор-

ганизационного комитета Мао Цзэдуна содержалось предложение о направлении на учредительный съезд Всекитайского политического совета пятерых представителей «Трех округов». Вторая телеграмма представляла собой открытое письмо Мао Цзэдуна лично к Ахмеджану Касими. В телеграммах сообщалось, что съезд открывается 10 сентября в Пекине. Кроме этого, в них содержалась полная программа съезда и просьба сообщить о принятом решении по приглашению. В Пекин была направлена ответная телеграмма следующего содержания: «Руководителю организационного комитета Нового политического совета страны, дорогому господину Мао Цзэдуну: Ваше письмо получил. Упомянутые в письме задачи были давней мечтой народов нашего региона. Великую победу, одержанную Народно-освободительной армией Китая, считаем великой победой народов нашего региона и народов всего мира. Выражаем безграничную признательность за поставленные в письме задачи. Одновременно с радостью сообщаем наше решение о направлении в Пекин представителей. С уважением чрезвычайный представитель народа региона Ахмеджан Касими. 20 число 8 месяца 1949 года» [42].

Делегация представителей «Трех округов» в составе Ахмеджана Касими, Абдукарима Аббасова, Исхакбека Мунунова, Далельхана Сугурбаева и Лу Цзи (член Синьцзяно-Советского общества культуры) 22 августа на самолете вылетела через СССР в Пекин для участия в учредительном съезде.

Дэн Лицюнь от Сайфутдина Азизи узнал о поступлении письма председателя Урумчинского правительства Бурхана Шахиди, где сообщалось о том, что он к реке Манас прислал представителей для переговоров. Дэн Лицюнь заинтересовался личностью Шахиди, поскольку ранее о нем не слышал. Азизи охарактеризовал Шахиди как надежного человека, имеющего большой авторитет среди представителей разных национальностей, руководителя, придерживавшегося демократических идей левого крыла Урумчинского правительства. При этом добавил, что они друзья с Ахмеджаном Касими и муж его второй дочери Уйгур Сайрани является главным редактором газеты «Или» – печатного органа «Трех округов». Проведя беседы с Уйгуром Сайрани и консулом СССР, Дэн Лицюнь узнал их мнение о Бурхане Шахиди. Те охарактеризовали его как истинного демократа, борца за равноправие всех наций. Эту информацию Дэн Лицюнь передал в Пекин. В ответ 2 сентября получил телеграмму за подписями Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, генерала Чжан Жичжуна и где содержалось указание прибыть в Урумчи, ознакомиться с содержанием телеграммы Бурхана Шахиди и начальника штаба Синьцзянского гарнизона генерала Тао Чжиюе и вести с ними переговоры. 15 сентября 1949 года Дэн Лицюнь на самолете прилетел в Урумчи. В аэропорту его встретил Бурхан Шахиди и повез к себе домой. Оказалось, что Шахиди заранее принимал меры к предотвращению кровопролития в Синьцзяне. Не препятствуя уходу через границу в Пакистан отказавшихся от продолжения войны руководителей дунганских формирований Ма Бувана, Ма Чжиншяна, Ли Чена, Лу Рурэна, отступавших с войсками на территорию Синьцзяна, Шахиди даже помог им оформить документы. Вместе с ними с семьями сбежали враги коммунистов – пантюркисты Мухаммед Имин и Гайса [43]. К моменту приезда Дэн Лицюня, на территории семи округов Синьцзяна оставались

лишь малочисленные разрозненные группы дунган, воевавших под началом Ма Бувана. Однако в Синьцзяне против войск НОАК, выполнявших задачу по освобождению Северо-Западного Кигая, мог выступить Синьцзянский гарнизон гоминьдановцев, что неизбежно привело бы к кровопролитию. Дэн Лицзюнь и Бурхан Шахиди этот вопрос обсудили с начальником штаба гарнизона генералом Тао Чжиюе. Ему показали телеграмму из Пекина, где рядом с подписями Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая стояла и подпись Чжан Жичжуна, которого Тао Чжиюе лично знал и уважал. После переговоров Тао Чжиюе решил провести подготовительную работу в гарнизоне, чтобы не воспрепятствовать приходу войск НОАК в Синьцзян. Они втроем начали проводить мероприятия, направленные на мирное освобождение Синьцзяна. Созывали собрания в войсковых частях и вели разъяснительную работу. 19 сентября Дэн Лицзюнь отправил телеграмму Бурхана Шахиди на имя Мао Цзэдуна в Пекин. Текст телеграммы Шахиди начинался со следующих слов: «Вести о победоносном шествии Национально-освободительной армии, несущей освобождение народам, меня очень радуют. Призыв к демократии, а также к уважению интересов национальных меньшинств послужил основанием к формированию у меня твердого убеждения». Далее в телеграмме Шахиди сообщает, что, сплотив вокруг себя прогрессивные силы, ведет подготовку к официальному разрыву отношений с правительством Гоминьдана [44]. В ответной телеграмме Мао Цзэдуна, полученной 23 сентября 1949 года, говорилось об одобрении компартией действий Бурхана Шахиди. 25 сентября группа военных под руководством начальника штаба Тао Чжиюе пришла к Шахиди с предложением об отправке совместной с правительством телеграммы о переходе под юрисдикцию центрального правительства в Пекине. После обсуждения решили, что сначала такую телеграмму отправят военные, а на другой день Синьцзянское правительство. В тот же день в Пекин ушла телеграмма за подписью Тао Чжиюе. Этот вопрос 26 сентября Бурханом Шахиди был вынесен на рассмотрение заседания правительства. После принятия единогласного решения правительством, телеграмма за подписями всех членов правительства и мэра города Урумчи была отправлена в адрес центрального правительства. В телеграмме говорилось, что гоминьдановское правительство в Синьцзяне самоликвидировано и образовано временное правительство в том же составе, подчиненное центральному правительству в Пекине, которое ждет от него дальнейших указаний. В ответной телеграмме, полученной 28 сентября из Пекина, было сказано, что подтверждают освобождение Синьцзяна мирным путем. Там же сообщалось, что до особых указаний провинцией будет управлять временное правительство, созданное 26 сентября, под началом Бурхана Шахиди.

Первого октября 1949 года из Пекина сообщили об образовании Китайской Народной Республики. В честь этого в городе Урумчи был организован торжественный митинг. Судя по фотографиям, помещенным далее, можно прийти к выводу о том, что к проведению митинга правительство готовилось заранее. На первой фотографии видно, что митинг собрал очень большое количество народа и в руках у митингующих транспаранты, изготовленные заранее. К тому же на этой фотографии запечатлен лишь фрагмент площади, где проходил митинг.

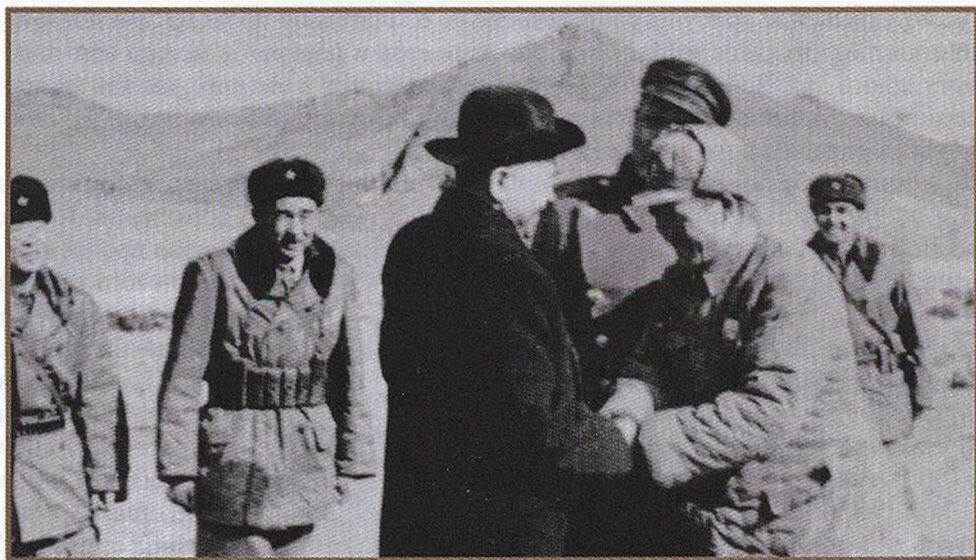

На втором фотоснимке запечатлен председатель временного правительства Синьцзяна Бурхан Шахиди в момент выступления на митинге. Людей, собравшихся на митинг, он поздравил с образованием Китайской Народной Республики и мирным освобождением Синьцзяна.

Само украшение трибуны свидетельствует о тщательно проведенной подготовке. Маловероятно, что такое множество транспарантов и портретов можно изготовить в течение одного дня. Войска НОАК не принимали участия в митинге, так как их прибытие датировано более поздним сроком. Считаю необходимым более подробно описать причины их специального приглашения в Синьцзян.

К моменту образования КНР в Синьцзяне возникли определенные экономические трудности. Была неопределенность по вопросу денежного обращения. По этому вопросу из центрального правительства ничего не сообщалось. Другая проблема была вызвана тем, что в отношении военнослужащих бывшего Синьцзянского гарнизона Гоминьдана после отправки ими телеграммы в Пекин о переходе в распоряжение центрального правительства никаких указаний не поступало. Обеспечение их денежным довольствием по бюджету провинции не было предусмотрено. Из центральной казны они также не получали довольствия, так как в центре про них просто забыли. Оказавшись в течение двух месяцев без денежного довольствия, военнослужащие в количестве 100 тысяч человек стали добывать себе на пропитание путем грабежей и воровства. Этот вопрос был рассмотрен на заседании временного правительства, где решили обратиться за помощью к народу. При помощи молодежных организаций провели сбор у населения вещей и продуктов. Этими мерами, хоть и на короткое время, были созданы элементарные условия быта для военнослужащих. Были организованы для них и культурные мероприятия. В казармах, где проживали военнослужащие, показывались кинофильмы, давались концерты, ставились спектакли. Дэн Лицюнь, Бурхан Шахиди и консул СССР Евсеев, вместе обсудив этот вопрос, решили, что необходимо вызвать войска НОАК для объединения их с войсками в Синьцзяне и постановления последних на денежное довольствие центрального правительства. Для этого решили послать представителей в Цзючуань (город на северо-западе провинции Ганьсу) к заместителю главнокомандующего I полевой армии НОАК Пэн Дэхуаю [45]. Руководителями этой группы были Касимджан и Чу Ву. Среди представителей был и сын Шахиди Носрат. Они должны были передать Пэн Дэхуаю доклад, где Бурхан Шахиди изложил как вышеупомянутые, так и другие проблемы, среди которых основной была активизация действий бандитских формирований. На самолете группа прибыла в Кумул и оттуда на автомашине доехала до города Цзючуань. 7 октября они разыскали Пэн Дэхуая и доложили обстановку. Пэн Дэхуай вник в серьезность положения, связался с Пекином и направил в Урумчи войсковые части. Также через представителей он передал Шахиди указание о том, что до особых распоряжений в Синьцзяне остаются в обращении серебряные монеты. Кроме этого, он сообщил дату прибытия в Урумчи передовых частей войск НОАК. Для встречи частей НОАК вели специальную подготовку и на протяжении десяти километров от города обустроили специальные пункты. К 20 октября передовые части НОАК подошли к Урумчи. Шахиди с группой товарищей их встречал в 10 километрах от города. Сохранилась фотография, где запечатлен момент рукопожатия Бурхана Шахиди и командира полка боевых машин НОАК Ху Циана.

В сентябре 1949 года консул СССР Евсеев сообщил Бурхану Шахиди о получении из Москвы неприятного известия. В телеграмме, полученной Евсеевым, сообщалось о том, что самолет с членами делегации «Трех округов» на борту потерпел крушение на территории СССР. Позже Шахиди узнал, что делегация планировала добраться до Пекина по сложному маршруту: прилетев из Кульджи в Алма-Ату, должны были вылететь в Манчжурию и оттуда на поезде добраться до Пекина. В условиях плохой погоды совершили вынужденную посадку в Иркутске, где в течение трех дней ждали прояснения погоды по маршруту. По настоянию Ахмеджана Касими начальник аэродрома дал разрешение на взлет. Перелетев озеро Байкал, в условиях плохой видимости самолет не смог набрать нужную высоту и врезался в скалу. Евсеев сообщил, что ведутся поисковые работы в горах, тела делегатов не найдены. Также предупредил, что это надо держать в секрете до получения из Пекина подтверждения о мирном освобождении Синьцзяна, чтобы не взбудоражить население. Для участия в учредительном съезде Всекитайского политического консультативного совета вместо погибших был послан Сайфутдин Азизи. В начале ноября 1949 года тела погибших членов делегации были найдены и переправлены в Кульджу. Тело Далельхана Сугурбаева родственники для погребения увезли на Алтай. Остальных героев похоронили в городе Кульдже. На похороны народ стекался со всех уголков Синьцзяна тысячами. Тела Ахмеджана Касими, Абдукарима Аббасова, Исхакбека Мунунова были преданы земле со всеми почестями в самой красивой, живописной части народного парка города Кульджи. Сохранилась фотография, где запечатлен Бурхан Шахиди, прибывший на самолете в Кульджу, чтобы проводить Ахмеджана Касими и других товарищей в последний путь.

Об обстоятельствах гибели этих народных героев среди населения успели распространиться различные слухи. Эти слухи и в настоящее время обрастают «подроб-

ностями», ими переполнен Интернет. Их возникновению способствовали разные причины. Очень долго, более двух месяцев, факт гибели героев скрывали от народа. В источниках информации, изданных в Синодзьяне, указаны различные даты происшествия. Например, в книге «Борец за свободу Ахмеджан Касими» сказано, что в Кульдже в конце октября узнали о том, что группа разбилась 27 августа 1949 года. Там же приводится текст телеграммы за подписью Мао Цзэдуна, где сказано, что группа погибла в результате крушения в начале сентября (46). Судя по слухам, распространившимся в основном по названным причинам, якобы Ахмеджан Касими изменил свое отношение к СССР и перестал исполнять указания. Поэтому его вместе с группой уничтожили спецслужбы СССР. Эти слова перешли и в научные публикации, став темой для споров. Даже доктор исторических наук, академик Усманов, связав смерть этих народных героев с политикой, проводимой в то время СССР, писал: «им СССР вынес смертный приговор, и это является бесспорным фактом» [47].

Бесспорно, что эти строки профессором Усмановым М.А. написаны под влиянием упомянутой в начале книги статьи Хашира Вахида «Уроки и выводы национально-освободительного движения 1944-1949 гг. (в сравнительном плане прошедших событий с сегодняшними)». В этой статье Хашир Вахида, не утруждая себя ссылками на официальные документы, либо на проверенные письменные источники, собрав все слухи и небылицы, слил их с таким мастерством, что свойственно лишь писателям сказочного жанра. В статье он приводит «полный список агентуры», действовавшей якобы в Синодзьяне в период «Революции трех округов», называя их «вторые имена». Прочитав статью Хашира Вахида, можно даже прийти к выводу о том, что в период развала страны сотрудники КГБ СССР во двор дома Вахида привезли из архива КГБ и разгрузили толстые тома подшивок, на картонных обложках которых жирным шрифтом подчеркнуты слова «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». А вот для тех, кто о работе этих органов может судить лишь по кинофильмам, могу сказать, что доступ к информации, подобной описанной Хаширом Вахидой в этой статье, имели даже не все сотрудники КГБ. Для правильной оценки достоверности этих слухов необходи-

мо, в первую очередь, учитывать, что в источниках, написанных со ссылкой на исторические документы, нет информации о совершении правительством «Трех округов» каких-либо действий, которые могли бы нанести вред интересам СССР. Признав этот факт, далее необходимо внимательно изучить содержание телеграммы Ахмеджана Касими, направленной в Пекин как ответ к приглашению на учредительный съезд, полный текст которой приведен на странице 63. Содержание текста этой телеграммы с учетом того, что получение приглашения к участию в учредительном съезде никаких обязательств у правительства «Трех округов» не порождало, позволяет сделать следующий вывод: если бы по этому вопросу возникли определенные противоречия, то Ахмеджан Касими, порвав телеграмму, никуда бы и не поехал. Отсюда напрашивается другой вывод: возникновение слухов о том, что Касими за непослушание был убит спецслужбами СССР, является результатом попытки определенных кругов выдать желаемое за действительное.

События, происходившие в Синьцзяне осенью 1949 года, в изданиях КНР упомянуты как «мирное восстание под руководством КПК». Завершая эту главу, хочу отметить, что Бурхан Шахиди вошел в историю Китая как последний председатель самоликвидированного последнего феодального правительства Синьцзяна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СИНЬЦЗЯНА

В предыдущей главе сообщалось о прибытии 20 октября 1949 года передовых частей Национально-освободительной армии Китая в Синьцзян. На 9 декабря 1949 года было запланировано слияние их с оставшимися в Синьцзяне войсками Гоминьдана и национальной армией «Трех округов». По инициативе центральных органов было принято решение о проведении специального праздничного мероприятия, посвященного этому событию, подготовка к которому велась заранее. На мой взгляд, поводом для организации этого мероприятия послужили слухи о начале войны между войсками НОАК и национальной армии «Трех округов», усиленно распространяемые среди населения противниками коммунистов. Для участия в торжествах специальным самолетом из Пекина прибыла делегация центрального правительства. Среди делегатов были замполит I-й полевой армии НОАК Пэн Дэхуай, член правительства Чжан Жичжун и Сайфутдин Азизи, увидев которых Бурхан Шахиди очень обрадовался. В назначенный день колонны войск трех армий с разных направлений вошли в Урумчи и, слившись в единый поток, в четвертом направлении покинули город. Делегация и члены временного правительства Синьцзяна, стоя на лестнице здания банка по ведению торговых операций, расположенного на возвышенном месте с южной стороны Урумчи, созерцали это зрелище. Это был первый приезд Чжан Жичжуна в Синьцзян после мирного освобождения провинции. С Бурханом Шахиди они не встречались с начала года. Поэтому обоим было чем поделиться. Они вспоминали и период совместной работы в коалиционном правительстве. Чжан Жичжун признался, что тогда, назначив на свое место Масуда Сабри, совершил очень большую ошибку и за это просит прощения у народа Синьцзяна.

Полномочия временного правительства Синьцзяна, организовавшего эти праздничные мероприятия, после образования КНР были подтверждены специальной телеграммой из Пекина за подписью Мао Цзэдуна и премьера Чжоу Эньлая. Из Пекина 17 декабря 1949 года поступило распоряжение о создании нового правительства. Председателем правительства был назначен Бурхан Шахиди, а его заместителями – Сайфутдин Азизи и Гао Цзиньчун. Как высший орган коммунистической партии в провинции был образован Синьцзянский отдел ЦК КПК, первым руководителем которого стал командарм I-й полевой армии НОАК Ван Чжень. О своем назначении он знал еще до прибытия в Урумчи на торжества по случаю соединения трех армий. Бурхан Шахиди

к нему обратился с заявлением о вступлении в компартию. Получив заявление, Ван Чжень приступил к изучению личности Шахиدي. Для этого в ходе бесед с Дэн Лицюнем, с генералами Чжан Жичжуном и Тао Чжиюе, которых как соратников по службе знал близко, получил характеристику на Шахиди. После этого они с вновь назначенным замполитом 1-й полевой армии НОАК Шу Лицюнем в порядке исключения дали рекомендацию Шахиди не в кандидаты, а в члены КПК и материалы направили в ЦК КПК. Свое решение эти коммунисты со стажем обосновали тем, что Шахиди хорошо знает основы марксизма и имеет особые заслуги перед коммунистической партией. Об этом Ван Чжень рассказал в 1994 году, выступая на собрании, приуроченном к 100-летию со дня рождения Бурхана Шахиди [49]. В декабре 1949 года, в день отправки в ЦК КПК материалов рекомендации Бурхана Шахиди, все вместе сфотографировались.

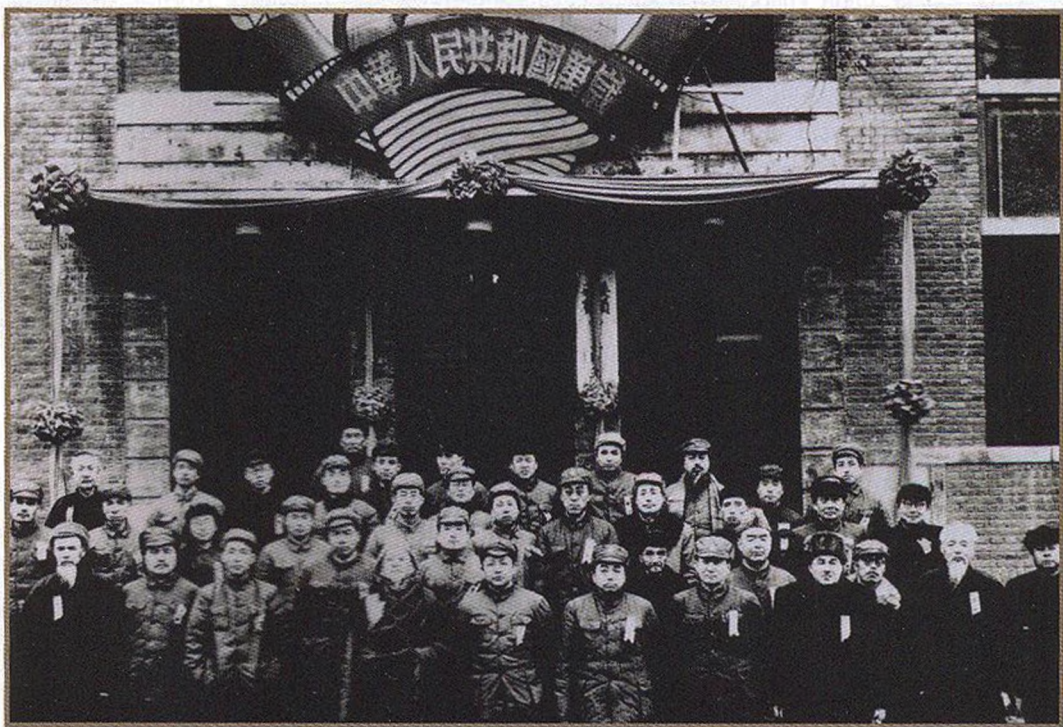

На снимке слева направо Шу Лицюнь, Бурхан Шахиди, Ван Чжень, Ван Эньмао [50].

В телеграмме Мао Цзэдуна, полученной правительством 31 декабря 1949 года, после слов поздравления с Новым годом сообщалось о том, что Бурхан Шахиди принят в ряды КПК, назначен членом политбюро и заместителем руководителя постоянного комитета политбюро Синьцзянского отдела ЦК КПК.

Факт образования любого нового правительства, пусть даже основанного на самых демократичных принципах, не может в тот же день изменить благосостояние населения к лучшему. Последствия той политики, которую вели предыдущие правители, на долгое время сохраняют свое влияние и тормозят преобразования, проводимые в этих целях. В некоторых случаях для ликвидации этих последствий новому правительству

приходится прибегать и к вооруженному вмешательству. Так, в предыдущей главе было сказано, что к началу 50-х годов в горах на территории Синьцзяна прятались вооруженные группы, промышлявшие грабежами. К этим бандитам присоединились сторонники гоминьдановского правительства, долгие годы правившего провинцией. Некоторыми группами руководили лица, принимавшие бандитизм за ремесло, а другими – прислужники иностранных государств. Были и руководители групп, которые преследовали определенные политические цели. В начале 1950 года, несмотря на различие во взглядах руководителей, бандитские формирования путем обмана и запугивания населения подняли мятеж на севере Синьцзяна. Специально для борьбы с бандитами был образован Комитет Северо-Западных войск. 19 января 1950 года Бурхан Шахиди принял участие в совещании и после сфотографировался с руководством и членами этого комитета.

На снимке впереди справа второй Бурхан Шахиди, четвертый – руководитель комитета Пэн Дэхуай.

Самыми активными были вооруженные группы под руководством Усмана, Джанимхана, Юлбарса и Ян Чафэна. Самой многочисленной из них была группа под руководством Усмана Исламова, о котором речь шла в предыдущей главе. Как уже было сказано, вооруженные выступления Усмана начинались как политическое движение про-

тив режима Шэн Шицая. Однако только за 1949 год группой Усмана было убито более 1300 человек, отобрано у простого населения 340 тысяч голов скота, зерно в больших количествах, золотые и серебряные изделия [51]. Такой результат деятельности Усмана является свидетельством того, что к началу 50-х годов он от простых бандитов ничем не отличался. Для простого труженика, у которого, угрожая оружием, отбирают имущество, не имеют значения мотивы совершения этого грабежа. Для него нет никакой разницы между ограблением с целью личного обогащения и грабежом для ведения политической борьбы. В обоих случаях семья труженика, лишенная имущества, обречена на нищету и голод. А убийство такого количества граждан никакими политическими мотивами не может быть оправдано. Руководителем другой бандитской группы был Юлбарс, занимавший должность главы Турфанского округа при гоминьдановском правительстве. В предыдущей главе о нем было сказано при описании событий «Кровавого 25 февраля». Юлбарс также свои грабежи оправдывал намерением восстановить гоминьдановское правительство. Особой жестокостью отличались члены малочисленной банды под руководством Ян Чафэна. В местности Гучун среди бела дня они ворвались в дом и убили руководителя коммунистической партии трех уездов Ян Шивуна. Участились и случаи нападения на войсковые части НОАК, расквартированные на территории Синьцзяна. Для защиты населения от бандитов бюро Синьцзянского отдела ЦК КПК и правительство совместно с военными развернули борьбу с преступностью. В этом деле Бурхан Шахиди принял активное участие. Он организовал обеспечение военных транспортом и пита-

нием. Создавал специальные группы из отобранных кадров и контролировал их деятельность. Шахиди также организовал работу по выявлению и разоблачению пособников бандитов, которые, скрываясь среди населения, распространяли слухи, снабжали информацией, давали наводку на совершение налетов. Для их выявления Шахиди обратился за помощью к народу. Выполняющего обязанности по контролю над проведением мероприятий по борьбе с бандитизмом Бурхана Шахиди постоянно видели верхом на коне. С тех времен сохранилась фотография, где запечатлены председатель правительства Бурхан Шахиди и руководитель бюро Синьцзянского отдела ЦК КПК Ван Чжень в момент их следования верхом на работу.

В результате развернутой борьбы к 1951 году руководители бандитских

групп были арестованы и банды распались. 29 апреля 1951 года в Урумчи был созван сход, и под председательством Бурхана Шахиди [52] состоялся открытый суд над Усманом Исламовым. Сход, собравший народ в количестве 10 тысяч человек, приговорил Усмана Исламова к расстрелу [53].

Наряду с организацией борьбы с бандитизмом перед правительством стояла еще одна не менее важная задача. Необходимо было организовать выборы местных органов, основываясь на демократических принципах. Однако в это время еще не была принята Конституция КНР. Основные принципы управления лишь в общих чертах были определены Политической программой, принятой сессией Народного политического консультативного совета Китая I созыва, провозгласившей 1 октября 1949 года Китайскую Народную Республику. Закон о выборах был принят лишь 11 февраля 1953 года [54]. Поэтому все органы местного управления претерпели лишь незначительные изменения и были подкреплены кадрами, прошедшими специальную подготовку. Провинциальное правительство постоянно проводило мероприятия с участием глав местных органов, в ходе которых разъяснялась политика, проводимая КПК, и велась работа по повышению их образовательного уровня. В августе 1950 года было проведено первое совместное заседание членов народного правительства Синьцзяна с участием глав уездов. Ниже приводится фрагмент большой коллективной фотографии участников, сделанной после заседания.

В середине второго ряда председатель правительства Бурхан Шахиди и руководитель партбюро Синьцзянского отдела ЦК КПК Ван Чжень.

Другая важная задача заключалась в приведении в порядок денежного обращения в провинции. В обращении кроме серебряных монет, введенных в 1949 году, находились еще денежные знаки «Трех округов». Бурхан Шахиди объединил в единую систему все банки провинции, оставив в обращении только серебряные монеты. Он лично руководил процессом обмена денежных знаков «Трех округов» на серебряные монеты. В Синьцзяне, как и на всей территории КНР, начиная с 31 января 1952 года, были введены напечатанные в СССР новые денежные знаки – женьминби. К началу 1950 года на территории Синьцзяна почти не велась торговля как внешняя, так и внутренняя. Это привело к дефициту и росту цен, что было на руку контрабандистам. Среди них были даже такие, кто обменивал пачку плиточного чая на барана. Для быстрого налаживания торговых отношений Бурхан Шахиди издал распоряжение о создании при управлении каждой административной единицы торгового отдела. По его инициативе открылись государственные торговые предприятия, которым из бюджета провинции были выделены деньги для начала работы. Шахиди организовал заключение ими договоров с Внешторгом СССР. Кроме этого, было налажено кредитование частных предприятий и проведены другие мероприятия, направленные на оживление экономики провинции.

Работу в правительстве Бурхан Шахиди совмещал с одновременным выполнением очень многих обязанностей. О двух из них считаю необходимым вкратце рассказать читателю. Шахиди был руководителем Синьцзянского отдела Общества китайско-советской дружбы, созданного 5 октября 1949 года в Пекине, и ректором Синьцзянского института. Когда Шахиди приступил к исполнению обязанностей ректора, в институте работали 7 преподавателей, которые давали уроки на китайском языке. При этом специально приглашенные языковеды переводили лекцию на уйгурский язык студентам уйгурской, казахской и других национальностей. Свою работу в институте Шахиди начал с приглашения в институт национальных кадров из числа преподавателей высших учебных заведений других провинций. В 1952 году он составил трехлетний план подготовки преподавателей для института из национальных кадров. Для этого он набрал группу молодежи из числа представителей национальных меньшинств, получивших среднее образование на китайском языке. Затем через министра просвещения КНР организовал их обучение в высших учебных заведениях во внутреннем Китае. После окончания учебы эти национальные кадры возвращались и преподавали в Синьцзянском институте на двух языках. В 1950 году как срочная мера были организованы курсы уйгурского языка для преподавателей и курсы китайского языка для студентов. Кроме этого, в образовательную программу института как отдельный предмет был введен китайский язык. Вскоре вся эта работа принесла свои плоды. К 1955 году количество преподавателей из числа национальных кадров было доведено до 113 человек. В результате расширения списка специализаций, по которым шло обучение, уже ставился вопрос о выделении некоторых факультетов в самостоятельные институты. В том же году Бурхан Шахиди подарил институту свою личную библиотеку, где кроме полного собрания трудов всех классиков марксизма значительное место занимала научная литература. В 1960 году Синь-

цзянский институт был преобразован в Синьцзянский государственный университет. До начала «культурной революции» Бурхан Шахиди оставался его ректором.

В период с 14 по 26 июня 1950 года в Пекине проходила вторая сессия Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая I созыва. В работе сессии как представители Синьцзяна приняли участие Бурхан Шахиди и Сайфутдин Азизи. После сессии они сфотографировались вместе с высшим руководством страны.

На снимке слева направо Чжу Дэ, Лю Шаоци, Сайфутдин Азизи, Мао Цзедун, Бурхан Шахиди, Чжоу Эньлай, Дэн Лицунь, Дэ Линь [55, 56, 57].

Это был первый приезд Бурхана Шахиди в Пекин. А знакомство с представителями высшего эшелона руководства страны, с которыми он запечатлен на фотографии, происходило следующим образом. Прибывшие на сессию Бурхан Шахиди и Сайфутдин Азизи остановились в гостинице общества по делам национальностей. Вечером к ним в гостиницу пришли премьер Чжоу Эньлай, заместитель руководителя центрального правительства Чжу Дэ и другие руководители страны. После знакомства руководители страны долго беседовали с представителями Синьцзяна. Их интересовали демократические преобразования, проводимые правительством под руководством коммунистической партии, и состояние борьбы с контрреволюцией. После описания Бурханом Шахиди положения дел в провинции разговор продол-

жился на тему предстоящих преобразований. Руководители страны объяснили, что земельная реформа будет проведена в два этапа. Самая ближайшая задача состояла в снижении арендной платы и в борьбе с притеснениями крестьянства. Второй этап предусматривал коренные преобразования, включая безвозмездную передачу земель крестьянам. Однако по этим вопросам советовали проявлять крайнюю осторожность и двигаться шаг за шагом.

По окончании сессии 26 июня 1950 года был организован банкет. Чжоу Эньлай и Чжу Дэ Бурхана Шахиди посадили за свой стол. Его место оказалось рядом с Мао Цзэдун. Познакомились и разговорились. Мао Цзэдун сразу вспомнил о событиях сентября 1949 года и о том, как обменивались телеграммами. Он долго расспрашивал о преобразованиях в Синьцзяне. После банкета Мао Цзэдун пригласил Бурхана Шахиди к себе в гости. Их вместе сфотографировали во время беседы в доме Мао Цзэдуна.

Беседа, начавшаяся на политическую тему, плавно перешла к обсуждению вопросов истории Синьцзяна. Шахиди сказал, что давно изучает древние иероглифы, это позволяет ему читать труды китайских историков, включая и древние документы. Добавил, что также знакомится с работами зарубежных историков и сам проводит исторические исследования. В частности, сообщил, что написал статью «О власти Якуб бека», где дал полную характеристику созданному в 1865 году на территории Синьцзяна таджиком из города Коканда Якуб беком государству Иэттишээр (Семиградье), что статья готовится к изданию. Мао Цзэдун очень заинтересовался этим вопросом и просил привезти ему статью для ознакомления. Одновременно посоветовал не торо-

питься с изданием. При повторном приезде в Пекин Шахиди отдал рукопись статьи Мао Цзэдуну. При следующей встрече Мао Цзэдун дал положительную оценку этой работе, хоть и посоветовал пока воздержаться от издания этого труда. Он считал, что появление статьи в печати может вызвать недовольство в некоторых кругах Синьцзяна. Дело в том, что Шахиди в своей статье, основанной на исторических документах, сделал выводы о том, что государство, названное Иэттишээр, не было государством победителей народного восстания или национально-освободительного движения. В статье прямо было сказано, что государство Иэттишээр было образовано захватившими власть в свои руки иностранными завоевателями, которые воспользовались победой, одержанной восставшими дехканами. По этой причине статья была издана лишь в 1958 году в 3-м номере журнала «Исторические исследования». Исправленный вариант этой статьи с дополнениями был издан в 8-м номере этого же журнала за 1979 год под названием «Еще раз о власти Якуб бека».

После этих встреч у Бурхана Шахиди прибавились обязанности, выполняемые по совместительству. Центральные органы стали давать ему дипломатические поручения. В октябре 1952 года Шахиди как представитель КНР принял участие в работе конференции стран Азии и Тихоокеанского региона, проведенной в Пекине. В работе конференции участвовали представители 37 стран. В дни работы конференции Бурхан Шахиди участвовал в переговорах с представителями Монгольской Народной Республики. В результате между странами было заключено соглашение о ненападении друг на друга в течение десяти лет. О некоторых дипломатических поручениях в источниках не сказано. Одним из таких поручений является поездка Бурхана Шахиди в августе 1954 года в Каир для встречи с президентом Египта Гамалем Абдель Насером. От родственников в Урумчи узнал, что Шахиди три раза ездил в Каир, где встречался с президентом Египта. Они хоть и помнят, что первая поездка приходится на 1954 год, месяц и дату не смогли назвать. Моя двоюродная сестра Венера Яхиевна Галимова, проживающая в деревне Нижний Наратбаш Буинского района Республики Татарстан, рассказывала, как она в августе 1954 года вместе с матерью Назией Матросовой (старшая сестра моего отца) и с нашей бабушкой Тайфой ездила на встречу с Бурханом Шахиди в Посольство КНР в Москве. Бабушка Тайфа получила телеграмму-приглашение из посольства, где была указана конкретная дата прибытия. Они в назначенный день прибыли в посольство, где им сказали, что Бурхан Шахиди еще не прибыл из Каира в связи с задержкой самолета. Ждать пришлось не так долго, и через несколько часов родственники встретились на территории посольства. Оказалось, что брат с сестрой не виделись 32 года. Живя несколько дней в гостинице, общались и совершали экскурсии по Москве, посетили Мавзолей В. Ленина и И. Сталина. После этого, не совершив никаких официальных визитов в Москве, Шахиди уехал в Китайскую Народную Республику. Следовательно, основную миссию Бурхан Шахиди выполнял в Каире. Воспользовавшись этой поездкой, следуя обратно через СССР, заодно встретился и с сестрой. На мой взгляд, эта поездка Шахиди в Каир была непосредственно связана с событиями, которые будут описаны далее. В апреле 1954 года в Коломбо (Цейлон) было проведено совещание премьер-министров Индии, Бирмы,

Индонезии, Пакистана и Цейлона. Было принято решение о проведении в апреле 1955 года конференции стран Азии-Африки в городе Бандунге Индонезии.

Думаю, что приглашенная на эту конференцию Китайская Народная Республика заранее начинала подготовку к участию. Достоин внимания и тот факт, что в дни работы этой конференции делегация КНР под руководством Чжоу Эньлая и делегация Египта под руководством Гамаль Абдель Насера, придерживаясь одинаковых позиций, вели одинаковую политику [58]. Если учесть, что Гамаль Абдель Насер занял пост президента Египта лишь в апреле 1954 года, а Бурхан Шахиди единственный представитель Китайской Народной Республики, приехавший в Каир до Бандунгской конференции, несложно догадаться, с какой миссией Шахиди был направлен в 1954 году к президенту Насеру.

13 апреля 1950 года между Индонезией и Китайской Народной Республикой были установлены дипломатические отношения. Индонезия была первой страной Юго-Восточной Азии, установившей официальные отношения с КНР. После Бандунгской конференции, проведенной в Индонезии, отношения между странами стали стремительно развиваться. 1 июня 1955 года в Пекине открылось учредительное собрание Общества дружбы Китайской Народной Республики и Индонезии, где принимал участие Бурхан Шахиди. Он был избран руководителем этого общества. Сохранилась фотография заключительного момента этого собрания, где под портретами руководителей обоих государств видим Чжоу Эньлая и Бурхана Шахиди, стоящих рядом с руководителем делегации Индонезии.

В том же 1955 году Бурхан Шахиди как руководитель общества дружбы встретил в Пекине президента Индонезии Ахмеда Сукарно. Он сопровождал гостя и знакомил с достопримечательностями Пекина. На фотографии, помещенной ниже, Ахмед Сукарно в сопровождении Бурхана Шахиди осматривает исторические экспонаты в музее.

Возвращаясь к основной деятельности Бурхана Шахиди на посту председателя Синьцзяна, считаю необходимым остановиться лишь на некоторых моментах. Попытка перенести на страницы этой книги всю информацию об этой деятельности Шахиди, содержащуюся в китайских источниках, включая и статистические данные, приведет к тому, что она приобретет характер учебника по истории. Действительно, биография этой личности и есть часть истории Китайской Народной Республики. Считаю необходимым вкратце остановиться на вопросе земельной реформы, о которой Бурхану Шахиди говорили руководители страны при первой встрече в Пекине. При этом для ясности хочу сообщить российскому читателю, у которого социалистическая революция ассоциируется с национализацией земли, что в освобожденном Китае частная собственность на землю не отменялась. В июне 1950 года был принят и обнародован «Закон о земельной реформе КНР», согласно которому земли помещиков реквизировались и передавались безвозмездно крестьянству. Что касается кулачества, то у них реквизировались только земли, сдаваемые ими в аренду. Земли, обрабатываемые своими силами и наемными работниками, оставались в собственности кулака. Земли среднезажиточных крестьян не реквизировались, они могли сдавать свои земли в аренду. Между тем, следуя указанию центральных органов, в Синьцзяне земельная реформа шла поэтапно и в отличие от центрального Китая без

реквизиции земель религиозных организаций. Первый этап заключался в снижении арендной платы. Согласно решению правительства работа началась с проведения эксперимента под руководством специально созданной в октябре 1950 года комиссии. В апреле 1951 года в Урумчи состоялся первый пленум Собрания народных представителей общественности различных слоев всех национальностей Синьцзяна I созыва. После доклада Бурхана Шахида о результатах проведенного эксперимента Собранием было принято решение о снижении на территории Синьцзяна арендной платы. В июле 1952 года бюро Синьцзянского отдела ЦК КПК приняло решение о проведении земельной реформы. На втором пленуме указанного Собрания народных представителей, проведенном 22 августа 1952 года, с докладом выступил вновь назначенный руководитель Синьцзянского отдела ЦК КПК Ван Эньмао. Он обосновал необходимость проведения земельной реформы в земледельческих районах, не затрагивая северные скотоводческие районы Синьцзяна. Затем Бурхан Шахиди выступил с отчетным докладом об итогах деятельности правительства и предложил поэтапную земельную реформу. Съезд принял решение о реквизиции помещичьих земель в земледельческих районах и передаче их крестьянам. Бурхан Шахиди относился с полной серьезностью и к выполнению в Синьцзяне принятого в 1953 году пятилетнего плана. Он осуществлял контроль исходя из указаний партии. Выезжал на места, встречался с населением, проводил совещания и принимал меры, направленные на улучшение работы и подъем благосостояния народа. На собрании, приуроченном к 100-летию со дня рождения Бурхана Шахида, выступил редактор уездной газеты Или-Казахского автономного округа СУАР Абелмет Курбан – один из бывших учеников Шахида. Он с собравшимися поделился своими воспоминаниями. В числе других воспоминаний Абелмет Курбан рассказал о приезде Бурхана Шахида весной 1955 года в уездный город Мури Или-Казахской автономной области для проверки выполнения пятилетнего плана в уезде. По приезде Шахида пешком обошел весь город. После проверки документации в здании администрации провел собрание. На собрании присутствовали около ста человек, которые теснились в маленькой комнате. После открытия собрания Шахиди в своем выступлении дал оценку деятельности уезда. Затем выступали с докладами руководители различного ранга и представители народа. По завершении всех выступлений Бурхан Шахиди, обращаясь к секретарю парткома уезда, задал вопрос: «Почему не хотите построить помещение большего размера для проведения таких мероприятий и организации досуга трудящихся?» После недолгой паузы, секретарь парткома смущенно ответил, что бюджетных поступлений не хватает даже для выплаты заработной платы учителям. Бурхан Шахиди во время знакомства с городом заметил большое пустующее здание за рынком. Поинтересовался причиной неиспользования заброшенного здания для этих целей. Ответили, что здание было построено еще в период Гоминьдана и нуждается в капитальном ремонте, на что нет средств. Бурхан Шахиди, вникнув в ситуацию, заверил собравшихся в том, что по приезде в Урумчи направит 10 тысяч юаней на благоустройство города. При этом добавил: «Хоть и денег будет прислано мало, вы используйте их так, чтобы была большая польза в деле восстановления города!»

Эти слова Шахиди собравшиеся встретили аплодисментами. При этом Абелмет Курбан пояснил, что в те времена это была огромная сумма. Присланных денег хватило не только на ремонт Дворца культуры, но и на устройство тротуаров всего города [59]. Далее привожу фотографии, где Бурхан Шахиди запечатлен в ходе встреч с трудящимися и советскими специалистами.

На снимке Бурхан Шахиди беседует с дехканами юга Синьцзяна.

На снимке Шахиди советуется с прибывшими из СССР инженерно-техническими работниками.

На снимке Бурхан Шахиди и группа специалистов СССР, прибывших на борьбу с саранчой.

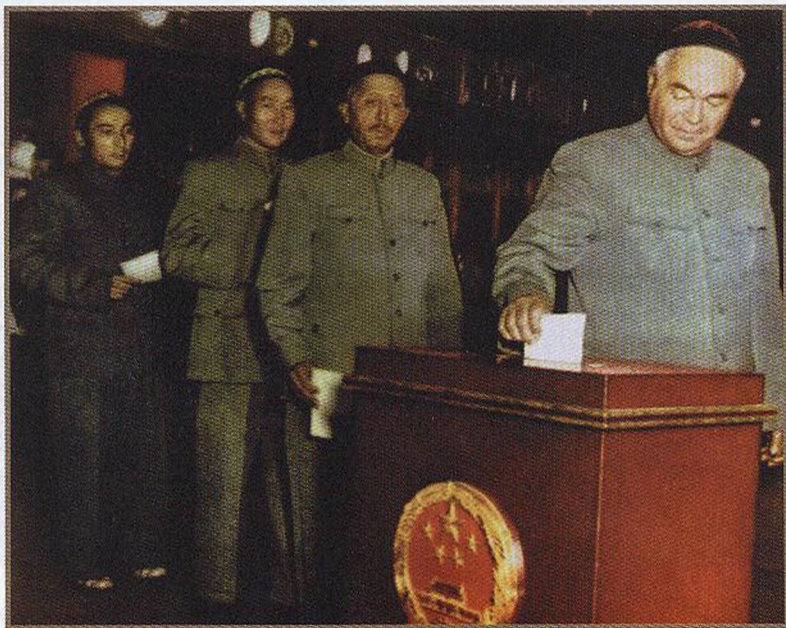
На снимке Бурхан Шахиди встречается с передовиками производства.

Жизнь Бурхана Шахида в эти годы характерна обилием социально-политических событий. На упомянутом втором пленуме Собрания народных представителей Синьцзяна, проведенном 22 августа 1952 года, кроме решения вопроса земельной реформы был рассмотрен ряд важных вопросов. В частности, была принята резолюция о выполнении Программы осуществления национальной районной автономии КНР и решение о создании Подготовительного комитета национальной районной автономии, председателем которого был избран Бурхан Шахиди. Далее более подробно остановимся на некоторых моментах создания этой автономии. В мае 1953 года по инициативе Бурхана Шахида, Сайфутдина Азизи и Гао Цзиньчуна было проведено учредительное собрание Китайского исламского общества. Собрание объявило об учреждении общества и избрало его руководителем Бурхана Шахида. На фотографии, помещенной ниже, Бурхан Шахиди запечатлен в момент выступления на этом собрании.

В соответствии с принятым 11 февраля 1953 года Центральным народным правительственным советом КНР Законом о выборах в Синьцзяне были проведены многоступенчатые выборы. В период с конца 1953 года по начало 1954 года в уездах и округах путем открытого голосования были образованы низовые Собрания народных представителей. Были проведены их первые сессии, где избирались депутаты на

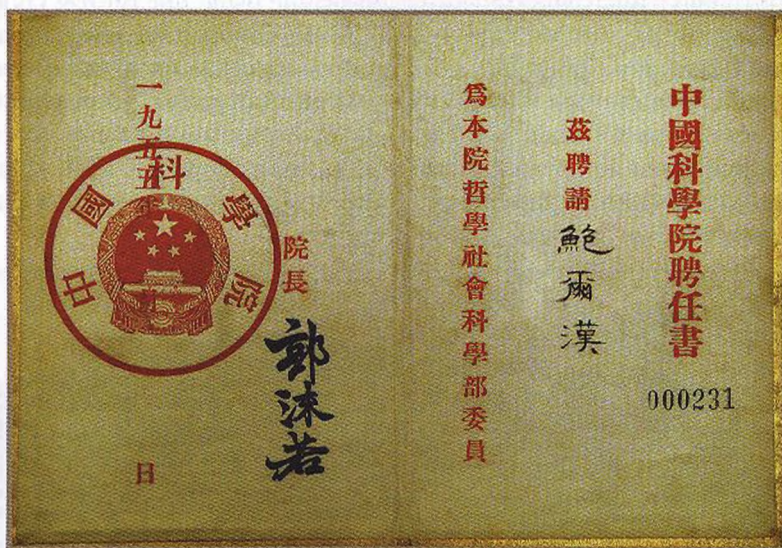
Собрание народных представителей Синьцзяна. I-я сессия Собрания народных представителей Синьцзяна I-го созыва, проведенная в городе Урумчи в период с 27 июля по 1 августа 1954 года, тайным голосованием избрала 21 делегата для участия в работе Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), среди которых были Бурхан Шахиди и Сайфутдин Азизи. Они приняли участие в заседаниях I-й сессии ВСНП первого созыва, открывшегося в Пекине 15 сентября 1954 года. На сессии Бурхан Шахиди выступил с докладом, где подробно рассказал об изменениях, произошедших в Синьцзяне за 6 лет. Заканчивая свое выступление, он сообщил, что подготовлен проект национальной районной автономии, который в скором будущем будет внесен на рассмотрение сессии Синьцзянского собрания народных представителей. На сессии Шахиди и Азизи проголосовали за принятие Конституции КНР. Сессия избрала новые органы, предусмотренные Конституцией. Руководителем Постоянного комитета ВСНП, являвшегося высшим органом в межсессионном периоде, был избран Лю Шаоци. На пост Председателя был избран Мао Цзэдун, а его заместителем и одновременно руководителем Комиссии по делам национальностей был избран Чжу Дэ. Премьер-министром Государственного совета и одновременно министром иностранных дел был избран Чжоу Эньлай. Бурхан Шахиди был избран заместителем руководителя Комиссии по делам национальностей ВСНП. На приведенной ниже фотографии депутаты Синьцзяна запечатлены в момент голосования на сессии.

В декабре 1954 года открылась первая сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) второго созыва. Согласно принятой Конституции он перестал осуществлять функции высшего законодательного органа государства и

продолжал функционировать как Единый патриотический фронт китайского народа. Согласно принятому сессией второго созыва уставу основными функциями НПКСК являются политическая консультация, демократический контроль и организация участия различных партий, представителей разных национальностей и общественных кругов в политической жизни страны. Сессия избрала председателем Всекитайского Комитета НПКСК Чжоу Эньлая, а его заместителем Бурхана Шахиди. Он продолжил свою работу на этой должности и в последующем, третьем созыве НПКСК. Почетным председателем ВК НПКСК обоих созывов был избран Мао Цзэдун. По этой причине некоторые авторы называли Бурхана Шахиди заместителем Мао Цзэдуна.

В ноябре 1949 года была образована Китайская академия наук (КАН), президентом которой был назначен Го Можо. Летом 1955 года согласно вызову-телеграмме из Пекина Шахиди прибыл в КАН, где президент Го Можо ему вручил документ, который в настоящее время хранится у дочери Шахиди Илсуяр. Текст этого документа следующего содержания: «Китайская академия наук. Приглашение №000231. Приглашаем Бурхана [60] членом отдела философии и социальных наук нашей академии. Ректор Го Можо. 1 июня 1955 года». Ниже приводится фотокопия этого документа.

Чуть раньше этого события, в феврале 1955 года, Шахиди был вызван в Пекин премьером Чжоу Эньлаем, который встретив его в своем рабочем кабинете, начал разговор с того, что наблюдается тенденция роста международного авторитета КНР. Развивая тему, премьер остановился на необходимости решения вопроса об установлении дипломатических отношений с арабскими странами. Сообщил, что для ведения работы в этом направлении понадобился надежный человек, хорошо знающий мусульманские обычаи и нравы, что Центральный комитет КПК при выборе кандидатуры остановился на Бурхане Шахиди. Чжоу Эньлай поинтересовался его мнением по поводу перехода

в центральные органы для ведения этих работ. Бурхан Шахиди ответил, что он коммунист и поэтому обязан выполнять любое поручение партии. Услышав такой ответ, Чжоу Эньлай трижды воскликнул: «У Вас хорошая позиция!!!»

Возвращаясь к теме Синьцзяна, хочу остановиться на некоторых моментах процесса создания национальной районной автономии. В Конституции КНР, принятой в период работы упомянутой комиссии под руководством Бурхана Шахиди, указано, что автономные территориальные образования являются неотделимой частью территории КНР. Сама система построения автономных образований принципиально отличается от системы, принятой в СССР. Если на территории любой административной единицы количество населения определенной национальности преобладает, то создается автономия. Если на территории, где создана автономия, находится административная единица рангом ниже, где преобладает другая нация, то там также образуется автономия. По причине компактного проживания на территории Синьцзяна представителей 13 национальностей в проекте автономии была заложена именно эта система. 27 ноября 1954 года в Синьцзяне была образована самая первая автономная единица – Или-Казахский автономный район. Что касается автономии, охватывавшей всю территорию Синьцзяна, то даже ее название было предметом споров. Я нашел информацию о том, что Мао Цзэдун по этому вопросу специально вызывал в Пекин Бурхана Шахиди и Сайфутдина Азизи и высказывал свою точку зрения [61]. Вопрос учреждения автономии был вынесен на рассмотрение 2-й сессии Собрания народных представителей Синьцзяна I созыва. Для участия в работе сессии из Пекина прибыла делегация под руководством члена политбюро ЦК КПК Дун Биу [62]. На фотографии, помещенной ниже, запечатлен момент встречи этой делегации. На снимке слева второй Ван Эньмао, третий Дун Биу.

Членов делегации ознакомили с планами на будущее. На фотографии, помещенной ниже, члены делегации осматривают макет здания, строящегося согласно плану развития города Урумчи.

На снимке: слева направо – Дун Биу, Ван Эньбао, Бурхан Шахиди, Тао Чжиюе, Сайфутдин Азизи

На сессии Бурхан Шахиди как председатель правительства провинции выступил с докладом по итогам деятельности правительства за 6 лет. В конце доклада остановился на недостатках в своей работе и просил освободить от исполнения обязанностей председателя правительства. Его просьба была удовлетворена. 1 октября 1955 года было обнародовано решение сессии Собрания народных представителей об образовании Синьцзяно-Уйгурского автономного района. По этому случаю в городе Урумчи было организовано собрание народа, где выступил член Политбюро ЦК КПК Дун Биу. Он поздравил собравшийся народ с шестилетием образования Китайской Народной Республики и с образованием Синьцзяно-Уйгурского автономного района. Далее приводится фотография, где запечатлен момент этого выступления.

На снимке запечатлен момент выступления Дуна Биу на этом собрании. Слева от него Бурхан Шахиди.

ПОСОЛ МИРА

Осенью 1955 года Бурхан Шахиди прибыл в Пекин и с 1 октября официально приступил к исполнению новых обязанностей. Одновременно он оставался членом вновь образованного Постоянного комитета КПК СУАР КНР. Помимо этого, второй сессией НПКС СУАР КНР первого созыва Шахиди был избран председателем комитета автономного района. Работа, которую Шахиди выполнял после переезда в Пекин, относится к дипломатической деятельности. Какую при этом он занимал официальную должность, в источниках не сказано. В них содержится лишь шаблонная фраза: «В октябре 1955 года по приглашению Премьера Чжоу Эньлая работа Бурхана Шахиди была переведена в Пекин». При всем том в некоторых источниках вскользь упомянуто, что он являлся членом центрального правительства. Сразу же после переезда в Пекин Шахиди был обеспечен жильем. Но зная, что предстоит длительная командировка, он не стал перевозить членов семьи из Урумчи. Младшей дочери Илфире к этому времени было всего 5 лет. Семья переехала в Пекин лишь в августе 1956 года. По нашей с Иреком Мунировичем просьбе дети Бурхана Шахиди Илсуяр и Илшат нас специально привезли и показали дом, где семья проживала после переезда из Урумчи. На следующей странице приводится фотография этого дома и первая фотография семьи, присланная моей бабушке Тайфе из Пекина.

Вскоре после переезда в Пекин, Бурхан Шахиди как член правительства получил первое задание. Он был направлен в арабские страны руководителем делегации, в составе которой были деятели культуры и искусства в количестве 80 человек. Эта миссия правительством КНР была организована во исполнение положений Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству, помещенной в заключительном коммюнике Бандунгской конференции 29 стран 1955 года. Визит делегации Китая в 5 стран Азии и Африки широко освещен в письменных источниках, изданных в КНР. В каждой посещаемой стране были проведены Дни культуры Китая, где давались представления творческих коллективов. Кроме руководства этой делегацией Бурхану Шахиди было дано особое поручение. Он как полноправный представитель правительства КНР должен был вести переговоры с руководителями стран, где проходили Дни культуры Китая. В связи с тем, что у КНР с этими странами отношения официально не были оформлены, предстояло вести переговоры на

Дом, на первом этаже которого справа расположена квартира, где жила семья Шахиди после переезда из Урумчи.

На снимке в центре Бурхан Шахиди с женой Рашидой, сзади их дочь Илчан, впереди слева направо дочери Илсуяр и Илфира, сын Илшат.

предмет установления между государствами культурных связей и дипломатических отношений. Самолет с делегацией КНР под руководством Бурхана Шахиди 25 февраля 1956 года приземлился в аэропорту Каира. Прямо у трапа их встретили члены правительства Египта, деятели культуры и искусств. На мой взгляд, подготовка к этой встрече шла заранее. В группе встречавших, кроме официальных лиц, был и обслуживающий персонал, чьи обязанности были распределены предварительно. Одни из них устраивали членов делегации в гостиницу и знакомили их с городом, а другие организовывали экскурсии. Начало выступлений творческих коллективов делегации в Каире было намечено на 6 марта. До этого, 28 февраля, Бурхан Шахиди был официально принят президентом Египта Гамалем Абдель Насером. Фотоснимок, представленный здесь, был сделан в момент этой встречи.

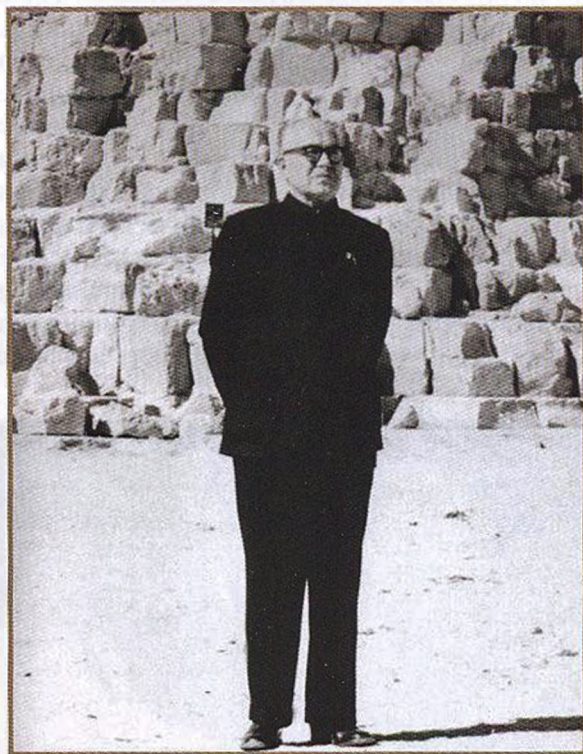
О чем шла речь на этой встрече, в источниках не раскрывается. Авторы китайских источников, объявив читателю о том, что Шахиди был принят президентом Насером, ограничились сообщением об их обмене приветствиями. Например, в биографическом очерке, приложенном к сборнику фотографий Бурхана Шахиди, не раскрывая другой информации об этой встрече, лишь сказано, что Шахиди на приеме передал привет лично от премьера Чжоу Эньлая и от всего китайского народа, а президент Гамаль Абдель Насер также ответил приветствием и передал привет Чжоу Эньлаю. Если вспомнить, для ведения какой работы Шахиди был приглашен в Пекин, и принять к сведению факт установления 30 мая 1956 года (до отъезда этой делегации из Египта) дипломатических отношений между КНР и Египтом,

то нетрудно догадаться, о чем беседовали Шахиди и президент Насер при этой встрече. Хочу сообщить читателю об одном обязательном условии, которое выдвигалось китайской стороной для установления дипломатических отношений. Страна, устанавливающая дипломатические отношения с КНР, должна была официально порвать отношения с правительством Чан Кайши и признать Тайвань частью Китая.

Первое выступление творческих коллективов делегации в Каире состоялось 6 марта в здании большого театра. Наблюдать за этим зрелищем собралась публика из более чем 700 человек. Среди них были послы всех стран, члены правительства Египта и многочисленные деятели искусств. В номере газеты «Жэньмен жибао» за 30 октября 1956 года была опубликована статья Бурхана Шахиди под названием «Записки о визитах в 5 стран Азии и Африки». В статье сказано, что после первого представления творческих коллективов президент Египта Насер, обращаясь к Шахиди, сказал: «Восхищен китайским искусством, сохранившим уникальную самобытность и старинные восточные традиции!» [63]. Дни китайской культуры в Египте проводились до 16 апреля 1956 года. За это время выступления творческих коллективов во многих городах Египта привели публику в восторг. Статьи, освещавшие выступления этих коллективов с фоторепортажами не сходили со страниц газет. Для членов делегации в перерывах между представлениями были организованы экскурсии. Сохранились фотографии, сделанные во время знакомства с пирамидами. На одной из них запечатлен момент, когда местный экскурсовод знакомит с историей пирамид делегацию под руководством Бурхана Шахиди.

В упомянутой статье «Записки о визитах в 5 стран Азии и Африки» Бурхан Шахиди делится своими впечатлениями, полученными от посещения пирамиды Хеопса. В разделе этой статьи «Страна пирамид» он пишет: «С двадцать пятого февраля по шестнадцатое апреля мы знакомимся с достопримечательностями Египта. Всем известно, что Египет – страна древней цивилизации, имеющей шеститысячелетнюю историю. Мы посетили пирамиду Хеопса, являющуюся одним из семи чудес света. Действительно, эта пирамида является жемчужиной мирового искусства архитектуры. Пирамида Хеопса нам демонстрирует жестокое господство фараона Древнего Египта и одновременно трудолюбие, великий ум и силу народа».

На фотографии Бурхан Шахиди запечатлен на фоне пирамиды Хеопса.

Кроме президента Насера, Шахиди вел переговоры и со многими министрами Египта. А в ходе выступлений творческих коллективов он давал интервью работникам информационного агентства Египта. 29 марта министр просвещения Египта Хусаин пригласил к себе домой на банкет всех членов делегации Китая. Кроме этого, 31 марта по его инициативе министерством просвещения совместно с другими министерствами Египта специально для членов делегации Китая был организован вечер музыки, песни и танца. Это мероприятие было организовано для культурно-

го обмена, в ходе которого деятели искусств обеих стран за счет общения для себя познали многое, что способствовало улучшению их мастерства. 1 апреля руководители делегации совместно с торговым представительством Китая в Каире организовали банкет, куда были приглашены члены правительства Египта, представители различных слоев общественности, послы многих стран в Египте, в том числе СССР и Индии. 15 апреля 1956 года между КНР и Египтом было заключено соглашение о взаимном сотрудничестве в области культуры. Соглашение было подписано полномочным представителем правительства КНР Бурханом Шахиди и полномочным представителем правительства Египта – министром просвещения Хусаином. Соглашение вступало в законную силу со дня его ратификации в Пекине. Подписание этого соглашения происходило в торжественной обстановке, и после закрепления текста подписями представители обоих государств выступили перед собравшимися. Хусаин в своем выступлении сказал, что это мероприятие по усилению сотрудничества народов Китая и Египта является первым шагом после Бандунгской конференции к установлению новых отношений между народами. После выступил Бурхан Шахиди и, приведя историческую справку, пояснил, что с давних времен народы обеих стран жили в дружбе, никогда не вступали в конфликты между собой и вели торговлю. Помимо этого, он отметил общую черту народов обоих государств. Их объединяло освобождение от колониального гнета. Поздравив собравшихся, выразил надежду на расширение сотрудничества между государствами. Страницы газет в Египте, освещающие события, связанные с визитом делегации КНР, пестрели фотографиями. Некоторые из них сохранились до наших дней.

Бурхан Шахиди в момент встречи с министром торговли и другими министрами Египта.

Бурхан Шахиди дает интервью сотрудникам информационного агентства Египта.

Творческие коллективы делегации КНР под руководством Бурхана Шахиди 16 апреля 1956 года завершили свои выступления в Египте и в тот же день в полном составе вылетели из Каира в столицу Судана Хартум.

По причине отъезда премьер-министра Судана Исмаила аль-Азхари в Каир делегацию принял исполняющий его обязанности министр торговли Ибрагим аль-Муфути. Они вдвоем с Бурханом Шахиди посоветовались и решили организовать первое выступление творческих коллективов в Судане 18 апреля, приурочив его к годовщине Бандунгской конференции. Вот как Шахиди описывает это представление в своей статье: «Судан недавно завоевал свою независимость, и колониалисты даже не оставили Хартуму ни одного здания театра. Поэтому нашей делегации пришлось выступать на временно сооруженной сцене. На самом деле это был идеальный театр, где вместо стен были расцветающие вокруг деревья. Дуновение свежего и прохладного ветерка из леса создавало зрителям уют. Выступления открылись 18-го апреля, в день годовщины Бандунгской конференции, что имело глубокое значение. Председатель высшего комитета Республики Судан Сирицио Иро и исполняющий обязанности премьер-министра Ибрагим аль-Муфути приняли участие в митинге при открытии. Торжественный митинг был посвящен годовщине Бандунгской конференции, где Ибрагим аль-Муфути, выступая с речью, сказал: «Бандунгская конференция – это важное поворотное событие в международных отношениях и в отношениях между народами разных стран. Если решения Бандунгской конфе-

ренности реализуются, то мир на земле гарантирован». Без сомнений, мы полностью согласны с господином Муфути» [64]. В продолжение этого митинга выступил Бурхан Шахиди. Он сообщил собравшимся зрителям, что творческие коллективы делегации КНР своими выступлениями претворяют в жизнь решения Бандунгской конференции и целью этих выступлений является расширение и укрепление дружеских отношений между народами двух стран. На площадке вместимостью в 600 человек было собрано более 1000. Выступления творческих коллективов на этой площадке шли до 27 апреля. Об этих выступлениях в упомянутой статье Бурхан Шахиди писал: «Наши выступления сразу стали главной темой разговоров в Хартуме. При каждом сеансе площадка была переполнена зрителями. Те, которые не могли попасть на площадку, смотрели представление, стоя на улице или из леса, но такое неудобное положение ничуть не портило их настроение. И на площадке, и за ее пределами все зрители вместе радостно аплодировали. Ежедневно после представления многие зрители нас ожидали у выхода и приветствовали...».

23 апреля руководители делегации в лице Бурхана Шахиди, его заместителей Ма Юйхвая и Ма Ханбинга совместно с торговым представителем КНР в Египте и советником делегации Цзан Юю посетили министра дипломатии и просвещения Судана Мубарака Шарук. Тема переговоров в источниках не раскрыта. 25 апреля Бурхан Шахиди как личный представитель премьера Чжоу Эньлая с официальным визитом посетил исполняющего обязанности премьер-министра Судана Ибрагим аль-Муфути. Он ему вручил подарки и письмо премьера Чжоу Эньлая, адресованное премьер-министру Исмаилу аль-Азхари. В письме содержалось предложение об улучшении отношений между государствами. После принятия подарка и письма Ибрагимом аль-Муфути Шахиди лично от себя выразил ему благодарность за оказанный делегации КНР радушный прием. В ответ Ибрагим аль-Муфути от имени суданского народа поблагодарил членов делегации за их старания и вклад в развитие отношений между народами двух стран.

Завершив свои выступления в Судане, делегация деятелей культуры и искусства КНР, следуя приглашению императора Эфиопии Хайле Селассие I, 28 апреля 1956 года на самолете прилетела в Аддис-Абебу. В аэропорту их встречали члены правительства Эфиопии, общественные деятели, послы многих стран в Эфиопии, в том числе и СССР. Спустившись с трапа самолета, Бурхан Шахиди выступил с речью перед встречавшими. В своем выступлении он отметил, что делегация Китая вместе со старинными и новыми национальными номерами творческих коллективов привезла и дружбу между народами двух стран. Завершая свое выступление, Шахиди сказал: «Мы будем безгранично рады и довольны, если наш визит способствует к взаимопониманию и улучшению отношений между двумя государствами» [65]. 7 мая члены делегации приняли участие в торжествах, организованных в честь 15-летия освобождения Эфиопии от итальянских фашистов. В тот же вечер в здании театра Аддис-Абебы состоялось первое выступление творческих коллективов делегации. На представление со своей женой пришел и император Эфиопии Хайле Селассие I. Бурхан Шахиди их встретил и от имени делегации поблагодарил

за проявленное уважение. В этот вечер в зрительном зале была представлена вся элита страны: члены правительства, депутаты обеих палат парламента, офицеры крупных чинов, мэр Аддис-Абебы, глава Эритрии и многие знаменитости страны. Многим выступления китайских деятелей искусств так понравились, что они приходили смотреть представление по нескольку раз. Во всех газетах писали о том, что китайские творческие коллективы внесли новизну в жизнь Аддис-Абебы. На другой день Бурхан Шахиди вместе со своими заместителями Ма Юйхваем, Ма Ханбингом и советником делегации Цзан Юю нанес визит вежливости премьер-министру Эфиопии Маконнену Энделкачеу. Шахиди как представитель премьера Чжоу Эньлая вручил Энделкачеу от его имени подарки и письмо правительству Эфиопии.

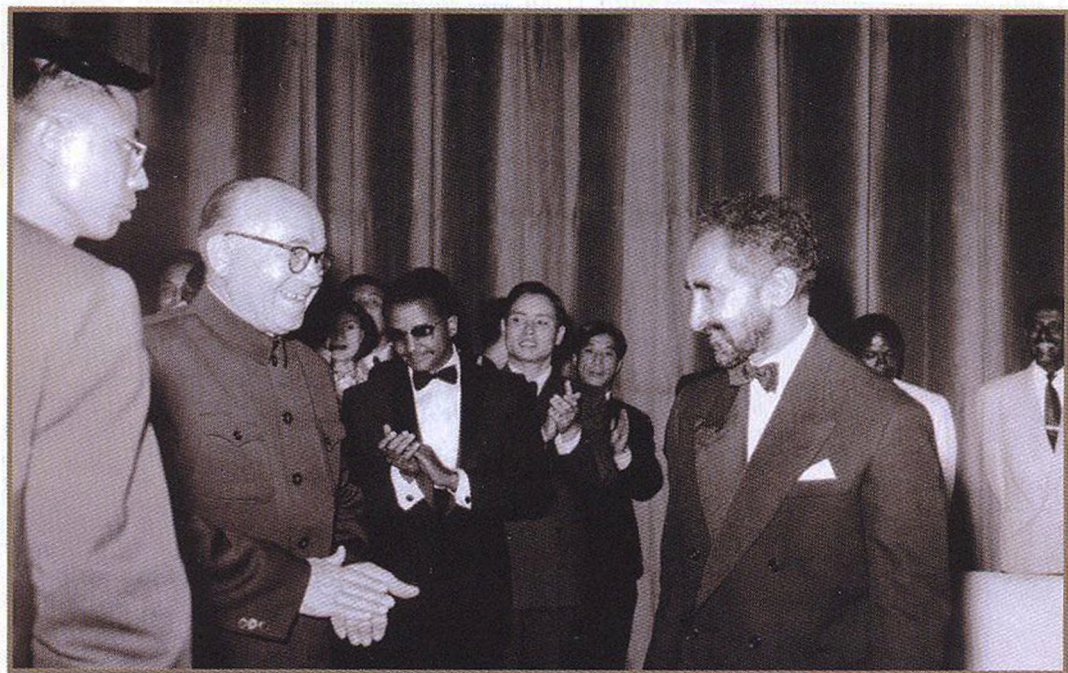

Момент встречи премьера Маконнена Энделкачеу и членов делегации.

Провожая членов делегации КНР, Энделкачеу просил передать премьеру Чжоу Эньлаю свою благодарность и выразил надежду на развитие отношений и культурных связей между государствами. В тот же день члены делегации в том же составе совместно с заместителем директора торговой фирмы Китая Ма Имингом вели переговоры с министром торговли и промышленности Эфиопии Литта. Информацию о содержании этих переговоров в источниках не нашел.

После завершения выступлений все члены делегации были приглашены на банкет, организованный мэром столицы и министром просвещения Эфиопии. При-

сутствовавший на банкете император Хайле Селассие I долго беседовал с Бурханом Шахиди. Он выразил благодарность премьеру Чжоу Эньлаю за переданные им через представителя Эфиопии в Бандунгской конференции добрые пожелания всему народу Эфиопии. Акцентируя внимание на теме приезда самой делегации под руководством Шахиди, высказал пожелание, чтобы такие коллективы приезжали в дальнейшем еще и неоднократно. При этом заявил, что такие контакты приводят к развитию добрых отношений между государствами.

На фотографии запечатлен момент встречи Бурхана Шахиди с Хайле Селассие I.

Воспользовавшись случаем, Бурхан Шахиди от имени правительства КНР вручил императору Эфиопии подарок. В свою очередь, Хайле Селассие I преподнес от себя лично подарки всем членам делегации КНР.

Делегация под руководством Шахиди, завершив свои выступления в Эфиопии, 14 мая 1956 года прибыла в Каир. В столице Египта членам делегации был организован недельный отдых. Вскоре была получена телеграмма президента Сирии Шукри аль-Куатли, адресованная членам делегации, где он приглашал всех посетить Сирию. Получив телеграмму, делегация КНР прибыла в столицу Сирии Дамаск. Президент Сирии Шукри аль-Куатли 23 мая 1956 года принял в своей резиденции небольшую группу, состоявшую из руководства делегации и нескольких мастеров искусств. Президент Сирии приветствовал членов делегации и одно-

временно выразил глубокое уважение стране, которую они представляют. В ответе Бурхан Шахиди выразил надежду на то, что предстоящее знакомство членов делегации с Сирией, демонстрация ими китайского искусства сирийскому народу способствуют взаимопониманию и развитию дружественных отношений народов двух государств. Шукри аль-Куатли признался в том, что идея приглашения делегации КНР у него возникла в Египте после просмотра выступления творческих коллективов делегации в порту «Александрия». Он выразил уверенность в том, что выступления творческих коллективов в Сирии пройдут с большим успехом. Провожая членов делегации, Шукри аль-Куатли сказал: «Думаю, что, уезжая из Сирии, вы увезете с собой частичку души сирийского народа» [66]. В тот же день Бурхан Шахиди встретился и с министром пропаганды Сирии. Было запланировано, что выступления творческих коллективов делегации начнутся с 25 мая. Поэтому были организованы экскурсии по Дамаску. На одной из сохранившихся фотографий запечатлен момент экскурсии.

24 мая руководители делегации КНР посетили премьер-министра Сирии Саида аль-Газзи и на его рабочем месте вели переговоры. В тот же день они встретились и с министром просвещения Сирии. В результате переговоров стороны пришли к заключению о необходимости установления между странами связей в области

культуры. Первое выступление творческих коллективов делегации состоялось 25 мая в здании летнего театра Дамаска. На премьеру пришли Саид аль-Газзи, все министры Сирии, военные крупных чинов и дипломаты всех стран. Выступления как обычно прошли с большим успехом и сопровождались длительными аплодисментами зрителей. На другой день премьер-министр Саид аль-Газзи в гостинице, где остановилась делегация, продолжил разговор с руководителями на тему, начатую ранее. Забегая немного вперед, хочу отметить, что в результате этих переговоров 12 июня 1956 года между КНР и Сирией было заключено соглашение об установлении культурных связей и взаимном сотрудничестве в области культуры. Соглашение было подписано полномочным представителем правительства КНР Бурханом Шахиди и премьер-министром Сирии Саидом аль-Газзи. Преследуя цель установления дипломатических отношений, Шахиди продолжал встречаться с государственными деятелями страны, с руководителями политических партий и вел с ними переговоры. 28 мая он хотел встретиться с президентом Шукри аль-Куатли. Оказалось, что тот уехал в Ливан, и Шахиди был принят замещающим его руководителем парламента Назимом аль-Кудси [67]. При встрече они обменялись мнениями по вопросу установления дипломатических отношений. Хотя в источниках об этом и не сказано, думаю, что после этой встречи они посетили представление творческих коллективов делегации. На одной из сохранившихся фотографий мы видим их сидящими рядом в зрительном зале.

На снимке слева первый Бурхан Шахиди, второй – Назим аль-Кудси.

В тот же день Шахиди встретился с министром экономики Сирии Кайяли. Конечно же, и с ним беседа шла на тему установления дипломатических отношений.

Творческие коллективы Китая выступали во многих городах Сирии. Их везде встречали достойно и с большим уважением. Выступления коллективов заканчивались бурными аплодисментами. Выступая на 3-й сессии ВНККСК второго созыва в марте 1957 года, Бурхан Шахиди рассказал о поездке в Сирию. Характеризуя отношение сирийского народа, он сказал следующее: «Нашу делегацию, подъезжающую к городу Алеппо в Сирии, на расстоянии 10 километров ожидала группа встречающих в количестве около 200 человек. Они нас приветствовали лозунгами «Да здравствует дружба Китая и арабских стран», «Да здравствует сирийско-китайская дружба». Среди встречающих были рабочие, крестьяне, учащиеся и представители различных слоев населения». Это выступление было помещено в номере за 16 марта 1957 года газеты «Жэньминь жибао». В этом же выступлении он отметил, что во всех странах встречался с представителями различных партий, общественных организаций и обменивался мнениями. Рассказал о том, как членов делегации КНР по-родственному встретил знаменитый патриот Сирии, председатель Комитета Защиты мира, лауреат Международной Сталинской премии Мухаммед Ашмар и, проехав с делегацией более 110 километров, проводил их до границы с Ливаном. По дороге остановившись в местах, где шли бои с французскими колонистами, показывал развалины и рассказывал о событиях [68].

На фотографии, помещенной ниже, запечатлен момент расставания с Мухаммедом Ашмаром на границе Сирии с Ливаном.

Во время пребывания в Сирии Бурхан Шахиди встречался с Генеральным секретарем Коммунистической партии Сирии, членом нижней палаты парламента Сирии

Багдашем Халедом и долго с ним беседовал. На представленной ниже фотографии запечатлен момент их встречи.

12 июня 1956 года делегация деятелей культуры КНР под руководством Бурхана Шахида пересекла границу Сирии с Ливаном и прибыла в столицу Ливана Бейрут. Руководители делегации были приняты президентом Ливана Камилем Нимр Шамуном, который с ними долго беседовал. На представленной фотографии запечатлен момент этой встречи. В центре фотографии – президент Камиль Шамун.

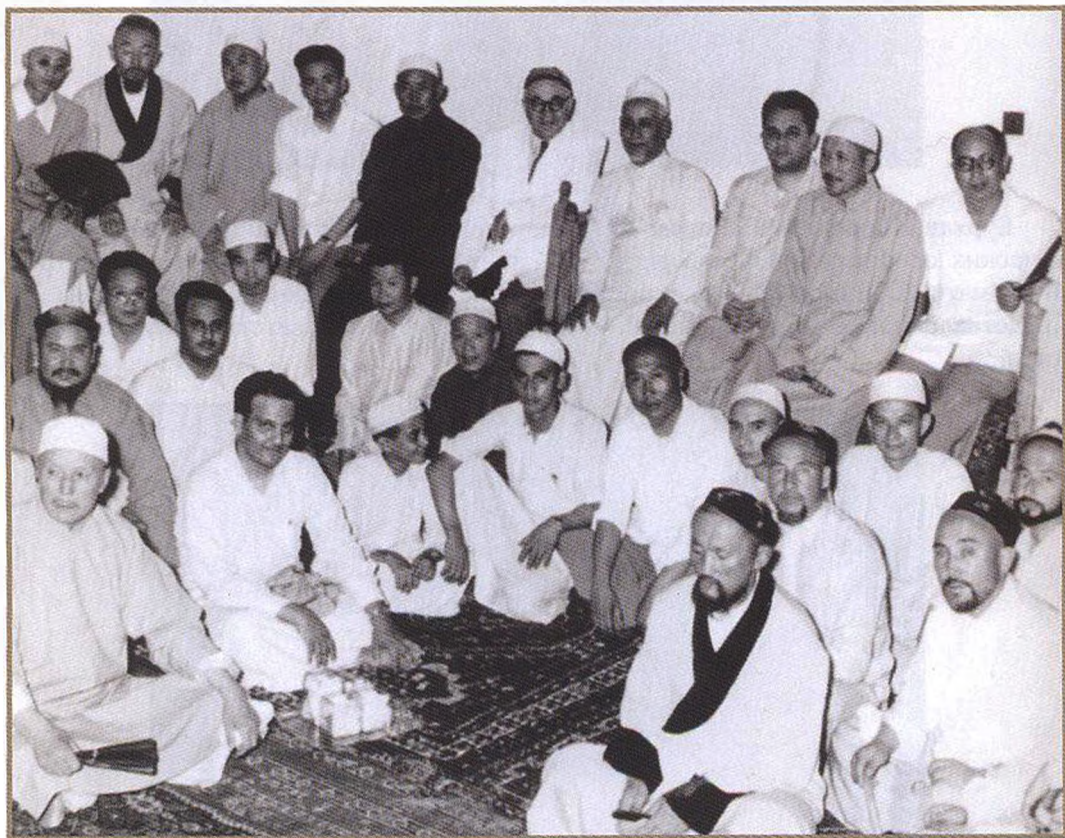
Выступления творческих коллективов также успешно были продолжены и в Ливане. После первого представления в Бейруте к Шахиди подошел президент Камиль Шамун и сказал, что с восхищением наблюдал это зрелище. Этот момент запечатлен на представленной ниже фотографии.

Бурхан Шахиди и в Ливане вел переговоры на тему установления дипломатических отношений. Он совершил визиты и обменялся мнениями с министром дипломатии Салимом Лахудом, премьер-министром Абдаллой Ареф аль-Яфит. На представленной ниже фотографии Абдалла аль-Яфит приветствует Бурхана Шахиди.

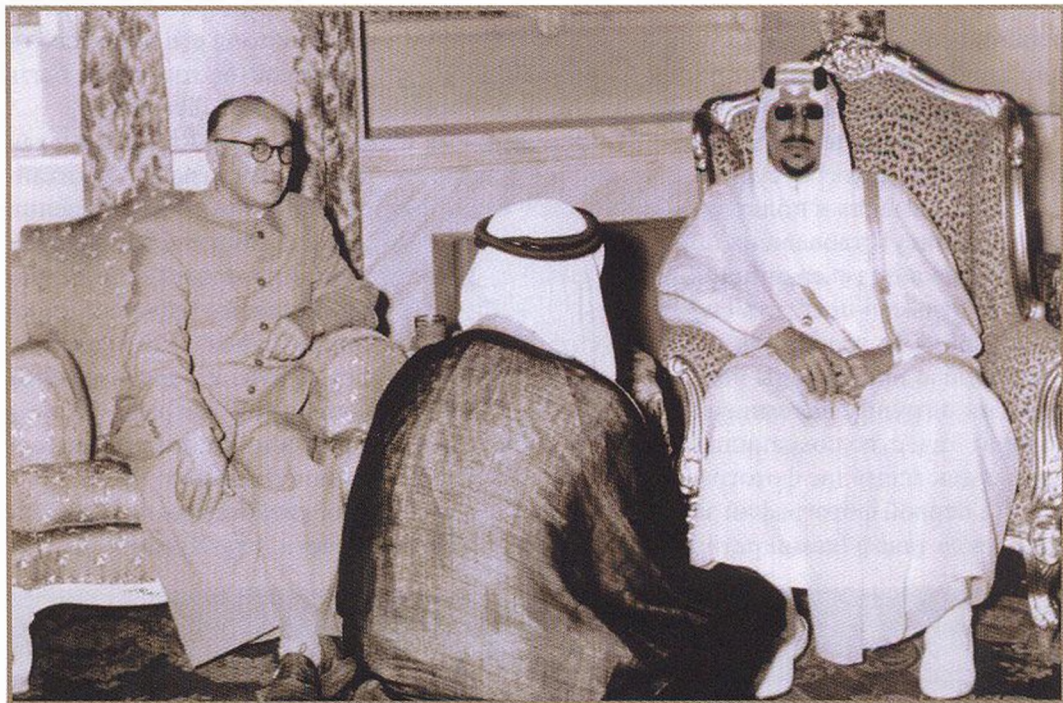

24 июня 1956 года, в день завершения выступлений творческих коллективов в Ливане, вся делегация была приглашена на банкет, организованный Обществом мира Ливана. На банкет также были приглашены видные политики и деятели искусства. Перед началом с речью выступили видный политический деятель Салим Даблиз, ранее посетивший Китай, знаменитый писатель Жорж Ханна и другие деятели. Бурхан Шахиди в своем выступлении сделал акцент на то, что необходимо установить дружественные отношения между двумя странами, чтобы объединить свои усилия для борьбы против мировых агрессоров. Собравшиеся его выступление встретили аплодисментами. После завершения выступлений в Ливане делегация представителей искусств КНР вылетела в Пекин, а Бурхан Шахиди, получивший новое задание правительства, остался в Каире. Он во главе китайских мусульман-паломников направился в Саудовскую Аравию. До начала процессии хаджа, один из руководителей района города Мекки Субхан пригласил китайских паломников к себе домой в гости. На фотографии китайские паломники в доме Субхана.

На снимке сзади справа налево третий – Анвар Ханбаба, пятый – Бурхан Шахиди.

Также, до начала процессии хаджа, Бурхана Шахиди как руководителя китайских паломников в своем дворце принял король Саудовской Аравии Сауд IV ибн Абдельазиз ибн Абдурахман ибн Фейсал ас-Сауд. На фотографиях, сохранившихся до наших дней, запечатлены моменты встречи.

На первой фотографии король Саудовской Аравии справа, на второй слева.

В источниках сказано, что Бурхан Шахиди с королем Саудовской Аравии Саудом IV встречался трижды. Вторая встреча происходила также во дворце, куда Шахиди был приглашен как distinguished гость короля Сауда IV. На мой взгляд, Шахиди еще в ходе первой встречи завоевал уважение короля Саудовской Аравии своими глубокими знаниями мусульманского вероучения и мастерством ведения переговоров. В источниках сообщается, что Сауд IV даже удостоил его чести войти внутрь Каабы. Как известно, из зарубежных мусульман такой чести могут быть удостоены только совершающие хадж правители мусульманских государств.

В дни нахождения в долине Мина и во время стояния на горе Арафат Бурхан Шахиди общался с мусульманами других государств. Он им рассказывал о китайских мусульманах и политике КНР, которая ведется в последнее время в отношении них. Из присутствовавших при этом паломников шейх Йемена Абдулла бин-Хусейн аль-Ахмар и премьер-министр Пакистана Чодри Мухаммед Али пригласили китайских мусульман посетить свои страны. Китайскими мусульманами были совершены все обряды хаджа, как обязательные, так и желательные (сунна). Мне кажется, что с целью пропаганды положительного отношения государства к мусульманской религии в группу паломников был включен профессиональный фотограф. Об этом говорит качество сохранившихся фотографий с этой процессии. К сожалению, сохранились всего две фотографии, где запечатлена вся группа паломников.

На первой фотографии запечатлен момент совершения китайскими паломниками обряда таваф (семикратный обход вокруг Каабы) в мечети Аль-Харам.

На второй фотографии запечатлены китайские паломники, совершающие намаз из двух ракатов в Макам аль-Ибрахиме мечети Аль-Харам.

Завершая хадж, Бурхан Шахиди нанес еще один визит королю Саудовской Аравии Сауду IV ибн Абдельазиз ибн Абдурахман ибн Фейсал ас-Сауд. Шахиди поздравил короля с великим праздником всех мусульман Ид аль-Адха (Курбан-байрам). Далее приводится фотография, где запечатлен момент этой встречи.

После совершения хаджа Бурхан Шахиди встречался с главой правительства Фейсалом ибн Абдельазиз ибн Абдурахман ас-Саудом, а также с другими руководителями страны и вел с ними переговоры. На фотографии, помещенной ниже, запечатлен момент встречи с сыном короля – министром внутренних дел Абдуллой ибн Саудом.

Группа китайских мусульман после совершения хаджа под руководством Бурхана Шахиди посетила Египет и некоторые другие страны арабского мира. В Каире 10 августа 1956 года Обществом Освобождения мусульманского народа был орга-

низован митинг, посвященный национализации Суэцкого канала. Китайские мусульмане, возвращавшиеся с хаджа, приняли активное участие в этом митинге, где на арабском языке выступил Бурхан Шахиди как представитель китайских мусульман и всего народа Китая. Шахиди сказал, что весть о национализации Суэцкого канала они встретили с чувством гордости. Он сообщил собравшимся, что 10 миллионов китайских мусульман и весь китайский народ солидарны с народом Египта в деле возврата своего законного имущества. Сохранилась фотография, где Бурхан Шахиди запечатлен в момент выступления.

В источниках сказано, что выступление Шахиди пришлось по душе собравшимся и они долго аплодировали.

Группа китайских мусульман 17 августа 1956 года в Каире совершила экскурсию в международный мусульманский университет Аль-Азхар. Этот всемирно известный университет считается самым лучшим и престижным среди всех мусульманских высших учебных заведений мира. Во время экскурсии Бурхан Шахиди нанес визит вежливости ректору университета. Он подарил университету один экземпляр священного Корана, изданного Всекитайским исламским обществом и распространенного среди мусульман Китая. Ректор университета заявил о том, что двери университета открыты для китайской молодежи, просил передать привет всему китайскому народу и руководителям страны Мао Цзэдуну, Чжоу Эньлаю. Предлагаю вашему вниманию фотографию, сделанную в момент вручения Корана ректору университета Аль-Азхар.

В источниках содержится информация о том, что несколько человек из группы китайских мусульман во главе с Бурханом Шахиди посетили Йемен. Кроме Анвара Ханбабы, имена других мусульман, сопровождавших Шахиди в Йемен, в источниках не названы. К тому же в них содержится лишь сжатая информация. В биографическом очерке, приложенном к сборнику фотографий Бурхана Шахиди, сказано, что в Йемене он встретился с шейхом Абдуллой ибн Хусейн аль-Ахмаром и его братом, с которыми долго беседовал. Тема беседы в источниках не раскрывается. Кроме того, что Шахиди с сопровождавшими его через два дня вернулся в Каир к остальным членам группы, другую информацию в них я не нашел. В источниках, не связанных с биографией Шахиди, есть отрывочные сведения о шейхе Йемена Абдулле ибн Хусейн аль-Ахмаре. Там говорится, что он руководитель племенной конфедерации хашид, проповедующей зейдитское течение шиитского толка ислама. Есть и информация о том, что он один из основателей партии «Ислах», созданной в 1991 году.

Руководители группы китайских мусульман и несколько ее членов, среди которых был Анвар Ханбаба, 19 августа 1956 года нанесли визит вежливости генеральному секретарю Исламского совета, члену Революционного совета, государственному министру Мухаммед Анвару ас-Садату. Беседа проходила в дружеской обстановке. Анвар Садат поблагодарил в лице китайских мусульман весь китайский народ за солидарность по вопросу возврата Суэцкого канала. В тот же день группа китайских мусульман под руководством Бурхана Шахиди отправилась в Сирию. В Дамаске Шахиди встречался с президентом Шукри аль-Куатли и членами

правительства, а группа китайских мусульман в течение шести дней знакомилась со страной. Президент Шукри аль-Куатли 20 августа 1956 года оказал очень теплый прием Бурхану Шахиди. Они как давние друзья долго и мирно беседовали. На представленной ниже фотографии запечатлен момент этих переговоров.

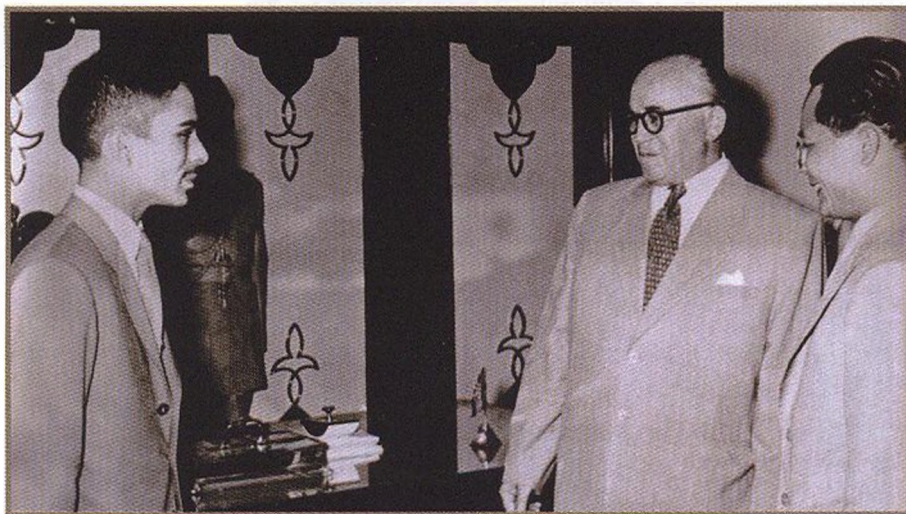
Оказалось, что за время совершения хаджа, в Сирии сменился премьер-министр. 21 августа новый премьер-министр Сабри аль-Ассали принял у себя руководителей группы китайских мусульман. Он сообщил, что политика страны в отношении КНР не изменится. На снимке Сабри аль-Ассали первый слева.

Бурхан Шахиди также встречался и долго беседовал с видным политическим деятелем, министром иностранных дел Сирии Салах ад-Дином Битаром [69]. На снимке запечатлен момент их беседы.

Группа китайских мусульман под руководством Бурхана Шахиди из Сирии направилась в Иорданию. 26 августа 1956 года они, оформив документы, пересекли границу с Иорданией. Пограничники впервые увидели граждан Китая. Командир пограничников, построив подчиненных, с почестями проводил гостей на территорию страны. На следующий день руководителей делегации принял во дворце король Иордании Хусаен I ибн Талал. Сохранилась фотография, где Хусаен I ибн Талал (на снимке слева) запечатлен с Бурханом Шахиди.

Полная информация об этой встрече в источниках отсутствует. В них просто сказано, что Шахиди высказался о желании китайского народа установить дружеские отношения между Китаем и Иорданией, на что Хусаен I ибн Талал поблагодарил китайских мусульман за посещение Иордании и высказал надежду на продолжение встреч представителей двух государств [70]. В источниках также вскользь упомянуто о том, что Бурхан Шахиди, Ли Ру и Анвар Ханбаба посетили премьер-министра Ибрахима Хашима. Информации о содержании переговоров с ним в источниках нет.

13 сентября 1956 года после визита в Иорданию Шахиди на самолете вылетел в Пекин. Делегация китайских мусульман под руководством Ли Ру продолжила свои визиты в арабские страны.

Дипломатическая деятельность Бурхана Шахиди не ограничивается перечисленными визитами. В результате анализа всей информации можно прийти к выводу о том, что ему была поручена деятельность по установлению дипломатических отношений КНР со странами Азии и Африки и развитию отношений государства с некоторыми странами социалистического лагеря. Возможно, из-за политики США, проводимой в наши дни в арабском регионе, китайские историки обходят стороной тему отношений КНР с арабскими странами и СССР с середины 50-х до конца 60-х годов прошлого столетия. Основное внимание в трудах уделяется экономическим вопросам, так как сегодня в этом регионе наблюдается пересечение экономических интересов США и КНР, в основном связанных с импортированием нефти и экспортом китайских товаров. В Пекине я интересовался у родственников о наличии каких-либо трудов историков, посвященных дипломатической деятельности Бурхана Шахиди в период с 1955-го по 1965 год. Благодаря их ответу понял, что, кроме биографического очерка, приложенного к сборнику фотографий, подаренного мне тетей Илсуяр, никаких специальных трудов, посвященных дипломатической деятельности этого периода, нет. Из-за отсутствия такой информации в китайских источниках, некоторые российские авторы иногда делают весьма интересные выводы. Например, старший преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО Д.И. Дегтерев в своей статье, напечатанной в журнале «Азия и Африка сегодня», описывает историю установления дипломатических отношений между КНР и странами Африки как процесс совершившийся самопроизвольно и без особого труда [71]. По его мнению, премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай на Бандунгской конференции познакомился с руководителями Эфиопии, Ливана, Судана, Либерии и Ганы. Затем Китай «активизировал контакты», и 30 мая 1956 года были установлены дипломатические отношения с Египтом. После Египта были установлены дипломатические отношения с Алжиром (в тексте содержится примечание: «за 4 года до провозглашения независимости страны»), Марокко, Суданом и Гвинеей. Далее установление дипломатических отношений с 14 африканскими странами Дегтерев связывает с визитом Чжоу Эньлая, нанесенным в 1963 году в 10 африканских стран и с установлением дипломатических отношений КНР с Францией [71]. Даже простое сопоставление этой информации, отраженной в статье Дегтерева, с бесспорными фак-

тами дает основание утверждать о несостоятельности доводов автора. Информация об установлении Китайской Народной Республикой дипломатических отношений с первыми 19 странами этого региона китайскими агентствами официально размещена на сайтах сети «Интернет» [72]. Основываясь на этих источниках, приведу хронологию по датам установления дипломатических отношений с первыми 19 африканскими странами. Этот процесс шел в следующем порядке: 1) Египет – 30 мая 1956 года, 2) Марокко – 1 ноября 1958 года, 3) Алжир – 20 декабря 1958 года, 4) Судан – 4 февраля 1959 года, 5) Гвинея – 4 октября 1958 года, 6) Гана – 5 июля 1960 года, 7) Мали – 25 октября 1960 года, 8) Сомали – 14 декабря 1960 года, 9) Демократическая Республика Конго – 20 февраля 1961 года, 10) Уганда – 18 октября 1962 года, 11) Кения – 14 декабря 1963 года, 12) Бурунди – 22 декабря 1963 года, 13) Тунис – 10 января 1964 года, 14) Республика Конго – 22 февраля 1964 года, 15) Танзания – 26 апреля 1964 года, 16) Центральнаяафриканская Республика – 29 сентября 1964 года, 17) Замбия – 29 октября 1964 года, 18) Бенин – 12 ноября 1964 года, 19) Мавритания – 19 июля 1965 года. После Мавритании в течение пяти лет дипломатические отношения с другими африканскими странами не устанавливались. Отсюда видно, что до визита Чжоу Эньлая 1963 года дипломатические отношения уже были установлены с 11 африканскими странами, среди которых Египет, Алжир, Марокко, Гана, Мали, Гвинея, Судан, Сомали, где и побывал с визитом в 1963 году Чжоу Эньлай. Единственная африканская страна, которая установила дипломатические отношения с КНР в период визитов Чжоу Эньлая, – это Тунис. Что касается Эфиопии, то с ней дипломатические отношения были установлены лишь в конце 1970 года. Цель визита Чжоу Эньлая в 10 африканских стран, которые он посетил в период с декабря 1963 года по февраль 1964 года, раскрыта в автореферате диссертации Т.М. Соловьевой на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Исторический опыт международного сотрудничества Китайской Народной Республики и стран Африки во второй половине XX – начале XXI вв.» [73]. В работе Соловьевой отмечено: «этот визит способствовал формированию официальной политики Китая в отношении стран Африки. В ходе визита Чжоу Эньлай сформулировал «пять принципов взаимоотношений Китая с африканскими и арабскими странами» и «восемь принципов экономической и технической помощи Китая государствам Африки», многие из которых, особенно тезисы о решении спорных вопросов путем мирных консультаций, уважении суверенитета, непринятии агрессии и вмешательства во внутренние дела и необусловленности помощи никакими условиями, провозглашаются основой политики Китая в Африке и в настоящее время.

Чжоу Эньлай развивал тезисы об общности судеб китайского и африканских народов, об особой специфике развития стран Азии и Африки. Китайский лозунг «опоры на собственные силы» в экономическом развитии «бедных стран» получил отражение во всех десяти совместных коммюнике, опубликованных по результатам визита» [73].

А вот утверждение Дегтерева о положительном влиянии факта установления 27 января 1964 года дипломатических отношений с Францией на установление таких же отношений с бывшими ее колониями, мне кажется весьма парадоксальным. Не думаю, что длительный колониальный гнет Франции мог воспитать к себе особое

уважение угнетенных народов этих африканских стран. Не могу также согласиться с тем, что Дегтерев изначальную роль Чжоу Эньлая при установлении дипломатических отношений с африканскими странами сводит лишь к знакомству с руководителями Египта, Эфиопии, Ливии, Судана, Либерии и Ганы, что якобы произошло в ходе Бандунгской конференции. Вообще-то, многие руководители этих стран, в частности император Эфиопии Хайле Селассие I, не принимали личного участия в работе Бандунгской конференции. Необходимо отметить, что в трудах российских авторов, где, в частности, говорится об установлении дипломатических отношений КНР со странами Азии и Африки, роль личности руководившего этим процессом Чжоу Эньлая, обладавшего уникальными способностями, полностью не раскрыта.

Описание роли этой личности необходимо начать еще с подготовки к участию на Бандунгской конференции, куда Чжоу Эньлай во главе китайской делегации прибыл с правильно разработанным генеральным планом. План был основан на историческом прошлом Китая – страны, сбросившей своими силами колониальные цепи. В конце июня 1954 года в Дели премьер-министром Индии Джавхарлалом Неру и премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем было подписано совместное заявление о пяти принципах, на которых должны строиться отношения между Индией и КНР. Эти принципы, известные сегодня как «панча шила» (в переводе с хинди – «пять принципов»), следующие: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование. В своем выступлении на Бандунгской конференции руководитель делегации КНР Чжоу Эньлай предложил взять за основу взаимоотношений государств – участников конференции именно эти пять принципов, чем и завоевал симпатию всех участников конференции. Из участвовавших в конференции 29 стран большинство ранее находились под колониальным гнетом, а некоторые даже на момент проведения конференции оставались в колониальной зависимости. По этой причине в глазах представителей этих государств Чжоу Эньлай предстал как представитель великого Китая, завоевавшего свободу, победившего такого агрессора, как США, чем и заслужил всеобщий авторитет. Стратегический план Чжоу Эньлая включал в себя следующие моменты: 1) поднятие международного авторитета Китайской Народной Республики; 2) установление дружеских отношений со всеми государствами, ранее находившимися под колониальным гнетом; 3) экономический рост в результате взаимовыгодного сотрудничества с этими странами, основанного на равноправии и взаимном уважении интересов сторон. Чжоу Эньлай, обладая уникальными организаторскими способностями, для практического осуществления своего генерального плана сразу же после конференции набрал команду, куда вошли кадры, обладающие качествами, необходимыми для ведения работы по нему. Он не только руководил работой этой команды, но и принимал личное участие в работе согласно этому плану. Упомянутый выше визит Чжоу Эньлая в 10 африканских стран, в ходе которого он сформулировал «пять принципов взаимоотношений Китая с африканскими и арабскими странами» и «восемь принципов экономической и технической

помощи Китая государствам Африки» – и есть случай его личного участия в работе по генеральному плану. Центральными фигурами команды Чжоу Эньлая были академик Го Можо [74] и Бурхан Шахиди. Ранее описанные визиты в 5 стран Азии и Африки и визиты в мусульманские страны арабского мира с группой китайских паломников, совершенные под руководством Бурхана Шахиди, также были частью стратегического плана, составленного Чжоу Эньлаем. Работа, начатая Чжоу Эньлаем по этому плану на Бандунгской конференции, была продолжена Го Можо и Бурханом Шахиди на 1-й конференции солидарности народов Азии и Африки, открывшейся в Каире 26 декабря 1957 года. На фотографии, сделанной в дни работы этой конференции, запечатлена делегация Китайской Народной Республики.

На снимке первый справа – руководитель делегации Го Можо, второй – Бурхан Шахиди.

В биографическом очерке на уйгурском языке, приложенном к сборнику фотографий Бурхана Шахиди, сказано, что он до 1965 года одновременно выполнял обязанности заместителя председателя Китайского народного комитета всеобщего мира, заместителя председателя Китайского комитета солидарности народов Азии и Африки, заместителя председателя Общества оказания помощи Египту в борьбе против агрессии, руководителя Общества дружбы Китая с Индонезией, руководителя Общества дружбы Китая с Египтом, заместителя руководителя Общества

дружбы народов Китая и Африки, заместителя руководителя научного общества «Китай–Азия–Африка» и многие другие обязанности. В очерке также сказано, что он в связи с выполнением этих обязанностей многократно выезжал за границу и принимал зарубежных гостей. Там же отмечено, что это происходило постоянно, и таких фактов было множество, поэтому невозможно привести полные данные. Между тем, в очерке приведены краткие сведения о некоторых поездках [75]. В них же содержатся сведения и о посещении Бурханом Шахиди некоторых стран в качестве заместителя руководителя делегации правительства Китая.

Для более полного описания деятельности Бурхана Шахиди в деле сохранения мира на земле считаю необходимым вернуться к описанию событий осени 1956 года. 24 октября 1956 года руководители Англии, Франции и Израиля в городе Севре Франции заключили секретное соглашение о нападении на Египет. В ночь на 29 октября 1956 года войска Израиля напали на Египет и за короткое время оккупировали Синайский полуостров и сектор Газа. Действуя по согласованному в ходе секретных переговоров плану, войска Англии и Франции под предлогом защиты Суэцкого канала вторглись на территорию Египта. Однако они встретили резкое сопротивление народа. Вся прогрессивная общественность мира выразила протест против этой агрессии. 3 ноября 1956 года в Пекине состоялся сход представителей всех слоев населения. На сходе Бурхан Шахиди принял участие в качестве представителя Исламского общества Китая. Он выступил с пламенной речью в защиту народа Египта. 7 ноября 1956 года правительство КНР обнародовало заявление об осуждении агрессии трех государств и о солидарности с народом Египта в справедливой борьбе против агрессоров. 9 ноября 1956 года состоялся сход представителей 14 провинций Китая, где было учреждено Общество дружбы Китая с Египтом. Руководителем общества сход избрали Бурхана Шахиди. 11 ноября было образовано Общество оказания помощи Египту в борьбе против агрессии. Бурхан Шахиди был избран заместителем руководителя общества. Обществом были созданы отряды добровольцев для отправки в Египет и составлены списки добровольцев из числа инженерно-технического персонала. Повсеместно был организован сбор денежных средств для оказания материальной помощи народу Египта. При чтении этих строк, возможно, найдутся скептики, считающие себя знатоками истории. Дело в том, что во всех источниках написано, что Суэцкий кризис был разрешен США и СССР к 7 ноября 1956 года через ООН. Возможно, скептики скажут, что упомянутые общества были созданы после завершения кризиса и их действия не могли оказать никакого влияния на развитие событий в Египте. Для таких скептиков могу привести следующие факты. Несмотря на то, что чрезвычайной сессией Совета безопасности ООН 1 ноября 1956 года была принята резолюция о прекращении огня в Египте и выводе войск, агрессоры не собирались подчиняться этому решению. США и СССР применили в отношении государств-агрессоров свои методы нажима, в результате чего 7 ноября 1956 года военные действия прекратились. Войска Англии и Франции были выведены в декабре 1956 года, а войска Израиля – лишь в марте 1957 года. Эти факты свидетельствуют о том, что к моменту создания обществ в Китае, в мире еще не могли знать, в каком направлении будут развиваться дальнейшие собы-

тия в Египте. Денежные средства, собранные в Китае принесли свою пользу в деле восстановления послевоенных разрушений Египта. Суэцкий кризис более чем подробно описал председатель совета директоров компании Cambridge Energy Research Associates (CERA) Дэниел Ергин в своей книге «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть», которая в 1999 году была переведена на русский язык и издана в Москве [73]. Автор документально обосновал, что до конца 1956 года существовала возможность поворота событий в противоположном направлении.

Общество дружбы Китая с Египтом 26 декабря 1956 года в Пекине провело торжественное собрание, посвященное возвращению Египту города Порт-Саида и выводу войск Англии и Франции из страны. В собрании участвовало более 1000 человек. По этому случаю от имени общества за подписью Бурхана Шахида была направлена поздравительная телеграмма президенту Египта Гамалю Абдслю Насеру.

Ранее уже говорилось об открытии 26 октября 1957 года в Каире 1-й конференции солидарности народов Азии и Африки. Она проходила до 1 января 1958 года. На конференции с докладом выступил Бурхан Шахиди. Он изложил политику, проводимую Китайской Народной Республикой для сохранения мира на земле. При этом он подробно остановился на мероприятиях, проведенных для претворения в жизнь положений Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству, помещенной в заключительном коммюнике Бандунгской конференции 1955 года. Его выступление было встречено аплодисментами делегатов 45 стран. В Декларации, принятой 1-й конференцией солидарности народов Азии и Африки, все участники заявили о полной поддержке принципов Бандунгской конференции. Также было принято обращение к трем странам (США, Англия, СССР) о запрещении испытаний ядерного оружия.

В июле 1958 года по инициативе Всемирного Совета Мира в Стокгольме был созван Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество. До начала изложения информации о работе конгресса, где в составе делегации КНР принимал участие Бурхан Шахиди, считаю необходимым рассказать о событиях, которые привели к обострению международной напряженности и послужили основанием для проявления инициативы к созыву конгресса.

5 января 1957 года президент США Дуайт Эйзенхауэр в послании к Конгрессу озвучил доктрину, получившую в истории название «Доктрина Эйзенхауэра». Эйзенхауэр, мотивируя коммунистической угрозой, просил Конгресс США наделить себя полномочиями на ввод войск по своему усмотрению в страны Среднего и Ближнего Востока в случае их обращения за помощью. Резолюцией от 9 марта 1957 года Конгресс США наделил его такими полномочиями и разрешил в этих целях расходовать из бюджета до 200 миллионов долларов. В сообщении ТАСС от 13 января 1957 года было объявлено, что правительство СССР предупреждает страны Среднего и Ближнего Востока о возникновении военной угрозы в случае их присоединения к этой доктрине. Многие страны выступили против доктрины. Но нашлись и присоединившиеся. Одна из них – Ливан под руководство уже упомянутого Камилля Шамуна. В марте 1957 года в Ливане стали проявлять активность различные политические движения. Чтобы сохранить в стране свою власть, Камилль Шамун присоединился к «Доктрине Эйзенхауэра». Этот шаг президента привел к объединению оппозиции

в Единый Национальный Фронт, который потребовал отказа от «Доктрины Эйзенхауэра», отставки Шамуна, налаживания отношений с Египтом, Сирией и другими арабскими странами, недопущения создания на территории страны военных баз империалистических государств. В мае 1958 года на территории Ливана вспыхнула гражданская война. Камиль Шамун, осознав свое бессилие перед народным движением, обратился за помощью к США и просил ввести свои войска в Ливан.

В то же время в Ираке началось революционное движение против монархии. В ночь на 14 июля 1958 года военные, подняв восстание под руководством генерала Касема и полковника Арефа, заняли королевский дворец и здания правительства. Они ликвидировали короля Фейсала II с премьер-министром Нури Сайдом и объявили республику. Чтобы задуть это революционное движение, США и Англия встали на путь открытой военной интервенции. Они, воспользовавшись обращением Камиля Шамуна, запланировали ввод войск в Ливан и решили оттуда организовать нападение на Ирак. 15 июля с кораблей 6-го флота США была произведена высадка десанта морских пехотинцев на территорию Ливана. Остальные войска были переброшены на самолетах из Западной Германии [77].

Все прогрессивное человечество осудило эту американскую интервенцию, и по всему миру проходили акции протеста. Этот вопрос также обсуждался на Всемирном конгрессе за разоружение и международное сотрудничество, проходившем в Стокгольме с 16 по 22 июля 1958 года. На конгрессе присутствовали 1264 делегата из 78 стран. Среди них в составе делегация КНР под руководством Го Можо был и заместитель руководителя делегации Бурхан Шахиди.

На представленной фотографии запечатлены члены делегации КНР на Стокгольмском Всемирном конгрессе.

На снимке слева третий – руководитель делегации Го Можо, слева пятый – заместитель руководителя делегации Бурхан Шахиди.

Конгресс начался с зачитывания доклада президента Всемирного Совета Мира Фредерика Жолио-Кюри об общих целях конгресса и задачах, требующих своего решения для сохранения мира на земле. Президент Фредерик Жолио-Кюри в дни прохождения Стокгольмского конгресса находился при смерти в одной из лечебниц Парижа. Поэтому доклад, составленный им, был зачитан его другом, профессором Пьером Бикаром. После заслушивания докладов о проблеме разоружения и сотрудничества в области политики, экономики и культуры, конгресс, осудив агрессию США и Англии против арабских государств, принял Обращение к народам о положении на Ближнем и Среднем Востоке и Резолюцию против агрессии в Ливане. Конгресс также принял Декларацию о разоружении, где была подчеркнута необходимость прекращения ядерных испытаний, и Воззвание к народам и правительствам за разоружение и международное сотрудничество.

На представленной фотографии запечатлены Бурхан Шахиди и Го Мого в момент прослушивания выступлений на конгрессе.

В начале ноября 1958 года Бурхан Шахиди как заместитель руководителя правительственной делегации КНР под руководством члена секретариата ЦК КПК Лю Лантау прибыл в Москву для участия в торжествах по случаю 41-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. В упомянутом биографическом очерке отмечено, что 6 ноября члены делегации слушали продолжительный доклад заместителя председателя Совета Министров СССР А.И. Микояна, зачитанный с трибуны Мавзолея Ленина. Там же сообщается о том, что 24 ноября члены делегации были приняты в Кремле председателем Совета Министров СССР, Генеральным секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, который вел с ними длительную дружескую беседу. К этой краткой информации добавлено, что члены делегации побывали в разных городах СССР и встречались с представителями различных слоев насе-

ния. Сказано, что в ходе общения с населением СССР члены делегации узнали, что советский народ относится с глубоким уважением к народу Китая.

На сохранившихся двух фотографиях запечатлены моменты пребывания делегации КНР в Москве.

Момент принятия делегации КНР Хрущевым в Кремле. Слева – Н.С. Хрущев, первый справа – Лю Лантау, четвертый – Бурхан Шахиди.

Члены делегации обмениваются мнениями с маршалом С.М. Буденным.

Сразу же после ознакомления с этой скудной информацией в очерке и внимательного изучения представленных двух фотографий у меня обоснованно возник вопрос: «По какой причине делегация КНР, прибывшая поздравить руководство СССР с годовщиной Октября, была принята Н.С.Хрущевым лишь через две недели после празднования?» Конечно же, причину можно объяснить и началом ухудшения отношений между странами, о чем далее будет подробно изложено. Между тем, после внимательного изучения первой фотографии не остается никакого сомнения в том, что за столом запечатлены лица, ведущие официальные переговоры. Расположение предметов на столе свидетельствует об официальной обстановке. У представителей СССР, сидящих рядом с Н.С.Хрущевым, ручки и блокноты, которых, тем временем, у китайских делегатов нет. Известно, что у членов правительства СССР была привычка записывать сведения во время переговоров. В источниках обоих государств я не нашел никаких сведений об этих переговорах. Лишь факт отсутствия за столом переговоров маршала КНР Пэн Дэхуая, запечатленного на второй фотографии рядом с маршалом СССР С. М. Буденным, свидетельствует о том, что переговоры шли не на военную тему. В ходе секретных переговоров Н.С. Хрущев запрещал вести запись [78]. Исходя из этого можно сделать выводы о том, что за столом переговоры не на секретную тему. Переговоры могли быть на тему оказания экономической помощи. В источниках есть информация о том, что в 1958 году из-за засухи в Китае не был собран ожидаемый урожай. К тому же, необходимо принять к сведению, что во многих источниках отмечено об увеличении в 1958 – 1959 годах экономической помощи СССР Китаю. Независимо от темы переговоров сам факт присутствия в составе делегации Бурхана Шахиди свидетельствует о стремлении руководства КНР к улучшению взаимоотношений с Советским Союзом, которые к этому времени заметно ухудшились. Для полной ясности считаю необходимым описать процесс ухудшения отношений между странами, основываясь на фактах, признаваемых историками обоих государств.

Противоречия между руководством КНР и СССР начались после XX съезда КПСС, где 25 февраля 1956 года Н.С. Хрущевым был зачитан закрытый доклад «О культе личности и его последствиях», посвященный осуждению культа личности И.В.Сталина. Такой подход к оценке деятельности И.В.Сталина вызвал негодование у руководителей Китая. По мнению Мао Цзэдуна, при оценке всей деятельности этой исторической личности необходимо было признать ошибочными лишь 30 процентов его действий, а остальные 70 процентов заслуживали положительной оценки. Помощь, оказанную СССР Китаю в борьбе с японскими агрессорами и восстановлении послевоенной экономики, китайский народ воспринимал в неразрывной связи с личностью И.В.Сталина. Китайский народ и в наши дни И.В. Сталина помнит и относится к нему с глубоким уважением. Несмотря на возникновение противоречий, китайские руководители не торопились испортить отношения. Они пытались объяснить Н.С.Хрущеву и другим руководителям СССР причину несогласия с некоторыми теоретическими суждениями в решениях XX съезда КПСС. Скрыто начавшиеся на эту тему дискуссии со временем превратились в открытую полемику. В ходе переговоров Н.С.Хрущев особо не старался вникать в суть мнения других. Он считал, что может быть всего два мнения: – его мнение и другое – неправильное. Несдержан-

ность и примитивная прямота, свойственные характеру Н.С.Хрущева, не позволяли ему в ходе переговоров обдумывать последствия высказанного, что привело лишь к усугублению противоречий. Несмотря на это, до начала 60-х годов прошлого столетия страны вели единую политику в международных отношениях. Примером этого является упомянутый ранее Суэцкий кризис. Летом 1958 года к идеологическим противоречиям прибавились проблемы, связанные с атомным оружием. В один из дней прохождения упомянутого Всемирного конгресса в Стокгольме Мао Цзэдун обратился к послу СССР в Пекине Павлу Юдину с просьбой о содействии СССР в создании морского флота, состоящего из атомных подводных лодок. На это Павел Юдин с несвойственной дипломатам прямоотой ответил, что, по мнению Москвы, такой флот должен быть построен совместно. Мао Цзэдун спросил: «Кто будет собственником этого флота и кто им будет командовать?» Не получив внятного ответа от Юдина, Мао Цзэдун просил сообщить Хрущеву о том, что хочет с ним встретиться и поговорить на эту тему. 28 июля 1958 года Н.С.Хрущёв прибыл в Пекин с неофициальным визитом. Мао Цзэдун Хрущева встретил возле бассейна. На одном конце бассейна возле стола, сервированного знаменитым 60 градусным спиртным напитком марки «Маоутай» и национальными блюдами, сидели раздетые для купания Мао Цзэдун и Н.С.Хрущёв и через переводчиков (в течение двух дней) вели переговоры. Иногда с другого конца бассейна вызывали специалистов и консультировались. Время от времени вдвоем ныряли в бассейн. Неумение плавать Н.С.Хрущева, нырявшего в бассейн в черных сагиновых семейных трусах до колен, и ведение им одновременно переговоров на тему создания военно-морского флота, присутствовавшими воспринималось как комедия. Хрущёв это чувствовал, что усилило его и без того сильное упрямство. В результате, в ходе переговоров к согласию не пришли, и 3 августа 1958 года Хрущёв улетел в Москву [79, 80]. Следом за визитом Н.С.Хрущёва в Пекин, 23 августа 1958 года, войска Китайской Народной Республики подвергли артиллерийскому обстрелу острова Куэмой и Мацзу, подвластные правительству Чан Кайши на острове Тайвань, расположенные неподалеку от берегов провинции Фуцзянь. В ответ на это госсекретарь США Даллес пригрозил ядерным ударом по Китаю в случае прекращения действий против Тайвани. В мире возникла угроза начала ядерной войны. 6 сентября 1958 года с экстренным визитом в Пекин прибыл министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко и советовался с Мао Цзэдуном. Целью визита была координация действий двух стран в возникшей ситуации. В ходе переговоров Мао Цзэдун изложил свою позицию. Он считал, что, начав атомную войну, США навредят лишь себе. При этом Мао Цзэдун изложил сценарий будущей атомной войны так, как это себе представлял. Выслушав его, А.А.Громыко сказал, что такой сценарий не будет одобрен советским руководством. А.А.Громыко, проанализировав ситуацию, доложил обстановку в Москву, изложив свое мнение по вопросу урегулирования. 7 сентября 1958 года правительство СССР направило Послание президенту США, где было сказано, что нападение на Китайскую Народную Республику будет считаться нападением на СССР, и если при этом будет применено атомное оружие, то ответ последует такой же. Кризис был разрешен мирным путем [81]. Между тем, некоторые российские историки

этому событию дают несколько иную оценку. Кандидат исторических наук, доктор политических наук А.Д.Богатуров пишет, что СССР в этой ситуации отказал в помощи Китаю, Послание от 7 ноября имело характер декоративного и якобы ни Китай, ни США на него не обратили никакого внимания. Это событие он называет поворотным пунктом в отношениях КНР с Советским Союзом [82]. Однако с мнением А.Д.Богатурова нельзя согласиться. Свидетелем этих событий является Олег Борисович Рахманин, который, находясь на дипломатической работе, 15 лет своей жизни провел в КНР. В ходе беседы с политическим обозревателем газеты «Правда», проходившей 10 июля 2009 года, он сообщил, что после разрешения этого кризиса в адрес ЦК КПСС была направлена благодарственная телеграмма за подписью Мао Цзэдуна, Лю Шаоци и Чжоу Эньлая, а в газете «Жэньминь жибао» 11 сентября 1958 года была помещена статья со словами благодарности. Олег Борисович также сообщил, что в годы «культурной революции» китайская сторона стала утверждать обратное [81]. А переломный момент отношений между государствами, когда противоречия перешли в конфронтацию, приходится на лето 1960 года, о чем далее будет сказано более подробно.

Думаю, что причина принятия Н.С.Хрущевым делегации КНР лишь через две недели после праздника Октября не связана с ухудшением отношений. С первых чисел ноября он был занят вопросом Западного Берлина. 6 ноября на заседании Президиума ЦК КПСС Н.С.Хрущев, озабоченный тем, что Западный Берлин стал плацдармом подрывной работы против социалистических стран, объявил о необходимости решения этой проблемы. Он считал, что путем обвинений США, Англии и Франции в отходе от Потсдамских договоренностей можно добиться присвоения западной части Берлина статуса свободного города и тем самым вывести оттуда войска этих стран, дислоцированные в этой части города. Мнение Хрущева не нашло поддержки у некоторых авторитетных государственных деятелей, в том числе А.И.Микояна. А после выступления Н.С.Хрущёва на собрании Советско-польского общества дружбы 10 ноября 1958 года обстановка вокруг Западного Берлина резко обострилась. На этом собрании он заявил, что западные державы должны отказаться от своих оккупационных прав в Западном Берлине, в противном случае Советский Союз в одностороннем порядке передаст свои оккупационные функции правительству ГДР. Возможно, Хрущев, считая более важным вопрос Западного Берлина, превратившийся в ноябре 1958 года в очередной мировой скандал, назначил встречу с китайской делегацией лишь на конец ноября. Скорее всего, по причине назначения Н.С.Хрущевым приема делегации на столь поздний срок для них и были организованы экскурсии по городам СССР. Думаю, что делегация КНР и в Москве находилась довольно-таки длительное время. На двух фотографиях, присланных моей бабушке Тайфе в конце 1958 года, Бурхан Шахида запечатлен с членами семьи двоюродной сестренки Назии Ахметшиной (Булатовой) во дворе их дома в поселке Ильинском Рюминского района Московской области. Эти фотографии помещены на следующей странице. Бесспорно, что фотографии сделаны и напечатаны непрофессионалом. Дети Назии Зиятдиновны Ахметшиной (Булато-

вой) Илдус и Гульнара не попали в один кадр. На одной из фотографий вместе с родителями и дядей Бурханом видим Гульнару, а на другой фотографии – Илдуса. Следовательно, фотографии засняты ими по очереди, а Бурхан Шахиди в семью Ахметшиных приезжал один.

На фотографии слева направо: Гульнара Ахметшина (после замужества Тинчурина), Бурхан Шахиди, Назия Ахметшина (Булатова), Камиль Ахметшин.

На фотографии слева направо: Камиль Ахметшин, Бурхан Шахиди, Назия Ахметшина (Булатова), Илдус Ахметшин.

Ранее уже говорилось о революции в Ираке, свершившейся летом 1958 года. Стремясь установить дружеские отношения, правительство КНР в начале 1959 года организовало и направило в Иракскую Республику делегацию деятелей культуры. Руководство этой делегацией, привезшей с собой выставку национальных сувениров, изготовленных народными мастерами, было поручено Бурхану Шахиди. В историческом очерке на уйгурском языке, приложенном к сборнику фотографий, имеется лишь сжатая информация о пребывании Шахиди в Ираке. В нем без особых подробностей перечислены некоторые события с его участием. В частности, сказано, что Бурхан Шахиди, сопровождая премьер-министра Ирака Абдель Керим Касема, ознакомил его с выставкой. Там же сообщается, что в дни работы китайской выставки Бурхан Шахиди принял участие в учредительном собрании Общества дружбы Ирака с Китаем, где выступил с пламенной речью на арабском языке. Кроме этого, сказано, что Шахиди как представитель правительства КНР нанес официальный визит правительству Ирака и поздравил всех его членов с началом мусульманского поста Рамадан. По мусульманскому лунному календарю начало поста Рамадан в 1959 году пришлось на 10 марта. В очерке информация об этой поездке заканчивается сообщением о том, что Бурхан Шахиди после отъезда делегации деятелей культуры в Пекин остался в Ираке, и как заместитель председателя Китайского народного комитета всеобщего мира принял участие в работе II съезда борцов за мир Ирака, где выступил с речью на арабском языке, подчеркнув при этом мировое значение революции в Ираке. Он сказал, что свершение революции в Ираке 14 июля 1958 года было важным шагом в деле сохранения мира на земле. Несомненно, кроме руководства делегацией деятелей культуры Бурхан Шахиди в Ираке выполнял особое поручение правительства КНР. Даже из перечисленных в очерке мероприятий видно, что за время нахождения в этой стране он как представитель правительства КНР вел переговоры с членами правительства Ирака, и, возможно, с руководителями политических партий. В связи со сказанным, представляется весьма интересной статья, помещенная в номере за 30 марта 1959 года иракской газеты «Иттихад аш-Шааб», являвшейся тогда печатным органом Иракской коммунистической партии. Отвечая на вопросы редакции газеты «Иттихад аш-Шааб», секретарь ЦК Иракской коммунистической партии Салям Адил сказал следующее: «Мы также подтвердили: "...необходимость укрепления наших экономических связей с Советским Союзом, Китаем и другими странами социалистического лагеря, которые доказали свою дружбу к нашему народу и свою честность в вопросе сотрудничества со странами, желающими этого сотрудничества"....». Конечно же, такое утверждение подразумевает наличие контактов с этими странами, в частности с СССР и Китаем, предшествовавших такому заявлению. Во всех источниках подробно описан процесс установления экономических отношений Ирака с Советским Союзом. Что касается Китая, то до появления этой статьи прибыл в Ирак и к моменту ее выхода все еще находился там единственный представитель правительства КНР – это Бурхан Шахиди.

В упомянутом очерке содержится информация об участии Бурхана Шахида как представителя ВСНП КНР и заместителя председателя Китайского народного комитета всеобщего мира на собрании, посвященном защите мира и сокращению вооружения, проведенном в марте 1960 года в столице Индии Нью-Дели. В очерке сообщается, что он на собрании произнес продолжительную речь, излагая миролюбивую политику КНР, сообщил участникам собрания о намерении КНР прекратить военные приготовления. На фотографии запечатлен момент выступления Шахида на этом собрании.

В других источниках информацию об этом собрании я не нашел и подумал, что в очерке допущена ошибка при указании времени проведения этого собрания и в нем речь идет о заседании Афро-Азиатской международной конференции, что проходила в Нью-Дели 19 апреля 1960 года. Между тем, в сборнике приводится еще одна фотография, сделанная в день прохождения этого собрания, где запечатлены участники собрания в момент возложения венка на могилу лидера освободительного движения Индии Махатмы Ганди [83]. Интересен тот факт, что многие из участвующих в этой церемонии, члены Всемирного Совета Мира (ВСМ). Из этого можно сделать вывод о том, что в биографическом очерке речь идет об участии Бурхана Шахида в мероприятии международного значения, проведенном в Индии по инициативе ВСМ.

Далее приводится фотография, заснятая в момент возложения членами ВСМ венка на могилу Махатмы Ганди.

На снимке слева направо: второй – Бурхан Шахиди, третий – президент-исполнитель ВСМ Джон Десмонд Бернал, четвертая – член ВСМ Изабелла Блюм, пятый – председатель Советского комитета защиты мира и член ВСМ Николай Тихонов, шестой – член Бюро ВСМ Альфредо Варела.

Считаю необходимым рассказать о событиях, произошедших летом 1959 года на границе КНР и Индии, явившихся причиной созыва этого собрания и заметно усиливших противоречия между руководством СССР и КНР.

Весной 1959 года на Тибете начались волнения, которыми руководил далай-лама. За короткий срок вооруженные силы стабилизировали обстановку, а далай-лама сбежал в Индию. Летом 1959 года между пограничниками Индии и КНР начались вооруженные столкновения. В начале инцидента стороны обвинили друг друга. Невзирая на то, что между СССР и КНР в 1950 году был заключен договор на 30 лет, согласно которому в случае агрессии в отношении одной из сторон другая сторона должна была немедленно оказать военную и иную помощь, Советский Союз, не желая принимать участие в разрешении конфликта, занял нейтральную позицию. В сообщении ТАСС от 9 сентября 1959 года было сказано, что правительство СССР призывает КНР и Индию решить этот вопрос мирным путем. Такой подход у руководителей КНР вызвал гнев, так как это означало, что СССР ставит в один ранг социалистический Китай, с которым подписан договор об оказании помощи при вооруженных конфликтах, с капиталистической Индией [84]. В том же месяце произошли еще и другие события, послужившие толчком к разрыву отношений между двумя странами.

По случаю проведения торжеств в честь десятилетия образования КНР на 26 сентября 1959 года в Пекин были приглашены высшие руководители СССР. Н.С. Хрущев, назначив вместо себя руководителем делегации, направляемой на эти торжества, А.М.Суслова, отбыл 15 сентября в Вашингтон с 13-дневным визитом для встречи с президентом США Д.Эйзенхауэром. Чтобы не обидеть руководителей Китая, Хрущев запланировал присоединиться к ним в последний день праздничных торжеств в Пекине, куда Никита Сергеевич прибыл 30 сентября. Его поездка в США на переговоры руководителями Китая была воспринята как предательство идеям социализма. Поэтому, хоть и дали Хрущеву возможность постоять на трибуне над Вратами Цяньмэнь в последний день празднования, разговаривали с ним сухо. По завершении торжеств Мао Цзэдун пригласил Н.С.Хрущева в гости в тот же упомянутый ранее бассейн. Хрущев, окунувшись пару раз в бассейн в своих семейных трусах до колен, вне себя от злости уехал в Москву, отказавшись от запланированной шестидневной поездки по Китаю [85].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что отношения между КНР и СССР напрямую зависели от взаимоотношений их руководителей. В связи с этим необходимо остановиться и на некоторых языковых особенностях, сыгравших немаловажную роль при формировании взаимоотношений между руководителями. «Братские дружественные отношения», декларируемые Советским Союзом при установлении официальных отношений со странами социалистического лагеря, при переводе на китайский язык резко меняют свой смысл. Дело в том, что слово «брат» на китайский язык может быть переведено лишь в конкретизированном виде. Это, в зависимости от старшинства либо *gege* (родной старший брат), либо *didì* (родной младший брат). Что касается двоюродных братьев, то перевод зависит от того, чьи они дети. Если они дети брата отца, то «двоюродный старший брат» переводится как *tangxióng*, а «младший» как *tangdì*. Если они дети сестры отца либо братьев и сестер матери, то «старший двоюродный брат» переводится как *biáoge*, а «младший» как *biáodì*. В китайском языке нет слова, означающего всех этих братьев. Поэтому при переводе на китайский язык «братские дружественные отношения» приобретают смысл отношений между старшим и младшим братом. Многовековая традиция китайского народа приписывает главенствующую роль старшему брату, пользующемуся в семье большим авторитетом. Еще после встречи в Москве с И. Сталиным в 1950 году Мао Цзэдун определил ему главенствующую роль и поэтому СССР называл старшим братом. А вот Н.С. Хрущев, пришедший к власти после смерти И.В. Сталина, был моложе Мао Цзэдуна по возрасту и имел меньший партийный стаж. Поэтому Мао Цзэдун не мог воспринимать Хрущева как старшего брата, и возникновение противоречий между ними в немалой степени было связано с этим моментом. Как бы ни развивались взаимоотношения между руководителями стран, я считаю, что основная вина в разрыве отношений между КНР и СССР почти на 30 лет лежит на Н.С. Хрущеве. 16 июля 1960 года по настоянию Н.С. Хрущева Советское правительство отозвало всех советских специалистов из КНР, в том числе и военных специалистов под руководством генерал-полковника

артиллерии Н.М. Хлебникова. Этим практически был остановлен проект по организации противовоздушной обороны советскими зенитно-ракетными комплексами С-75 городов Шанхай, Кантон, Ухань, Аньшань, Мукден и Сиань. Стремление Н.С. Хрущева показать свое главенствующее положение в социалистическом лагере и его готовность для этого к любым жертвам наглядно показано и на другом примере. В мае 1960 года сборная команда советско-китайских альпинистов должна была покорить Эверест – самую высокую точку мира. Эта команда в конце 1958 года проходила подготовку на Гималаях под руководством заслуженного мастера спорта СССР Евгения Белецкого. Советские альпинисты этой сборной должны были сначала прибыть в Пекин под руководством Белецкого, затем уже совместно с китайскими альпинистами отбыть на Гималаи для восхождения. Самолет вылетающий в Пекин, на борту которого находились советские альпинисты, спецслужбами был остановлен на взлетной полосе, а альпинисты вместе с тренером были высажены из самолета и разогнаны по домам. Китайская команда альпинистов 25 мая 1960 года покорила Эверест, и вместо запланированных флагов двух государств на покоренной вершине был установлен Государственный флаг КНР. Китайские альпинисты, покорившие Эверест, приехав в Ленинград под руководством Ван Фучжоу, вручили своему тренеру Белецкому золотую медаль [86]. Очевидно, что такое мероприятие, как приезд в Ленинград, не могло быть самостоятельностью китайских альпинистов, а было организовано по указанию первых лиц КНР.

11 апреля 1960 года в столице Гвинеи Конакри начала свою работу конференция солидарности народов Азии и Африки. В этой конференции, продолжившей свою работу до 15 апреля, участвовали 350 делегатов 58 стран. Среди них была и делегация КНР под руководством Ляо Ченгци. Заместитель руководителя этой делегации Бурхан Шахиди в своем выступлении разоблачил прислужников империализма, распространивших клевету в адрес вице-президента Всемирного Совета Мира Го Можо. В декларации, принятой этой конференцией, сказано, что борьба народов Азии и Африки за независимость и процветание является в то же время борьбой за мир во всем мире. После обсуждения декларации и резолюций, включая специальные резолюции о Лаосе, Сомалиленде, Анголе, Южно-Африканском Союзе, Береге Слоновой Кости и ряде других стран Азии и Африки, китайская делегация проголосовала за их принятие.

С 9 по 11 июля 1960 года в Стокгольме было проведено расширенное заседание Бюро Всемирного Совета Мира. В заседании приняла участие и делегация КНР под руководством Ляо Ченгци, в состав которой как заместитель председателя Китайского народного комитета всеобщего мира и заместитель руководителя делегации был включен и Бурхан Шахиди. Подробную информацию об этом заседании Бюро ВСМ мне не удалось обнаружить. В номере газеты «Правда» за 14 июля 1960 года помещены тексты Общей Декларации и Обращения к народам всего мира, принятые на этом заседании Бюро ВСМ. В тексте Общей Декларации сказано: «В Юго-Восточной Азии, в особенности в Южном Вьетнаме, Лаосе и Западном Ириане, складывается тревожная ситуация. Применяются экономические санкции к Кубе, и есть угро-

за более суровых мер. Бельгийские войска посланы в Конго, чтобы свести на нет недавно обретенную этой страной независимость. Непримируемость французского правительства привела к срыву первых переговоров с временным правительством Алжирской Республики. Оснащение Федеративной Германии ядерным оружием и ракетами значительно усиливает опасность войны. Наконец, Женевское совещание по разоружению, на которое возлагались такие большие надежды, сорвано в результате всех этих действий». Далее по тексту сказано, что международное движение сторонников мира должно активизировать свою борьбу. В Обращении ко всем народам мира сказано: «Мы требуем созыва международной конференции с участием всех государств – членов и нечленов Организации Объединенных Наций для достижения всеобщего и контролируемого разоружения по этапам. Мы считаем, что для того, чтобы устранить нависшую над нами опасность, первый этап должен предусматривать запрещение средств доставки атомного оружия и ликвидацию военных баз на иностранной территории». Ознакомившись с текстами этих документов, не владея полной информацией о проведенном заседании Бюро, я не смог понять, чем вызван гнев делегата Индии Ромеша Чандра (первый справа) и что так развеселило руководителя делегации КНР Ляо Ченгци (второй справа), запечатленных на фотографии, сделанной во время заседания Бюро.

В трудах историков СССР и России, изданных за последние сорок лет, сказано, что с конца 50-х годов прошлого столетия маоисты Китая вели политику подрыва единства международного освободительного движения. Если этими авторами было бы сказано о несовпадении в некоторых случаях политики, проводимой государствами врозь в поддержку международного освободительного движения, то они были

бы близки к истине. В подтверждение сказанного на примере события, получившего международный резонанс, хочу описать действия представителей обоих государств, чтобы можно было судить о проводимой ими политике.

В конце января 1961 года в Каире открылась чрезвычайная сессия совста Общества солидарности народов Азии и Африки, являющегося постояннодействующим органом этого общества. Согласно уставу общества сессии проводились два раза в год и в них как представители стран участвовали руководители обществ солидарности народов Азии и Африки каждой страны, где эти общества были созданы. Чрезвычайная сессия была созвана для обсуждения ситуации в Конго и принятия конкретных мер. Участвовавший в работе сессии представитель КНР Бурхан Шахиди выступил с речью. Для ясности считаю необходимым вкратце рассказать о событиях, которые послужили поводом для созыва экстренного заседания совета.

Богатое своими природными ресурсами государство Конго с 1888 года стало колонией Бельгии – страны, которая меньше по размерам в 80 раз. В конце 50-х годов XX столетия в Конго усилилось национально-освободительное движение. В начале 1960 года в Брюсселе состоялись переговоры с лидерами национально-освободительного движения. В них народ Конго был представлен в лице Патриса Лумумбы и Жозефа Касаубу – предводителей двух многочисленных групп, принимавших активное участие в освободительном движении. Переговоры закончились согласием правительства Бельгии с требованием этих лидеров о признании независимости Конго. Объявление независимости было назначено на 30 июня 1960 года. В мае в Конго прошли выборы. Жозеф Касаубу был избран президентом, а Патрис Лумумба возглавил вновь образованное правительство. После объявления независимости многие бельгийцы поспешно покинули страну. Возникли трудности в управлении страной, поскольку на всю страну из числа коренных жителей всего 17 человек имели высшее образование. В стране царил безграмотность и нищета. Именно по этой причине правительство Бельгии легко дало согласие на освобождение, тем самым заложив основу для начала политики неокOLONиализма. Начиная эту политику, руководители Бельгии учли, что различные племена, заселявшие территорию Конго, не общаются между собой и каждый из вождей племен ведет свою политику. При этом также принималась к сведению и возможность подкупа каждого из вождей. В июле в стране начались волнения и участились случаи нападения на представителей белой расы и физической расправы над ними. Воспользовавшись этими беспорядками, Бельгия высадила воздушный десант в двух самых крупных городах Конго Леопольдвиль и Элизабетвиль. Вооруженные силы Бельгии сразу стали вмешиваться во внутренние дела Конго. Руководитель самой богатой природными ресурсами провинции Катанга Моиз Чомбе объявил о независимости Катанги от остальной части Конго. Бельгийские вооруженные силы встали на его защиту. В стране началась гражданская война. Была организована травля против правительства и представителей других племен. Всем этим процессом руководили США совместно со странами НАТО, желавшие завладеть природными богатствами Конго. Правительству, возглавляемому Патрисом Лумумбой, руку помощи протяну-

ли СССР и Китай. Китайская Народная Республика выразила готовность отправить отряды добровольцев для оказания военной помощи правительству Конго. В конце июля в Москве Н.С. Хрущев сделал заявление о том, что Советский Союз готов оказать помощь Патрису Лумумбе в формировании национальной армии. Однако руководители Конго, следуя совету руководителей США, обратились с просьбой об оказании содействия в выводе войск Бельгии в Совет Безопасности ООН. Вскоре из Туниса на территорию Конго прибыл первый миротворческий контингент ООН. Его численность Советом Безопасности ООН была доведена до 20 тысяч человек, и сам контингент состоял из наемников, набранных из числа граждан Швеции, Ганы, Нигерии и Эфиопии. После ввода миротворцев Совет Безопасности ООН потребовал вывода войск Бельгии из Конго. Основные силы бельгийских войск находились на территории Катанги, куда доступ миротворцам был запрещен Генеральным секретарем ООН Д. Хаммершельдом. Поэтому этот шаг Совета Безопасности не привел к установлению порядка в стране. Еще 7 июля 1960 года Конго установило дипломатические отношения с Советским Союзом. Для подавления мятежа в Катанге Патрис Лумумба обратился за помощью к СССР. Советским Союзом по его просьбе было отправлено в Конго оружие, 10 самолетов и 100 грузовых автомашин для транспортировки войск в мятежную провинцию. Благодаря помощи бельгийских войск, оказанной мятежникам, правительственные войска не смогли добиться особого успеха. В сентябре 1960 года президент Касавубу издал указ об отстранении Патриса Лумумбы с поста премьер-министра. Парламент защитил премьера и, восстановив в должности, наделил его дополнительными полномочиями. Однако Патрис Лумумба не смог воспользоваться этими полномочиями. Войска ООН взяли под контроль самые необходимые средства для борьбы – радиостанцию и аэропорт. К тому же этот контингент, состоявший в основном из отобранных разведслужбой стран НАТО и США наемных головорезов, был объединен под началом полковника вооруженных сил США Кордые, который не только учинял препятствия освободительному движению, выполняя указания США, но и приложил все силы для физического уничтожения прогрессивных лидеров Конго. Он, конечно же, был проводником неокOLONиальной политики США. Выполнение войсками ООН своих обязанностей с точностью до наоборот с одобрения Генерального секретаря ООН Д. Хаммершельда было подвергнуто резкой критике Советским Союзом. В своем обращении к ООН СССР потребовал освобождения Д.Хаммершельда от должности Генерального секретаря. 14 сентября 1960 года власть в стране захватил начальник штаба вооруженных сил Жозеф Дезире Мобуту. Патрис Лумумба был изолирован и содержался под присмотром войск ООН на своей вилле, откуда сбежал. Он направился в город Стэнливиль, где в основном, были его сторонники. По дороге был задержан и передан мятежнику Моизу Чомбе. По другой версии, никакого побега не было и сторонники Жозефа Дезире Мобуту его насильно на самолете переправили в Катангу прямо в руки Моиза Чомбе. 17 января 1961 года по приказу М. Чомбе Патрис Лумумба был расстрелян, затем растворен в кислоте, чтобы скрыть следы этого преступления [87].

В биографическом очерке на уйгурском языке, приложенном к сборнику фотографий, сказано, что Бурхан Шахида выступая на чрезвычайной сессии совета Общества солидарности народов Азии и Африки в Каире как представитель КНР, высказал мнение о том, что в Конго должно осуществлять власть законное правительство под руководством Патриса Лумумбы, и выразил поддержку народу в его справедливой борьбе против агрессоров [88]. В некоторых источниках сообщается о том, что Китай даже в 1965 году снабжал оружием партизан – сторонников Патриса Лумумбы, поднявших восстание в Конго в 1964 году и ведших национально-освободительную борьбу. Причем руководил повстанцами П. Мюллер, прошедший в КНР специальную подготовку по ведению партизанской войны. Он действовал в тесном контакте с кубинским лидером Че Гевара. Конголезский кризис наглядно показал, что политика КНР ничем не отличалась от политики СССР по данному вопросу.

В источниках есть информация о том, что Бурхан Шахида в составе делегации Всекитайского собрания народных представителей КНР под руководством Го Можо дружественным визитом посетил в августе 1961 года Индонезию и Бирму. Визит был совершен по приглашению парламентов обоих государств. В каждой стране их встречали с почестями руководители высшего ранга и в честь их приезда проводили заседания парламентов с участием гостей. На фотографии, помещенной ниже, гости из КНР на заседании парламента Индонезии. На снимке Бурхан Шахида третий справа.

В обеих странах члены делегации встречались с руководством. Для них специально были организованы экскурсии по многим городам, в ходе которых они знакомились с историческими памятниками, антиквариатом, осматривали и изучали городские рынки, интересовались условиями жизни народа. На следующей странице

представлены две фотографии, заснятые во время пребывания делегации в Индонезии. О лицах, запечатленных на первом фотоснимке рядом с Бурханом Шахиди (второй человек слева) сведениями не располагаю. На втором фотоснимке первый слева – руководитель делегации Го Можо, в центре снимка – Бурхан Шахиди.

Эта фотография сделана в Бирме. Бурхан Шахиди в первом ряду седьмой справа, Го Мого – девятый. О других лицах на фотографии сведениями не располагаю.

Ознакомившись с китайскими источниками, я пришел к выводу, что сведения о всех визитах Бурхана Шахиди не дошли до наших дней. Еще в детском возрасте в семейном кругу слышал разговор о том, что Бурхан Шахиди в начале 60-х годов совершил визит в Албанию, где общался с руководителем страны Энвером Ходжой на албанском языке. Об этом рассказывала старшая сестра моего отца Мунира Салахова, приехавшая из Ташкента погостить, если не ошибаюсь, в 1963 году. Она в Ташкенте постоянно общалась со своей двоюродной сестренкой Шадией – старшей дочерью Бурхана Шахиди, и об этом факте узнала от нее. Исходя из этих воспоминаний, я пришел к выводу об утере части информации о визитах Бурхана Шахиди в некоторые страны. Возможно это произошло из-за уничтожения фотографий и документов в годы «культурной революции».

Ранее мной уже было сказано о том, что Бурхан Шахиди постоянно участвовал в мероприятиях по приему в Пекине зарубежных гостей и в организации различных мероприятий с их участием. Несомненно, все это происходило на глазах множества людей. В источниках сказано, что вместе с ним в этой деятельности были задействованы еще несколько человек. Народ Пекина, привыкший постоянно видеть этих людей на приемах и встречах зарубежных гостей, на собраниях, организованных в честь приезда этих гостей, прозвал их «голубями мира» [89].

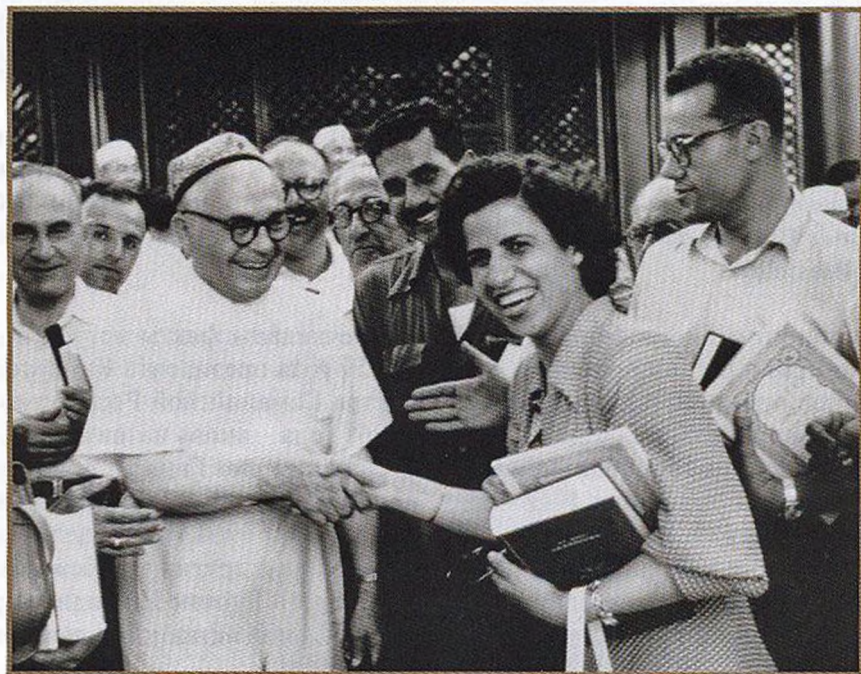
Вниманию читателей предлагается фотография начала 60-х годов, на которой зафиксирован момент встречи в аэропорту Пекина представителями высшего эшелона власти и дипломатическими работниками КНР зарубежных гостей.

На снимке на переднем плане слева направо: Председатель КНР Лю Шаоци, премьер Госсовета Чжоу Эньлай, член Политбюро ЦК КПК Дун Биу. На заднем плане справа налево: член Политбюро ЦК КПК, маршал Хэ Лун, председатель ПК ВСНП КНР маршал Чжу Дэ, президент Академии наук КНР Го Можо. Слева предпоследний – Бурхан Шахиди.

В упомянутом биографическом очерке перечислены факты встреч и организации собраний в честь приезда 29 октября 1959 года президента Камеруна – Муминая; 24 августа 1960 года – премьер-министра Сомалийской Республики – Мухаммеда Хаджи Ибрахима Эгаль; 17 апреля 1961 года – вновь назначенных послов Ганы и Конго; 26 мая 1961 года – вновь назначенных послов Гвинеи, Алжира, Мали; 8 мая 1962 года – делегации Индонезии, в составе которой были представители различных обществ и центрального совета; 8 августа 1964 года – делегации под руководством шэйха Пакистана Абделхамита Бассана и других зарубежных гостей [90]. Кроме официальных представителей государств Бурхан Шахиди встречал и знакомил со страной, с народом Китая членов делегаций активистов движения сторонников мира.

Предлагаю вашему вниманию две фотографии начала 60-х годов. На первой фотографии Бурхан Шахида заснят с активистами движения сторонников мира арабских стран. На второй фотографии он с делегацией активистов Сирии.

Необходимо рассказать еще об одном направлении деятельности по укреплению мира, проводимой правительством КНР при активном участии Бурхана Шахиди. Это направление – сохранение дружеских отношений между мусульманами во всем мире и участие в теоретических исследованиях роли ислама в истории мировой цивилизации. На актуальность этого вопроса мировая общественность стала обращать внимание лишь в последней четверти XX столетия. Китайское же правительство еще в начале 60-х годов прошлого столетия обратило внимание на важность этого вопроса в деле сохранения мира на земле. В биографических источниках деятельность Шахиди в этом направлении описана упрощенно. В них без изложения подробностей, лишь с указанием даты, перечислены мероприятия, такие как вечера и собрания, организованные в честь встречи мусульманских делегаций, либо сказано о приглашении на праздничное угощение в честь мусульманского праздника жертвоприношения Ид аль-Адха (Курбан-байрам) зарубежных мусульман. В частности, в биографическом очерке сообщается о прибытии 23 ноября 1960 года по приглашению Всекитайского исламского общества делегации под руководством Верховного муфтия Йемена шейха Саида Ахмада ибн Мухаммада Забара [91]. Бурхан Шахиди в честь их приезда организовал собрание в Доме Всекитайского собрания народных представителей. Члены делегации в сопровождении Бурхана Шахиди в течение месяца совершали экскурсии в провинции КНР, в которых компактно проживают мусульмане. 25 декабря 1960 года членов делегации в своем рабочем кабинете принял Мао Цзэдун и вел с ними беседу на тему ислама. Провожая их, Мао Цзэдун сфотографировался с руководителями и с лицами, сопровождавшими делегацию.

На снимке в центре Мао Цзэдун, слева направо: Ма Шян, Бурхан Шахиди, Саид Ахмад ибн Мухаммад Забара.

В письменных источниках обоих государств сказано, что Саид Ахмад ибн Мухаммад Забара авторитетный ученый мусульманского мира, знаменитый своими научными трудами в области исламского вероучения. На одной из сохранившихся фотографий он и Бурхан Шахиди обмениваются мнениями по некоторым вопросам мусульманской религии.

На снимке: первый слева – Саид Ахмад ибн Мухаммад Забара, первый справа – Бурхан Шахиди.

В письменных источниках сказано, что Бурхан Шахиди с детства знал наизусть священный Коран и за свою бытность приложил много усилий для познания его смысла. Выступая на собрании в честь 100-летия со дня рождения Бурхана Шахиди, проработавший с ним долгие годы в исламском обществе Ма Шиан рассказал о встрече Шахиди в 1988 году с посланцем Ирана господином Борджидом. При обсуждении политических вопросов Бурхан Шахиди свою точку зрения обосновывал сурами из Корана. Сильно удивленный этим господин Борджид заинтересовался у своего собеседника, в каком учебном заведении он получил столь глубокое религиозное образование. Шахиди с улыбкой ответил, что всего два года учился в медресе «Мухаммадия» в Казани. При этом добавил, что еще в детстве выучил священный Коран наизусть. Однако зная, что в священном Коране заключены правила поведения для мусульман, каждый раз перечитывая, старался познать его суть и искал ответы на вопросы, возникавшие в жизненной ситуации [92]. Поэтому не стоит удивляться тому, что известный ученый мусульманского мира Саид Ахмад ибн Мухаммад Забара интересовался мнением Бурхана Шахиди при обсуждении вопросов мусульманской религии. После этой встречи они на всю жизнь остались близкими друзьями. У меня есть сведения и о том, что после ареста Бурхана Шахиди в годы «культурной революции» Саид Ахмад ибн Мухаммад Забара пытался помочь его детям и постоянно у них спрашивался о состоянии здоровья своего друга в тюрьме. Это был не последний приезд шейха в Китай. Впереди еще вкратце остановимся на его следующем при-

езде. Работа Шахида в этом направлении не ограничивалась визитами и приемами зарубежных делегаций. В источниках я встречал сведения о случаях направления им телеграмм руководителям мусульманских стран от имени Всекитайского исламского общества. Например, 24 марта 1962 года была направлена поздравительная телеграмма на имя премьера правительства Алжира в иммиграции бен Юсефа бен Хедда по случаю прекращения войны с Францией. В телеграмме было сказано, что китайские мусульмане выражают надежду на освобождение алжирского народа, прошедшего семилетний путь вооруженной борьбы. 3 июля 1962 года по тому же адресу была направлена поздравительная телеграмма мусульман Китая по случаю освобождения Алжира. 16 мая 1962 года была направлена телеграмма на имя президента Индонезии Ахмеда Сукарно, подвергшегося вооруженному нападению. В телеграмме кроме осведомления о состоянии здоровья президента говорилось о том, что китайские мусульмане солидарны с народом Индонезии в деле защиты свободы.

Как ранее уже было сказано, Бурхан Шахида одновременно выполнял очень много обязанностей. Поэтому было бы несправедливо акцентировать внимание читателя лишь на его миротворческой деятельности. В упомянутом биографическом очерке на уйгурском языке сказано, что ежедневно с утра до вечера Шахида был занят делами Всекитайского комитета НПКСК, а вечером проводил дипломатические встречи и занимался решением вопросов по другим своим обязанностям. В очерке сказано, что, работая в таком режиме, Шахида дома почти не бывал и переодеваться ему иногда приходилось прямо в машине при следовании для участия в каком-либо мероприятии [93].

Думаю, что рассказ об обязанностях, не связанных непосредственно с дипломатией, которые Шахида выполнял после переезда в Пекин, необходимо начать с некоторых политических событий, произошедших весной 1959 года. В апреле 1959 года в Пекине открылась 1-я сессия Народного политического консультативного совета Китая 3-го созыва. Сессия избрала на новый пятилетний срок Мао Цзэдуна почетным председателем Всекитайского Комитета НПКСК. Председателем ВК НПКСК был избран Чжоу Эньлай, а его заместителем – Бурхан Шахида.

В марте 1959 года СНП СУАР 2-го созыва тайным голосованием избрал более двадцати делегатов для участия в работе Всекитайского собрания народных представителей второго созыва, среди которых был и Бурхан Шахида. 18 апреля 1959 года открылась 1-я сессия ВСНП 2-го созыва. На сессии делегатам предстояло переизбрать Председателя КНР Мао Цзэдуна по его же инициативе. Председателем КНР сессия избрала Лю Шаоци, до этого занимавшего пост председателя Постоянного комитета ВСНП. На этой сессии Чжу Дэ был избран председателем ПК ВСНП и руководителем Комиссии по делам национальностей ВСНП. Бурхан Шахида был избран еще на один срок заместителем руководителя этой комиссии ВСНП. Информации о работе Бурхана Шахида в этой комиссии очень мало. В наше время работа комиссии по делам национальностей регламентирована законами, принятыми в 80-х годах прошлого столетия. Ее основная функция – дача разъяснений исходя из положений Конституции КНР по запросу ВСНП или его Постоянного комитета при возникно-

вении в их работе сложных ситуаций по теме национальностей. Комиссия наделена и законодательной инициативой. В необходимых случаях комиссия одновременно с разъяснением ситуации составляет законопроект и вносит на рассмотрение ПК или ВСНП, наделенных Конституцией полномочиями по принятию законов. В период работы Бурхана Шахида, хоть и законодательного урегулирования деятельности этой комиссии не было, ее функции были такими же. В биографическом очерке на уйгурском языке приведены всего два случая выполнения поручений, которые можно связать с работой Бурхана Шахида в комиссии по делам национальностей ВСНП. Безусловно, в эти годы Бурхану Шахиду очень редко давались поручения, связанные с внутренними проблемами, так как основная его деятельность приходилась на область внешней политики. В первом случае Бурхан Шахиди как заместитель руководителя комиссии по делам национальностей ВСНП сопровождал председателя Постоянного комитета ВСНП Чжу Дэ, прибывшего инспектировать СУАР. В очерке без указания конкретной даты сказано, что это происходило в 1958 году. Далее сообщается, что они вдвоем инспектировали каждую административную

единицу СУАР, встречались с представителями всех слоев населения, принимали жалобы и заявления, затем по прибытии, составив доклад, доложили обстановку Мао Цзэдуну. На фотографии, помещенной в некоторых изданиях России, зафиксирован момент их прибытия в СУАР с инспекцией.

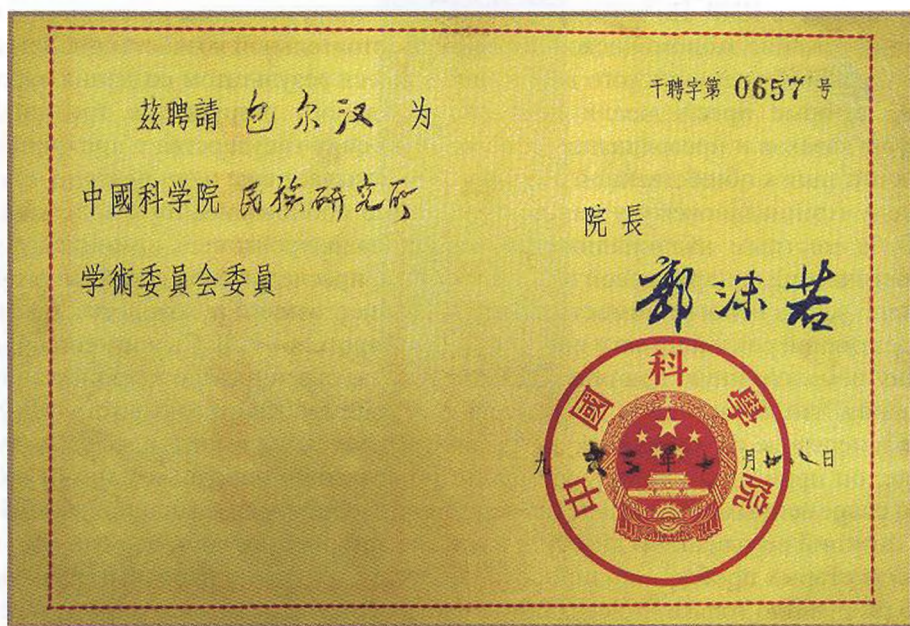
На мой взгляд, в сборнике фотографий и биографическом очерке содержится опечатка и инспектирование происходило в 1959 году. Дело в том, что, судя по фотографии, поездка состоялась летом, а Шахиди лето 1958 года провел в заграничных командировках. К тому же в очерке сказано, что Чжу Дэ инспектировал СУАР как председатель ПК ВСНП, когда на эту должность он был избран лишь в апреле 1959 года.

Второй случай оказал сильнейшее влияние на последующие 15 лет жизни Бурхана Шахиди и поэтому считаю необходимым на нем остановиться более подробно. В биографическом очерке сказано, что в конце весны 1962 года уйгуры и казахи в количестве более 60 тысяч человек из Или-Казахского автономного округа и Тарбагатайского уезда СУАР незаконно пересекли границу и перебрались в Советский Союз. Для расследования этого инцидента и внесения предложений о принятии мер центральными органами КНР в СУАР был направлен Бурхан Шахиди. В очерке сказано, что Шахиди побывал на Алтае, в городах Бурчун, Каба, Шихэцзы, Кумул, Турфан и в других местностях СУАР, где встречался с населением и устанавливал причину возникновения этого инцидента. По приезде в Пекин составил подробный доклад, где изложил свое мнение и указал, какие срочные меры необходимо принять для исправления положения. В биографическом очерке сказано, что доклад не понравился «некоторым лицам». В результате этот доклад, содержащий правдивую информацию и объективную оценку ситуации, послужил основанием для проведения в отношении Бурхана Шахиди специального расследования и «разоблачения его в советизме» [94]. В биографическом очерке содержание самого доклада не приведено даже в общих чертах. Этот случай нелегального перехода более чем 60-тысячного населения в период с апреля по август 1962 года на территорию СССР китайскими историками назван Или-Тарбагатайским событием. Так как этот доклад в годы «культурной революции» сыграл немаловажную роль в том, что Шахиди был подвергнут критике и брошен в тюрьму, я попытался найти более подробную информацию об этом событии. В упомянутом ранее труде коллектива китайских историков «Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее» нет информации о причинах, породивших это событие. Само событие упомянуто в двух разных главах. В первом случае – в связи с направлением производственно-строительным корпусом под руководством генерала Тао Чжюе, созданным в 1949 году из военнослужащих НОАК, специальной бригады для обработки земель и ухода за скотом, оказавшихся бесхозными после массового ухода жителей через границу. Во втором случае событие упомянуто вскользь в связи с бандитским мятежом в городе Или (Кульджа), что имело место быть 29 мая 1962 года [95]. В трудах по истории России советского периода это событие вообще не упоминалось. Правда, за последние 10 лет стали появляться краткие сведения о массовом нелегальном переходе на территорию СССР уйгуров и мусульман других национальностей в период с апреля по август 1962 года. Между тем, в этих источниках не было объяснения причин, вынудивших такое большое количество людей покинуть обжитые родные места. Информационный вакуум, образовавшийся в обеих странах вокруг этого события, ста-

ли заполнять выгодной для себя информацией страны, имеющие политический интерес, и лица, стремящиеся к лидерству. Журналист Борис Михайлович Майнаев, проживающий с 1995 года в Германии, в своей статье, названной «Уйгуры – этническая бомба в Великой Китайской стене» [96] пишет, что весной 1961 года на железнодорожной станции Сары-Озек, расположенной на границе с КНР, он наблюдал за прибытием на запасные пути полного состава товарных вагонов с перебежчиками из Китая. Он якобы спросил у отца об этих людях. Тот ответил, что эти люди – уйгуры, которые спаслись бегством от «культурной революции». Продолжая тему, Майнаев излагает историю первого знакомства с уйгурской семьей, нашедшей убежище от «культурной революции» сначала в Казахстане, затем в Киргизии. Как рассказ, услышанный от отца уйгурского парня, Майнаев излагает причины, которые вынудили семью бежать из селения вблизи Кашгара в Советский Союз. Виновниками оказались хунвэйбины, которые якобы любой протест подавляли силой оружия военных, затем совсем озверели и стали бесчинствовать. Грабили, избивали мужчин и насиловали женщин. Изложено очень гладко и впечатлительно. Если не мои знания географии Синьцзяна и истории, я и сам мог бы поверить в эту сказку. Дело в том, что массовый переход уйгуров через границу произошел не в 1961 году, а весной 1962 года. В 1961 году отец Майнаева не мог знать о том, что в 1966 году произойдет «культурная революция», и она будет называться именно так, а не по-другому. Что касается уйгуров, якобы спасшихся бегством в 1961 году от «культурной революции», которая произойдет через пять лет, мне совсем непонятно, почему они сбежали на пять лет раньше начала самого события. К тому же хунвэйбины не военные, а группы студентов и учащихся и являются детищем самой «культурной революции». Хунвэйбины прибыли в Урумчи в 1966 году из Пекина, и нет информации о том, что они добрались до Кашгара. В марте 1967 года, когда у них начались трения с местным населением и военными в борьбе за власть, 1-й секретарь компартии СУАР Ван Эньмао их быстренько выпроводил обратно в Пекин, и они больше в Синьцзяне не появлялись. Также хочу пояснить, что город Кашгар находится на северо-западе СУАР и граничит с Таджикистаном. В те годы жителям Кашгара, желающим попасть на территорию СССР, не было необходимости преодолевать через Аксу две тысячи километров, чтобы перебежать в Казахстан через границу. От своего приятеля – уроженца Таджикистана, мне известно, что народ Памира веками не переставал ходить по горным тропам на Кашгарский рынок. Для этого необходимо пройти лишь 200 километров. Исходя из этого, я сделал вывод о том, что статья Майнаева является чьим-то политическим заказом. А вот попавшая мне в руки книга «Синьцзян. Мусульманские приграничные земли Китая», изданная в Нью-Йорке на английском языке, заставила слегка призадуматься. Книга представляет собой сборник статей про Синьцзян и уйгурский народ, написанных в рамках Синьцзянского проекта, проводившегося на базе научно-исследовательского института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса в Вашингтоне. Вступительная часть книги начинается со слов: «Мнения авторов статей не являются официальным мнением правительства США и являются результатом научных исследований участников про-

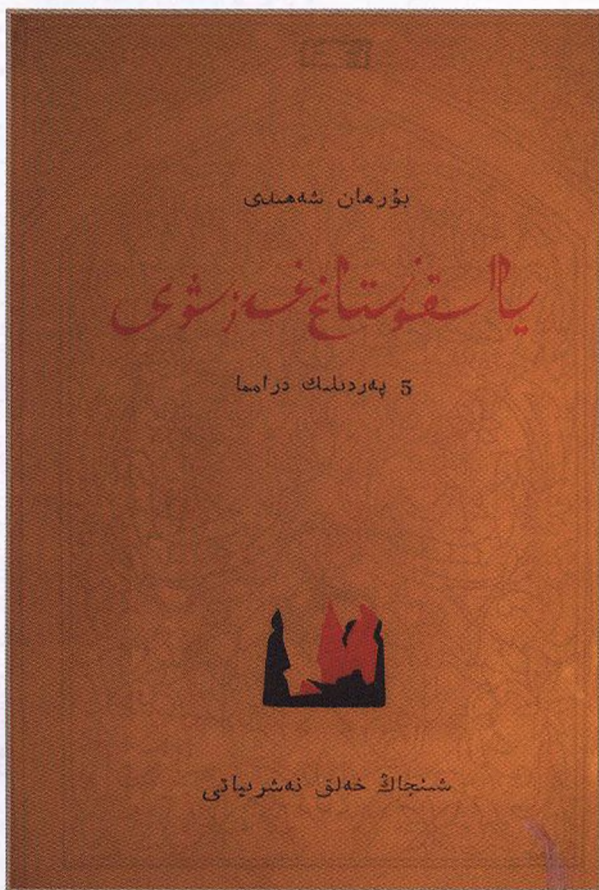
екта». Увидев эти строки, подумал: если эти научные работники не работают на правительство США, по какой причине тогда занимаются поиском проблем народов России и Китая? Разве нет никаких проблем у индейцев, загнанных в резервации 150 лет назад у себя в США? В последнем разделе сборника помещен очерк Гарднера Бовингтона и уйгурского эмигранта Набиджана Турсуна «Спорные события», где я вроде бы и нашел ответ на интересующий меня вопрос. Авторы считают, что причина перехода в СССР уйгуров и казахов в количестве 60000 человек кроется в голоде и боязни чистки за неудачи политики «Большого скачка» [97]. Думаю, что с этим нельзя согласиться. Ведь в большинстве своем в СССР ушли простые скотоводы и земледельцы. Они были рядовыми членами коммун, и никакая чистка им не грозила. Фундаментальные исследования в области социально-экономического и культурного развития казахов, проживавших на территории КНР, провел доктор политических наук, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан Константин Львович Сыроежкин. Он обратил внимание на отсутствие письменных источников, где была бы изложена информация о положении казахов и других национальностей СУАР КНР в период с 1960-го по 1975 год. К.Л. Сыроежкин проводил беседы с перебежчиками из Китая, в том числе и казахской национальности. Отмечая их обнищание как общую черту, свойственную для всех, в своей работе он сделал и выводы о причинах, вынудивших казахов покинуть КНР. По мнению К.Л. Сыроежкина, основная причина недовольства – уничтожение экономической основы самостоятельной хозяйственной деятельности отдельного крестьянского двора, являющееся результатом создания народных коммун, которые преследовали цель окончательного разрушения традиционной структуры казахов и превращения их в наемную силу государства с прикреплением даже их питания к общественной столовой. Он называет еще одну важную причину: «На смену гоминьдановскому чиновнику пришел «обновленный» в ходе кампании «борьбы с местным национализмом» денационализированный административно-бюрократический аппарат новой власти, который, преследуя свои корыстные интересы и слепо веря в непогрешимость доктрины вышестоящего руководства, не считался с объективной реальностью и интересами трудящихся». К.Л. Сыроежкин приводит еще одну немаловажную причину. Это попытки по ограничению национального самосознания, что, в частности, проявилось в отмене арабского алфавита у уйгуров и казахов и переводе их на латинскую графику. Кроме своих выводов, выразив полное согласие, он приводит и оценку кампании по созданию народных коммун в СУАР, данную современными синьцзянскими авторами: «Оценивая кампанию «коммунизации» с позиций сегодняшнего дня, синьцзянские авторы отмечают, что она «не только не решила старых проблем, но и породила новые ... создание народных коммун полностью разрушило только что созданные и несовершенные механизмы управления и систему распределения в прежних кооперативах низшего типа, что привело к развитию серьезных «левацких» ошибок, в основе которых лежал принцип голого администрирования, очковтирательства, «коммунистического поветрия» и установления завышенных показателей» [98].

Несомненно, Бурхан Шахиди, не понаслышке знавший жизненный уклад казахов и имевший высшее экономическое образование, не мог оставить без внимания перечисленные К.Л. Сыроежкиным моменты. Однако изложение истинных причин «Или-Тарбагатайского события» было бы равносильно указанию на ошибочность кампаний, основанных на идеях самого Мао Цзэдуна. Несмотря на это, Бурхан Шахиди составил доклад с отражением всей правды, где высказал свое мнение о необходимости проведения срочных мер по стабилизации обстановки в СУАР. Причину его обвинения в «советизме» я выяснил, ознакомившись с книгой первого секретаря ЦК Албанской Партии Труда Энвера Ходжи «Размышления о Китае», где приведены отрывки из его политического дневника. Выражая общее мнение с руководством КНР, Энвер Ходжа «Или-Тарбагатайское событие» называет результатом травли, организованной органами Советского Союза [99]. Следовательно, чтобы угодить руководству, Бурхан Шахиди вместо истинных причин должен был указать единственную причину так, как она изложена в политическом дневнике Энвара Ходжи. Причины оставления Бурхана Шахиди на политической арене после изложения этой правды, неизвестны. Возможно, за него заступились Чжоу Эньлай и Чжу Дэ, учитывая его прежние заслуги. Об этом никакой информации нет. Между тем, из содержания одного документа, хранящегося у дочери Шахиди Илсуяр, явствует, что академик Го Можо к нему ничуть своего отношения не изменил. Предлагаю вашему вниманию фотокопию этого документа.

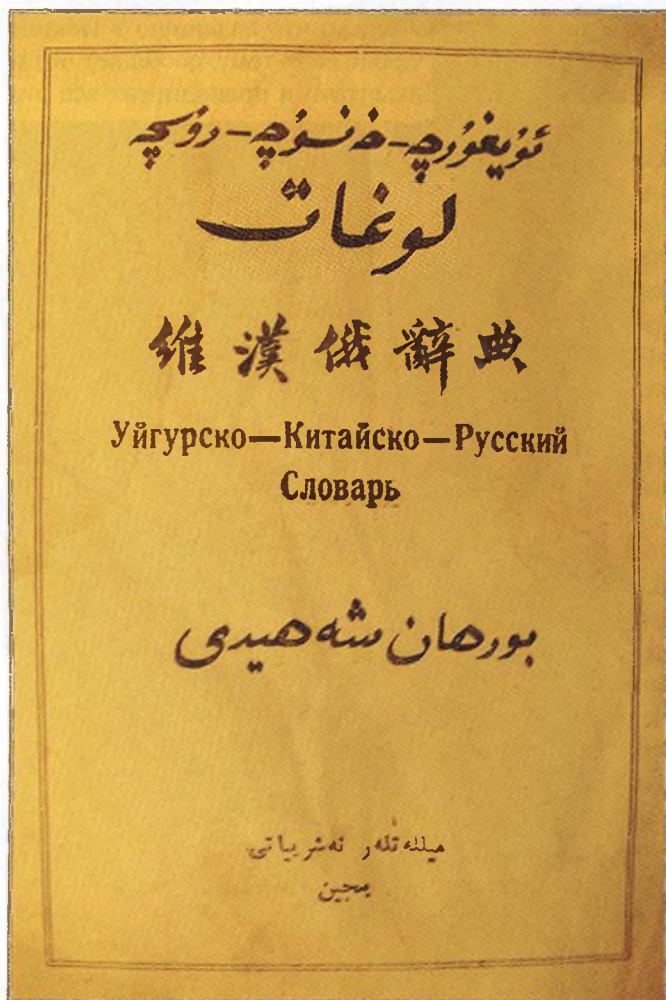
В документе сказано: «Приглашаем Боерхана на должность члена исследовательского комитета Института по изучению национальностей. Ректор Го Можо. Китайская Академия Наук. 28 октября 1963 года».

Несомненно, после такого случая поручения по проверке проблем, связанных с внутренней политикой государства, Бурхану Шахиди не давались. Значительно уменьшилось и количество поручений в области дипломатии, которые он выполнял до «культурной революции». Судя по информации, полученной из разных источников, Шахиди в эти годы уделял много времени научным исследованиям и издал историческую пьесу в пяти актах «Муки Ялкынтау». Журналист Тауфик Айди в упомянутой ранее статье «Татарин в правительстве Китая» написал о своей встрече с доктором филологических наук, известным тюркологом Амиром Назипом, работающим в Москве. В статье сказано, что Амир Назип рассказал о том, что встречался с Бурханом Шахиди в его квартире и был приятно удивлен, увидев китайских академиков, пришедших посоветоваться с Шахиди по смыслу древних иероглифов. Он также рассказал о том, что Бурхан Шахиди тогда работал директором института малочисленных национальностей и при этой встрече подарил свою только что изданную в Пекине книгу «О власти Якуб бека». Тауфик Рамазанович, продолжая тему, сообщает читателю об издании пьесы Бурхана Шахиди «Муки Ялкынтау» и преподносит все эти труды как изданные до переезда в Пекин. В статье Тауфика Айди содержится ошибка в хронологии. Хочу сказать, что указанный в статье институт малочисленных национальностей – это и есть институт по изучению национальностей, куда Шахиди был приглашен лишь 28 октября 1963 года. Чудом сохранившийся в годы «культурной революции» экземпляр пьесы Бурхана Шахиди «Муки Ялкынтау», выпущенной в свет Синьцзянским народным издательством в 1962 году, хранится у дочери автора Илсуяр. О том, что пьеса была издана в 1962 году, сообщает и сам автор в книге «50 лет жизни в Синьцзяне» [100]. Книги, написанные на базе арабского шрифта, в годы «культурной революции» беспощадно предавались огню. Поэтому вниманию читателя могу предложить лишь фотографию обложки этого сохранившегося экземпляра пьесы, сделанную Иреком Мунировичем Закировым.

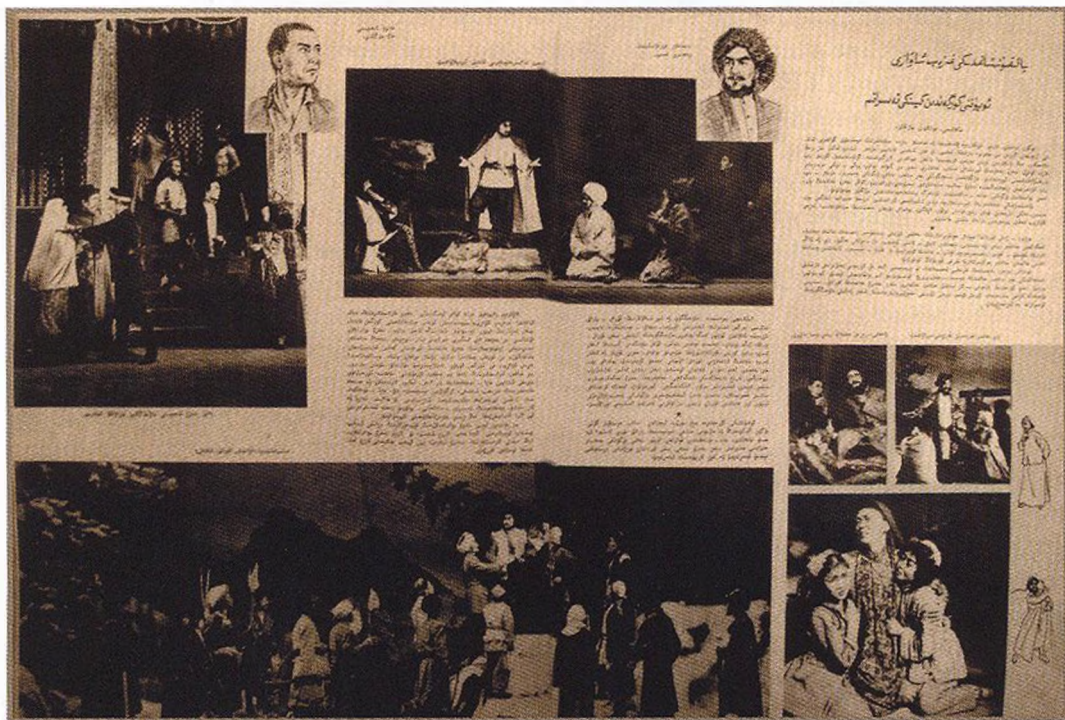

Книга Бурхана Шахида «О власти Якуб бека» могла быть издана лишь в 1964 году. Родственники при встрече сообщили об отсутствии у них экземпляра такой книги. Возможно, в статье Тауфика Айди речь идет о 3-м номере журнала «Исторические исследования» за 1958 год, где и была помещена статья Бурхана Шахида с таким названием. Я пришел к выводу о том, что Амир Назип встречался с Бурханом Шахида в Пекине весной 1964 года. На эту мысль наталкивает другая информация, полученная журналистом от Амира Назипа, который сообщил о том, что к моменту встречи с Бурханом Шахида отношения между странами были на стадии ухудшения. До переезда Бурхана Шахида в Пекин была издана единственная книга. Это уйгурско-китайско-русский словарь. Сама история издания словаря также интересна. Осенью 1947 года в Нанкине Шахида доработал словарь, начатый в тюремных застенках,

и рукописи отдал для издания купцам. Однако они просто скрылись с рукописями. В начале 50-х годов Чжоу Эньлай, при встрече с Шахида узнав об этом, пообещал помочь. Его стараниями рукописи нашлись, и в 1953 году словарь был выпущен в свет издательством национальностей в Пекине. Оказалось, что словарь больше не издавался, хотя и до сегодняшнего дня не потерял своей значимости. Поэтому мы удовлетворились лишь фотографией первой страницы словаря, сделанной в Пекине Иреком Мунировичем. Затем родственники, исполняя нашу просьбу, поискали экземпляр словаря даже в библиотечной системе, но поиски не увенчались успехом. Поэтому дядя Мураг и тетя Шамсикамар прислали мне единственный экземпляр, хранящийся в их домашней библиотеке, который я сдал в Буинский краеведческий музей. На фотографии слева — первая страница словаря.

Хочу сказать несколько слов о пьесе Бурхана Шахиди «Муки Ялкынтау». Пьеса основана на реальных событиях, происходивших в Синьцзяне. В этой пятиактной драме показан мятеж в окрестностях Турфана, организованный в 1914 году дехканом Уметом, сбежавшим из тюрьмы. Этот мятеж в истории известен как «мятеж Умета». Вначале пьеса была названа «Дружба, в борьбе орошенная кровью». События в драме изложены с исторической точностью. Когда большинство дехкан было истреблено многочисленными войсками, присланными для подавления мятежа, Умет с небольшой группой скрылся в горах Тянь-Шаня. Двое из его приближенных – Тази и Саит, чтобы сохранить себе жизнь и получить за это обещанное вознаграждение, 16 декабря 1914 года убили Умета и отнесли его отрубленную голову офицеру войска, состоявшего из дунган. Эти исторические события подробно описаны и в книге Бурхана Шахиди «50 лет жизни в Синьцзяне». В книге также сообщается о том, что драма ставилась в театрах Пекина и Урумчи. После постановки в одном из журналов была опубликована статья Бурхана Шахиди, названная «Отклик на «Муки Ялкынтау». Статья, оснащенная фотографиями, где запечатлены сцены драмы, содержала подробную рецензию. Предлагаю вашему вниманию фотографию страницы журнала с этой рецензией.

Возможно, со временем, правдивый доклад, написанный Бурханом Шахиди после проверки Или-Тарбагатайского события, был бы и забыт, если бы не события, ко-

торые произошли в октябре-ноябре 1964 года в СССР. Необходимо хотя бы в общих чертах рассказать о них, так как именно они, на мой взгляд, и напомнили руководству КНР о докладе Шахида.

13 октября 1964 года отдохавший в Пицунде Н.С. Хрущев был срочно вызван в Москву на заседание Президиума ЦК КПСС и подвергнут резкой критике по всей своей деятельности. В результате Н.С. Хрущев вынужден был написать заявление об уходе в отставку. Сразу же после этого был проведен пленум ЦК КПСС, где с докладом выступил секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов. Н.С. Хрущёв был освобожден от всех государственных и партийных должностей и отправлен на пенсию. У высшего руководства КНР, считавшего Н.С. Хрущева основным виновником в разладе между государствами, эта весть породила надежду на восстановление добрых отношений. Мао Цзэдун созвал экстренное заседание членов Политбюро ЦК КПК, где решили направить поздравительную телеграмму на имя Леонида Брежнева, Анастаса Микояна и Алексея Косыгина за подписью Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньлая, послать в Москву на торжества по случаю празднования 47-й годовщины Октябрьской революции делегацию под руководством Чжоу Эньлая, организовать торжества в Пекине в честь празднования 47-й годовщины Октября. В тот же день поздравительная телеграмма была вручена в Посольстве СССР. В телеграмме говорилось: «Искренне надеемся, что братский советский народ под руководством КПСС и правительства СССР добьется новых побед в работе по разным направлениям и в борьбе за мир на планете. Желаем сплочения двух партий и двух государств – Китая и СССР – на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма». Текст телеграммы в тот же день был зачитан по радио и на следующий день появился в печати. Одновременно в связи с тем, что 47-я годовщина Октября не круглая дата и Москва не планировала крупномасштабного празднования, Чжоу Эньлай начал мероприятия по подготовке к поездке. Он, встретившись с послом СССР Степаном Червоненко, объяснил ему цели планируемой поездки в Москву и попросил доложить руководству КПСС об их планах. Одновременно просил передать, что они пожелали бы увидеть на праздновании годовщины Октября и представителей других стран социалистического лагеря. Кроме этого, он встречался с послами демократической Кореи, Вьетнама, Албании, Румынии, Кубы, Болгарии, Венгрии, Чехии, Монголии и демократической Германии, которым сообщил о поиске КНР путей сплочения с Советским Союзом и выразил надежду на то, что руководители этих стран направят свои делегации в Москву для участия в праздновании годовщины Октября. Вскоре Советский Союз направил всем странам социалистического лагеря приглашения. Делегация КНР под руководством Чжоу Эньлая и Хэ Луна [101] 5 ноября 1964 года специальным самолетом вылетела в Москву. В тот же день в Пекине начались торжества, посвященные празднованию 47-й годовщины Октября. В адрес нового руководства СССР от имени Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньлая была направлена поздравительная телеграмма. 6 ноября в Пекине был проведен торжественный митинг с участием представителей различных кругов общественности. 7 ноября Председатель КНР Лю Шаоци, заместитель премьер-министра Госсовета Дэн Сяопин,

заместитель председателя ПК ВСНП Пэн Чжэн и другие руководители государства и КПК приняли участие в официальном приеме в Посольстве СССР по случаю праздника, где Пэн Чжэн выступил с пламенной поздравительной речью. В тот же день в газете «Жэньминь жибао» вышла передовая статья под заголовком «Сплотимся под знаменем Великой Октябрьской революции». 8 ноября в этой же газете был опубликован полный текст речи Леонида Ильича Брежнева, посвященной 47-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции.

В Москве делегации КНР под руководством Чжоу Эньлая и Хэ Луна был оказан радушный прием. Встречать делегацию в аэропорт приезжал лично председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. Чжоу Эньлай и Хэ Лун по отдельности встречались с Л.И. Брежневым, А.И. Микояном, А.Н. Косыгиным и объявили о стремлении китайской стороны к солидарности. Китайская делегация приняла участие в торжественном собрании, проведенном 6 ноября в Кремлевском Дворце съездов. 7 ноября церемонию принятия парада на Красной площади китайская делегация встретила на трибуне. Чжоу Эньлай, легко одетый, простояв на морозе более 3 часов, сильно замерз, но, проявляя уважение к советскому народу, не сходил с трибуны. На вечернем банкете к заместителю премьера Хэ Луну подошел его давний знакомый маршал СССР Родион Малиновский. Хэ Лун предложил тост в честь дружбы войск двух государств. В ответ Малиновский начал провокационный разговор, сказав: «Форма маршала нашей страны выдумана И. Сталиным, а вашей — Мао». Хэ Лун сказал, что не понимает его, и, решив сообщить об этом Чжоу Эньлаю, направился к нему. Малиновский, сопровождая его, продолжил: «Нельзя дать Хрущеву и Мао нам помешать». После таких слов Хэ Лун и Чжоу Эньлай направились к Брежневу, чтобы сообщить о поведении маршала. Родион Малиновский им вслед крикнул: «Мы скинули Хрущева, теперь ваша очередь убрать Мао». Чжоу Эньлай, подойдя к Брежневу, выразил протест. Тот ответил, что Малиновский пьян. На это Чжоу Эньлай подметил: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Затем потребовав официального извинения, вместе со всеми членами делегации удалился с банкета. Из-за этого инцидента в западных средствах массовой информации уже на следующий день появились заметки, где сообщалось о том, что СССР готовит заговор с целью отстранения Мао Цзэдуна от власти и замены его Чжоу Эньлаем. Переговоры, еще до начала которых произошел такой неприятный инцидент, закончились безрезультатно [102]. Несмотря на то что эта информация взята со страниц газеты «Жэньминь жибао», она в источниках обеих стран отражена примерно одинаково. Например, заместитель директора Российского государственного архива новейшей истории Михаил Юрьевич Прозуменшиков в своей статье, написанной с использованием архивных материалов, излагая аналогично только что описанные события, показал еще одну причину, которая сыграла немаловажную роль в безуспешности переговоров. В статье сказано: «Однако в Пекине не учли того факта, что в Советском Союзе у власти продолжали оставаться люди (в частности, А.И. Микоян и М.А. Суслов), которые не просто послушно шли в фарватере зигзагов политической линии Хрущева, но и сами являлись разработчиками столь нелюбимых китайцами

идей, легших в основу решений XX и XXII съездов КПСС, а также новой Программы советской компартии. Да и взлелеянный Хрущевым мощный слой партийной номенклатуры (который в Китае называли «новой советской буржуазией») отнюдь не желал приносить в жертву интересам мировой революции собственные привилегии и спокойное безбедное существование». М.Ю. Прозуменщиков отметил, что из лиц, участвовавших с советской стороны в этих переговорах, лишь А.Н. Косыгин был сторонником поиска путей налаживания отношений между двумя государствами. Даже после этих неудачных переговоров А.Н. Косыгин предпринял попытки к налаживанию отношений между странами путем организации двусторонних переговоров между первыми лицами правительств двух государств. Описывая реакцию остальных членов ЦК КПСС на инициативы А.Н. Косыгина, М.Ю. Прозуменщиков пишет: «Однако на заседании Президиума ЦК КПСС советский премьер остался в меньшинстве. И если в начале января 1965 г. в китайском вопросе его еще поддерживали А.П. Кириленко, А.Н. Шелепин, В.П. Мжаванадзе, а многие члены советского руководства занимали неопределенную позицию, то потом ситуация резко изменилась. Утверждение Косыгина, что «переговоры – это всегда компромисс», вызвало серьезное раздражение у Сулова, Микояна, Н.В. Подгорного и П.Е. Шелеста, заявивших, что китайцы требуют компромисса в принципиальных вопросах, а все другие предложения премьер-министра потонули в нестройном хоре оппонентов, где рефреном повторялись фразы: «вопрос касается нашего престижа», «можем получить пощечину» и т.п. Максимальные уступки, на которые пошли советские лидеры, были связаны с разрешением Косыгину встретиться с Чжоу Эньлаем во время краткосрочных остановок в Пекине в ходе его визита в ДРВ...» [103]. В дневнике Энвера Ходжи эти события описаны аналогично [104]. До начала рассказа о том, что слова Малиновского, высказанные на банкете, как камни посыпались на голову Бурхана Шахиди, хочу показать читателю одну фотографию, сделанную в апреле 1964 года в Пекине. На ней запечатлены члены президиума собрания, созванного в честь 9-летия со дня проведения Бандунгской конференции.

На снимке справа налево: ректор КАН Го Можо, премьер Чжоу Эньлай, заместитель премьера Хэ Лун. Второй слева – Бурхан Шахиди.

Здесь мы видим Бурхана Шахиди в президиуме рядом с первыми лицами Китая. Следовательно в начале 1964 года правительством КНР не проводились действия по вытеснению Бурхана Шахиди с политической арены. Если учесть, что ему до конца августа давались дипломатические поручения (прием в августе делегации Пакистана), то можно сделать выводы о том, что после доклада по Или-Тарбагатайскому событию он других действий, которые могли бы вызвать гнев руководства, не совершал. Во время нахождения делегации под руководством Чжоу Эньлая и Хэ Луна в Москве Бурхан Шахиди прибыл в Урумчи для участия в выборах на сессии СНП СУАР 3-го созыва. Резкая перемена отношения центральных органов к Бурхану Шахиди произошла именно после неудачных переговоров делегации в Москве. Мало того, что его кандидатуру не пропустили на выборах делегатов ВСНП КНР, сразу же после приезда из Урумчи в центральные органы посыпались на него доносы. В некоторых из них сообщалось, что Шахиди тайком от партии ведет деятельность с СССР, в других предостерегали, что он планирует построение в Синьцзяне мусульманского государства. В одном из них, доносчик, перейдя все грани, сообщал, что Шахиди занят организацией таких же событий, какие произошли в 1956 году в Венгрии. Совпадение по времени написания этих доносов и неудачных переговоров в Москве является подтверждением того, что доносы были организованы центральными органами. По проверке доносов была образована комиссия, которая проводила проверку до начала 1965 года и не вынесла никакого заключения. Между тем, Бурхан Шахиди с начала 1965 года кроме членства в НПКСК был освобожден от выполнения всех своих обязанностей и содержался под домашним арестом. В биографическом очерке на уйгурском языке сказано лишь об освобождении его от должностей, а про заключение под домашний арест информации нет. Мои родители в конце 1965 года получили письмо из Ташкента, где сестра моего отца Мунира писала: «Разговаривала с сестрой Шадией. Она получила вести из Китая. Оказывается, дядю Бурхана, освободив от всех должностей, посадили под домашний арест». Один случай, описанный в упомянутом очерке, является хоть и косвенным, но подтверждением сказанного. В очерке сообщается о получении Бурханом Шахиди приглашения на торжества, проводимые 1 мая 1965 года на площади Тяньаньмэнь. Сказано, что некоторые товарищи «исходя из его тогдашнего положения» стали отговаривать от участия в этом мероприятии. На это Шахиди ответил: «Я ежегодно участвовал во всех мероприятиях, посвященных 1 Мая, как заместитель председателя ВК НПКСК и до сегодняшнего дня остаюсь членом Политического совета». В очерке сказано, что празднично одетый Бурхан Шахиди пришел на площадь Тяньаньмэнь и принял участие в торжествах [105]. Если Шахиди не находился бы под домашним арестом на момент получения приглашения, то не было бы и причины отговаривать его от участия в празднике. В письменных источниках я не нашел сведений об участии Бурхана Шахиди в работе 1-й сессии НПКСК 4-го созыва, начавшейся в декабре 1964 года, хотя и в очерке сказано о том, что он еще в мае 1965 года оставался членом НПКСК. Думаю, что при условии выставления его кандидатуры на этой сессии Бурхан Шахиди, пользовавшийся среди

членов большим авторитетом, пройдя выборы, остался бы на прежней должности заместителя Всекитайского комитета НПКСК. Возможно, отсутствие сведений связано с уничтожением многих документов в годы «культурной революции», в связи с началом которой работа НПКСК была остановлена и возобновлена лишь в 1978 году открытием 24 февраля 1-й сессии 5-го созыва. На страницах сети «Интернет», кроме сообщения факта проведения 1-й сессии 4-го созыва в период с декабря 1964 года по январь 1965 года, другой информации нет. Это также является подтверждением сказанного. Между тем, в ходе поездки в Урумчи мне и И.М. Закирову упомянутый ранее академик Уйгур Сайрани предоставил информацию о работе Бурхана Шахиди в ВК НПКСК 4-го созыва, которая немного отличается от изложенной в очерке. Он письменно изложил краткую биографию Бурхана Шахиди и выразил благодарность за проявленный нами интерес к этой личности. Из содержания биографии, написанной Уйгуром Сайрани, вытекает, что Бурхан Шахиди на 1-й сессии Народного политического консультативного совета Китая 4-го созыва был избран на новый срок заместителем председателя Всекитайского Комитета НПКСК. Несомненно, из-за отсутствия источников эту информацию проверить не удалось. Однако хочу сообщить читателю о том, что Уйгур Сайрани, несмотря на свой почтенный возраст, обладал исключительной памятью. Что касается истории, то обладающих столь обширными знаниями в этой области, как он, и в КНР, и в России единицы. Вашему вниманию предлагаю фотокопию фрагмента краткой биографии Бурхана Шахиди, написанной Уйгуром Сайрани.

بورهان شەھىدى كونا جۇڭگونىڭ شىنجاڭدىكى ئەڭ ئاخىرقى ئۆلگە
رەئىسى. جۇڭگو كوممۇنىستىك پارتىيىسى رەھبەرلىگىدىكى بېشى جۇڭگونىڭ
شىنجاڭدىكى تۇنجى ئۆلگە رەئىسى بولغان. 1955-يىلى 10-ئايدا خىزمىتى
بېيجىڭغا يۆتكىلىپ، ئۆمرىنىڭ ئاخىرىغىچە مەملىكەتلىك سىياسىي
كېڭەشنىڭ مۇئاۋىن رەئىسى بولغان. شۇنىڭدەك سىياسىي كېڭەش شىنجاڭ

В тексте фрагмента на уйгурском языке сказано следующее: «Бурхан Шахиди был самым последним председателем синьцзянского правительства Старого Китая и первым председателем правительства Синьцзяна Нового Китая, руководимого коммунистической партией. С 10-го месяца 1955 года был переведен по службе в Пекин и до конца своей жизни был заместителем председателя Политического совета страны». Из сказанного вытекает, что Бурхан Шахиди был на посту заместите-

ля председателя ВК НПКСК начиная со второго созыва по седьмой включительно.

Хочу отметить, что в письменных источниках почти отсутствуют сведения о жизни Шахиди в период с января 1965 года и до начала «культурной революции». К сожалению, в связи с разрывом отношений между странами в нашу семью никакая информация этого периода не поступала. Во время встреч с родственниками и в Урумчи, и в Пекине информацию от них об этом периоде жизни Бурхана Шахиди получить не удалось. Никто из родственников не проявлял особого желания рассказывать об этом тяжелом периоде жизни Шахиди. Несмотря на это, по разговорам я понял, что детям Бурхана Шахиди известны имена тех, кто писал доносы на отца. Со слов младшей дочери Илфиры, отец им сказал следующее: «Очень прошу не мстить писавшим на меня доносы людям и их детям. В этом деле нет их вины. Здесь вина системы того времени, заставившей их сделать это». Эти слова Бурхана Шахиди лишний раз подтверждают организацию доносов и целой кампании против него центральным правительством.

ИЗ ТЕМНОТЫ – К СВЕТУ

Весной 1966 года в Китае началась «культурная революция». Продолжение бед, обрушившихся на Бурхана Шахиди осенью 1964 года, в связи с этим не заставило себя долго ждать. В августе 1966 года группа хунвэйбинов, состоявшая в основном из студентов самого Бурхана Шахиди, обучавшихся в Институте по изучению национальностей, произвела обыск в доме, где проживала семья. Перерыв все в доме, они многие вещи унесли с собой. Уходя, сообщили Бурхану Шахиди о необходимости явиться в институт для принятия критики, назначив дату и время прибытия. Семья тогда проживала в двухэтажном доме, посторосном для членов правительства на огороженной территории.

Во время нахождения в Пекине по просьбе тети Илеуяр охранники нам разрешили зайти на территорию и сфотографировать этот дом. Семья тогда занимала левую половину этого дома.

Во время обыска детей не было дома. Когда они пришли, охранник на воротах сообщил им о приходе хунвэйбинов. То, что бросилось в глаза детям после прохода через ворота, это таблички с различными лозунгами, приклеенные к стене дома. Таблички гласили: «Уничтожим международного шпиона Бурхана», «Семья шпиона» и тому подобное. Детям сразу же стало понятно, что отец и вся семья оказались в очень тяжелом положении. Дети Бурхана Шахиди, получившие коммунистическое воспитание, не могли не потребовать у отца объяснения, так как судя по содержанию табличек, он всю жизнь обманывал не только партию и народ, но и членов семьи. На вопрос детей, заданный с соблюдением соответствующих правил приличия, Бурхан Шахиди в резкой форме ответил, что никогда никаких действий, которые могли бы принести вред партии, стране и народу, не совершал. Получив такой ответ, дети не знали, верить или не верить ему. В надежде, что все прояснится, на другой день пришли на собрание принятия критики. Однако увидев, что критикующие, не приводя никаких доводов и фактов в подтверждение сказанного, лишь выкрикивают те лозунги, которыми накануне был «разукрашен» дом, убедились в абсолютной невинности отца [105]. В источниках сказано, что собрания принятия критики дважды проводились в здании Института по изучению национальностей, не уточняя при этом аудитории. Судя по тому, что в источниках говорится о принятии Бурханом Шахиди критики стоя на коленях на кучке отходов угля и шлака, я пришел к выводу о проведении этих собраний в котельной института, где были установлены паровые котлы. У Бурхана Шахиди, избитого в ходе собрания и простоявшего на коленях в течение трех часов, выслушивая оскорбления, сильно распухли ноги, на теле появились раны и кровоподтеки. После двух таких собраний его направили в Синьцзян для принятия дальнейшей критики. Опасаясь того, что по дороге его могут убить, жена Рашида решила ехать с ним. Им было тяжело расставаться с детьми. Из четверых детей, оставшихся в Пекине, лишь старшая дочь Илчан начинала свою трудовую деятельность, а остальные были учащимися. Перед отъездом Бурхан Шахиди еще раз объяснил своим детям, что он не виновен и это необходимо доказать. Таким образом, этот пожилой человек в возрасте более 70 лет, еле поднявшись в вагон с повешенной на груди доской с надписью «Уничтожим международного шпиона Бурхана», 2 сентября 1966 года с женой вместе выехал в Урумчи. Проехав более трех суток, сидя на деревянной скамье, прибыли в Урумчи, где Бурхана Шахиди и всех его родственников ожидали собрания принятия критики. По прибытии их поселили в маленький заброшенный дом на территории Синьцзянского университета. По-видимому, в домике не было пола и стекол в окнах. В источниках сообщается, что в доме на полу разжигали костер. Там же сказано о том, что один из прохожих с издевкой в окно кинул нож и сказал: «Лучше умереть, чем так жить». Бурхан Шахиди ему кинул нож обратно и сказал: «Если горишь желанием, подохни сам. Я еще долго буду жить». Живя вот при таких условиях, он обязан был по первому требованию явиться на собрание для «принятия критики». В источниках сказано о неоднократности проведения таких собраний. На одном из таких собраний, еще будучи учеником школы, присутствовал упомянутый ранее профессор из Урумчи Илдус Ахтямов. С его слов, для придачи

важности собрание проводилось при большом скоплении народа, а для лучшей наглядности – на высокой сцене. Между тем, эта наспех сколоченная сцена превратила собрание, начавшееся как сверхважное мероприятие, в юмористическое представление. При изготовлении сцены были использованы бывшие в употреблении доски плохого качества, которые были сколочены на скорую руку и как попало. На эту сцену ожидался выход большого количества принимающих критику. У всех, кроме Бурхана Шахиди, на шее висела табличка с надписью «Вставший на путь капитализма». Принимающих критику на сцену выводили по одному. Конечно же, «международный шпион» был обвинен в более тяжком деянии по сравнению с капиталистами. Поэтому первым на сцену вывели Бурхана Шахиди с такой табличкой. Когда группа принимающих критику полностью вышла на сцену, она наполовину рухнула вместе со всеми «вставшими на путь капитализма». На сохранившейся половине сцены Бурхан Шахиди остался один. Собрание принятия критики на этом было завершено. Конечно же в других случаях эти собрания проходили с полной серьезностью. Среди критиковавших нашлись и такие, которые выкрикивали, что критикуют Бурхана, как муху, попавшую в глаз. Бурхана Шахиди по три часа держали в согнутой позе «реактивного самолета», избивали, оскорбляли. Все эти муки он переносил стойко и после каждого собрания уходил с гордо поднятой головой. Со временем пыл критиковавших угас, и они стали говорить: «Посмотрите на него! Ведь слез с коня, а узду не отпускает!» Все эти унижения не сломили Бурхана Шахиди. На каждое собрание он приходил опрятно одетый, со стрелками на брюках. Это при том, что у него не было даже утюга. Чтобы сохранить стрелки, Шахиди ложился спать, сложив брюки на доски под себя. Даже лица, которые ранее были враждебно настроены, увидев такое поведение Бурхана Шахиди при обрушившихся на него тяжелых испытаниях, стали относиться к нему с уважением. Трудно себе представить, как бы справлялся Шахиди с этими трудностями без помощи жены Рашиды. Все тяготы такой жизни легли на ее плечи. Она постоянно была занята поиском продуктов питания, собирала дрова и отапливала помещение, лечила раны мужа, полученные при очередной экзекуции на собрании принятия критики. Со временем отношение официального руководства к хунвэйбинам изменилось, и между ними возникли противоречия. Это произошло в результате следующих событий. В январе 1967 года была подавлена попытка хунвэйбинов и цзаофаней захватить власть в Синьцзянском производственно-строительном корпусе. 23 января 1967 года в городе Шихэцзы с ними произошло вооруженное столкновение местного населения. В результате 120 хунвэйбинов и цзаофаней были убиты и свыше 1000 человек получили тяжелые ранения. В Синьцзяне создавался очаг политической и социальной напряженности, что не могло устраивать центральное руководство в Пекине. При таком стечении обстоятельств хунвэйбины и цзаофани, занятые решением своих внутренних проблем, потеряли интерес к таким «мертвым тиграм», как Бурхан Шахиди, и собрания принятия критики в Синьцзяне к весне 1967 года перестали проводиться. Несмотря на это, семье Шахиди не разрешали возвращаться в Пекин. Возможно, в поисках средств на существование он обращался к надзирающим органам. В биографическом очерке на уйгурском языке сказано, что

с помощью влиятельных людей ему и жене было назначено по 100 юаней пособия, выплачиваемого ежемесячно. Правда, в очерке не указаны имена этих влиятельных людей. Думаю, что такая доброта связана с именем 1-го секретаря Синьцзянского комитета КПК, замполита Синьцзянского производственно-строительного корпуса Вана Эньмао, с которым с начала 50-х годов Бурхан Шахиди работал в Синьцзянском бюро КПК и находился в дружеских отношениях. В обоснование своих выводов хочу обратить внимание читателя на одну фотографию, сделанную в 1985 году в Пекине. На снимке запечатлен момент встречи Бурхана Шахиди и Вана Эньмао, не видевшихся долгие годы. По выражениям лиц обоих видно, что они очень рады видеть друг друга. На мой взгляд, если в 1967 году Ван Эньмао, занимавший высокие посты в Синьцзяне, оставался бы безучастным к беде своего друга, на фотографии была бы запечатлена совершенно другая картина встречи.

Половину ежемесячного пособия муж с женой отправляли детям в Пекин. Однако такое временное облегчение длилось недолго. В конце 1967 года прекратили выплату пособия и их закрыли в разные тюрьмы. Правда, через полгода Рашида Шахиди была признана невиновной и освобождена из тюрьмы. В доме, расположенном на окраине огромной территории Синьцзянского университета, ей была выделена комната для проживания, назначено ежемесячное пособие в размере 30 юаней. Таким образом, начались длительные мучения у одной на свободе, у другого в тюрьме. Рашиде ханум приходилось расходовать эти 30 юаней не только на ведение домашнего хозяйства. Она еще покупала для мужа и передавала в тюрьму одежду, лекарства. Кроме всего, бедствия обрушившиеся на эту семью, людям, враждебно настроенным к Бурхану Шахиди, доставляли удовольствие. Дети некоторых из них, когда Рашида ханум про-

ходила по улице, кидая в нее камни, кричали: «Бурхан, Бурхан». Рашида Шахиди всегда ходила опрятно одетая и с гордо поднятой головой, не обращая внимания на них. Она была уверена, что муж будет оправдан и эти мучения когда-нибудь закончатся. У меня неоднократно спрашивали: «В чем был обвинен Бурхан Шахиди в годы «культурной революции»?» Поэтому, находясь в Урумчи поинтересовался у родственников о возможности получения копии судебного приговора в отношении него. В результате выяснил, что никакого приговора никогда и не было. Если проанализировать действовавшие в те годы нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства КНР, то не приходится удивляться тому, что Бурхан Шахиди без суда содержался в тюрьме в течение 8 лет. Самые первые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы были приняты лишь в 1979 году, спустя 30 лет после образования КНР. До этого нормы уголовного законодательства содержались в отдельных приказах, положениях, директивах, изданных в 50-е годы Административным советом, затем Центральным государственным советом КНР. Что касается порядка ведения уголовных дел и их судебного рассмотрения, то эта деятельность вообще оставалась без нормативного регулирования. А в годы «культурной революции» этот правовой вакуум

был заполнен вседозволенностью и злоупотреблениями хунвэйбинов и цзаофаней. Постановлением ЦК КПК от 8 августа 1966 года хунвэйбины заранее были освобождены от ответственности за преступления, совершаемые в ходе выполнения своих обязанностей. Поэтому в любое время они закрывали в тюрьмы того, кого хотели. Бурхана Шахиди, брошенного в тюрьму по ложному доносу, допрашивали и держали под наблюдением в одиночной камере в течение 8 лет. В источниках к нему физического воздействия, либо пыток в ходе допросов. Служивший в те годы заместителем начальника специальной группы Хан Янгшэн участвовал при расследовании дела Бурхана Шахиди. Он в 1980 году написал Бурхану Шахиди письмо, фотокопия которого приводится на этой странице. Это письмо хранится у дочери Бурхана Шахиди Илсуяр.

中国人民解放军 国防科学技术委员会政治部

您也绝不可能有我的记忆之外。然而你却奔逐般地活了下来，在电视上我又看到了您跟你的战友。我们曾经做为敌对阶级“先给相处”几年，但我觉得奇怪的是，由其实际也是整刑台上的同志，只是我们各自占了不同的角色。今天，以一个共产党员的真诚和坦白，向您和广大干部同志们，表示深切的敬意和感谢。我近月来发给您有些照片和信，可来信告诉我地址，抽时间去看望您们。

我是一九七七年调回国防科委创作组的，由人民文学出版社出版的我的第一部诗集“随死随生”作年时在家乡写作。

川页政

敬礼！弟妹同批部同志及您们的女儿们好！

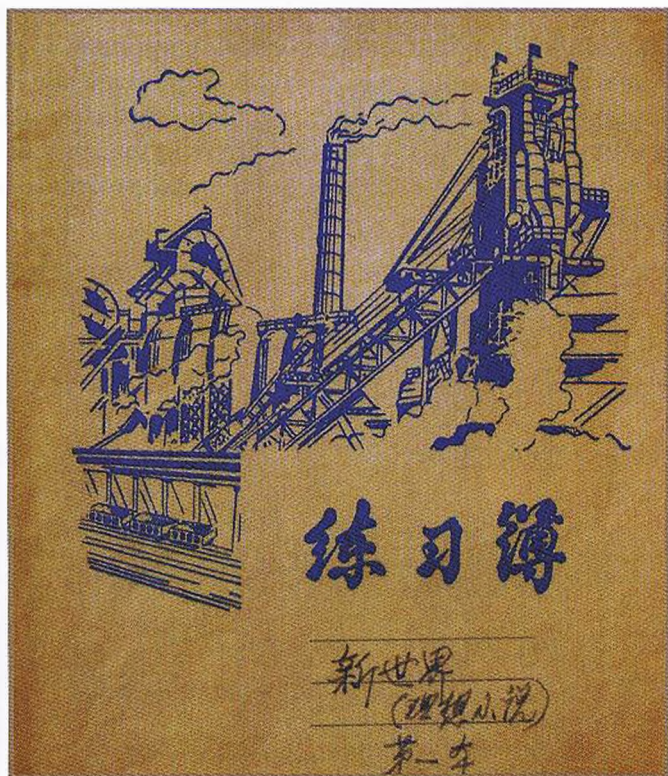
郭英琳 2月10日
北京

В 80-х годах прошлого столетия Хан Янгшэн немного занялся журналистикой. В номере за 20 июня 1980 года газеты «Вечерний Пекин» он напечатал свою статью о Бурхане Шахиди под названием «Лампа жизни». Полные тексты письма и этой статьи приведены в биографическом очерке на уйгурском языке [106]. Из содержания письма и статьи явствует, что члены группы, расследовавшей дело Бурхана Шахиди, и не сомневались в его невиновности. В своем письме Хан Янгшэн просил прощения у Бурхана Шахиди и у всех членов его семьи за то, что в той политической обстановке, зная о невиновности Шахиди, ничего не мог предпринять для его освобождения. Он также сообщает, что им аккуратно передавались руководству все письма Шахиди на имя Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, где он приводил доказательства своей невиновности. Однако узнав, что письма руководством не отправлялись, также ничего не смог поделать.

В тюрьме Бурхан Шахиди уделил особое внимание поднятию образовательного уровня. Он постоянно присылал своей жене Рашиде список необходимой литературы. Она, приложив все свои усилия, находила литературу и переправляла в тюрьму. Однако такая жизнь в Синьцзяне заметно пошатнула состояние ее здоровья, и она в 1972 году серьезно заболела. Родственники, проживавшие в Синьцзяне, об этом сообщили детям в Пекин. В результате стараний детей Рашиде Шахиди было разрешено вернуться в Пекин для прохождения лечения в больнице. В ноябре 1972 года она вернулась в Пекин к детям. Встречать Рашиду ханум в Синьцзян приезжал ее сын Илшат. Накануне их отъезда все родственники собрались в доме Суюм – дочери Бурхана Шахиди. Провожать пришли сыновья Бурхана Шахиди Носрат и Мурат с женами, а также многочисленные друзья и родственники. Среди них не было лишь Уйгура Сайрани – мужа Суюм, который тогда сам находился под стражей. Провожая братишку Илшата, Носрат и Мурат заверили, что постоянно будут справляться о здоровье отца и сообщать ему в Пекин, а также во всем будут помогать отцу. Перед отъездом Рашида Шахиди и сын Илшат сфотографировались.

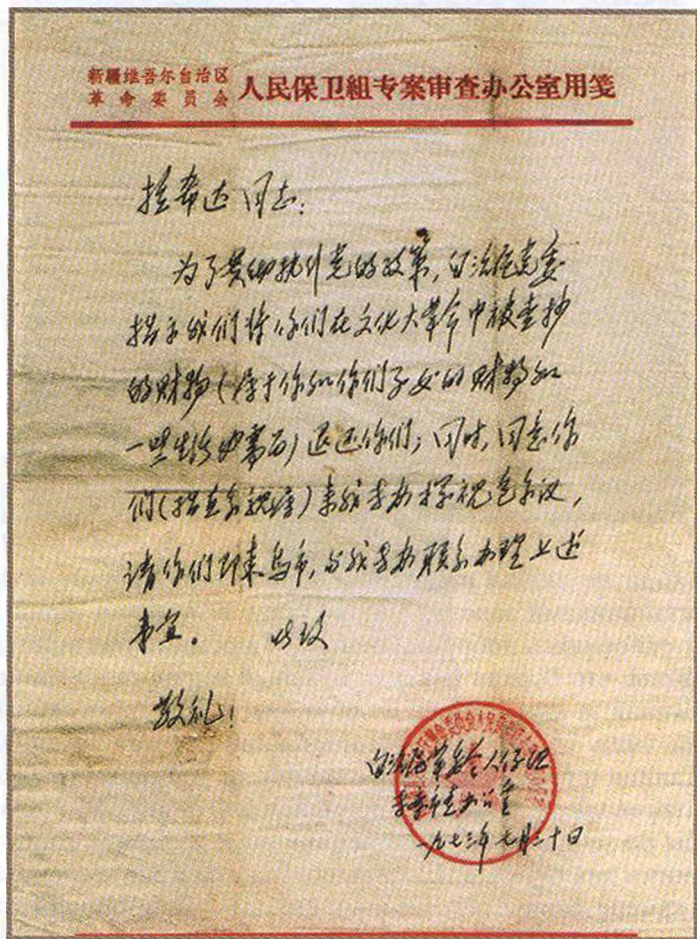

А вот по какой причине не был издан научно-фантастический роман Бурхана Шахида «Новый мир», написанный им в тюремных застенках, мне не удалось выяснить. Мне лишь известно, что рукописи этого романа хранятся у дочери Бурхана Шахида Илсуяр. Вашему вниманию предлагаю фотокопию обложки тетради, где часть рукописи этого романа.

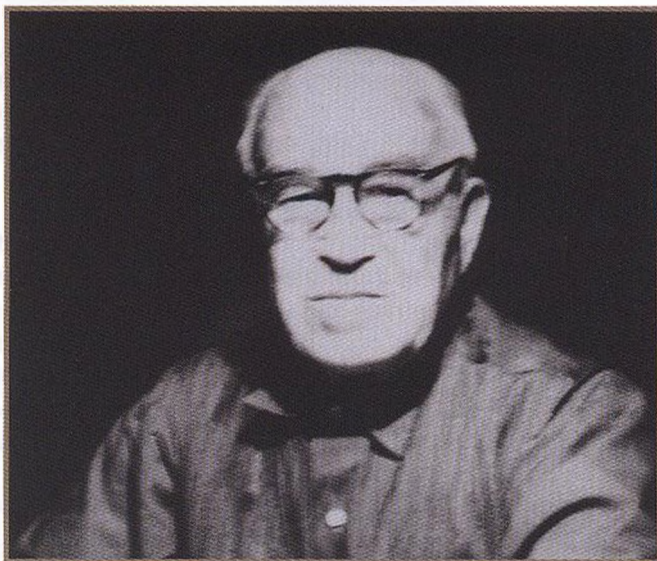

Бурхан Шахиди не любил рассказывать про свою тюремную жизнь, а когда разговор с родственниками заходил на эту тему, вспоминал лишь надзирателей, которые к нему относились доброжелательно. Тюремные надзиратели были заранее предупреждены, что Бурхан Шахиди опасный контрреволюционер, и им была поручена постоянная за ним слежка. Ведя за ним постоянное наблюдение, надзиратели заметили лишь то, что Шахиди постоянно изучает труды Карла Маркса, В.Ленина, И.Сталина и Мао Цзэдуна. Поэтому они решили, что такой человек не может быть контрреволюционером. Со временем они стали с Бурханом Шахиди обсуждать вопросы по теории марксизма-ленинизма и получали консультации, советы. Общение с ними для Бурхана Шахида, содержавшегося столько времени в темной одиночной камере, было единственным светлым воспоминанием этой мрачной жизни. Эти надзиратели, проявляя уважение к слабеющему восьмидесятилетнему

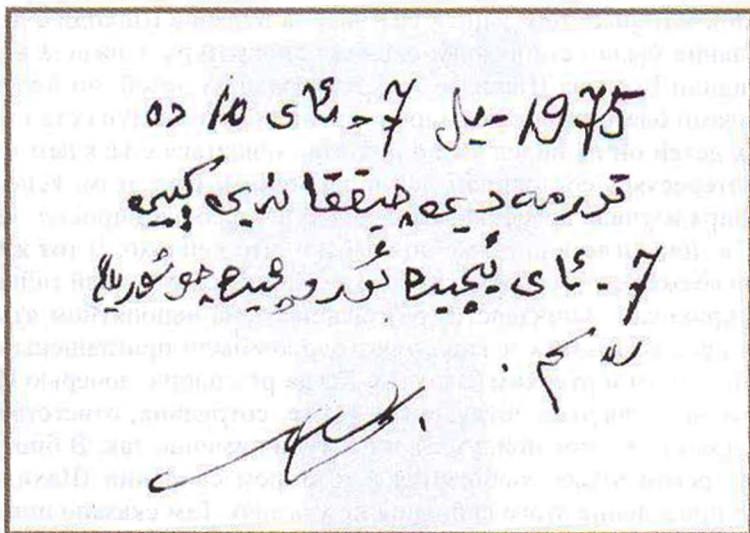
старика, помогали ему, либо сами выполняли за него физическую работу внутри камеры. Многие надзиратели, уходя с воинской службы, оставляли ему даже свои домашние адреса. Чтобы не осложнять жизнь этим парням с чистой душой, Бурхан Шахиди прятал их адреса, затем листки с этими адресами отправил детям в Пекин на хранение. Он также просил написать письма по этим адресам и сообщить этим людям о своем состоянии. Бурхану Шахиди, не видевшему близких родственников в течение 6 лет, эти добродушные парни стали близки как родственники. Есть сведения о том, что с некоторыми из них Шахиди встречался после возвращения в Пекин. Дети неоднократно писали в соответствующие органы письма с просьбой о разрешении свидания с отцом. Эти письма постоянно оставались без ответа. Летом 1973 года в ответ на очередное письмо было выслано разрешение, фотокопия которого приводится ниже.

На основании этого разрешения на свидание с Бурханом Шахиди в тюрьму пришли его дети: Илсуяр, Илшат, Илфира, проживавшие в Пекине, и сын Мурат проживавший в Урумчи. Дочь Илчан не смогла приехать, так как ухаживала в больнице за больной матерью. Для записи разговоров Бурхана Шахиди с детьми в комнате для свидания была установлена скрытая аппаратура. Сначала в эту комнату завели и посадили Бурхана Шахиди. Увидев входящих детей, он бросился им навстречу и словами благодарности в адрес партии и Мао Цзэдуна стал их обнимать. Так как своих детей он не видел уже 6 лет, стал общаться с каждым из них по отдельности, интересуясь состоянием дел и здоровьем. При этом, вспомнив о том, что дочь Илфира изучала арабский язык, у нее по-арабски спросил: «Все ли твои дела хороши?» Дочь ответила также по-арабски, что неплохо. В тот же миг, в комнату свидания вбежал сотрудник группы по ведению дел, который тайно записывал разговоры, и крикнул: «Запрещается разговаривать на непонятном языке». Оказалось, что для прослушивания и записи разговоров были приглашены сотрудники, владевшие уйгурским и русским языками. Когда разговор с дочерью Илфирой пошел на непонятном для этих сотрудников языке, сотрудник, ответственный за запись, ничего другого не мог придумать и поступил именно так. В биографическом очерке на уйгурском языке сообщается и о втором свидании Шахиди с детьми. Однако время проведения этого свидания не указано. Там сказано лишь о том, что когда Бурхана Шахиди после свидания стали уводить в камеру, он прощался словами: «До встречи в Пекине». Действительно, после первой встречи с детьми он содержался в тюрьме лишь около двух лет. 10 июля 1975 года Бурхан Шахиди был освобожден как тяжелобольной, с условием нахождения в Урумчи под присмотром органов государственной безопасности. Ниже приводится фотография, сделанная в день освобождения из тюрьмы.

На обратной стороне фотографии рукой Бурхана Шахиди написано: «10-го 7 месяца 1975 года после выхода из тюрьмы».

1975-يىلى 7-ئاي 10-دە
تۇرۇپ دەپ ھېقىقەتەن ئېلىپ
7-ئاي ئېلىپ تۇرۇپ ھېقىقەتەن
دەپ

Освобождение Бурхана Шахиди из тюрьмы по болезни в источниках преподнесено как событие, произошедшее само по себе. Основываясь на мировой практике в этой области, могу сказать, что по болезни из тюрьмы на основании заключения врачебной комиссии освобождают лишь безнадежно больных для того, чтобы они могли принять смерть дома. К тому же, тюремная система Китая в годы «культурной революции» особым гуманизмом не отличалась. Для того чтобы понять это, достаточно вспомнить горькую судьбу Лю Шаоци и Пэн Дэхуая. В 1969 году больного Лю Шаоци перед смертью закрыли в тюрьму, а Пэн Дэхуай, которого постоянно избивали, долго болел в тюрьме раком и 29 ноября 1974 года там же скончался. Исходя из этого, следует предположить, что такое важное событие, как освобождение из тюрьмы по болезни, не могло произойти без вмешательства лиц, наделенных властными полномочиями. На мой взгляд, этим человеком был Дэн Сяопин. Меня на эту мысль натолкнул факт совпадения по времени таких событий, как освобождение Шахиди из тюрьмы по болезни, его возвращение в Пекин и восхождение Дэн Сяопина на политическую арену [107]. После освобождения из тюрьмы Бурхан Шахиди вернулся в старый дом на улице Янгханг, где проживал еще в начале 20-х годов. Он обязан был регулярно письменно докладывать в органы государственной безопасности о своей жизни. В связи с освобождением отца, дети стали писать письма в государственные органы с просьбой о разрешении привезти его на лечение в Пекин. Эти письма до разоблачения «Банды четырех» оставались без внимания и ответа. Как сказано в биографическом очерке на уйгурском языке, после ликвидации этой банды, в квартиру, где проживала Рашида Шахиди,

пришел начальник специального управления и сказал о необходимости прислать в Урумчи человека для того, чтобы привезти Бурхана Шахиди в Пекин на лечение. За отцом в Урумчи поехал сын Илшат. Перед отъездом из Урумчи Бурхан Шахиди сфотографировался с сыном Илшатом во дворе старого дома на улице Янгханг. По неизвестной причине часть старого дома на заднем плане закрыта тканью. Предлагаю вниманию читателя эту фотografiю.

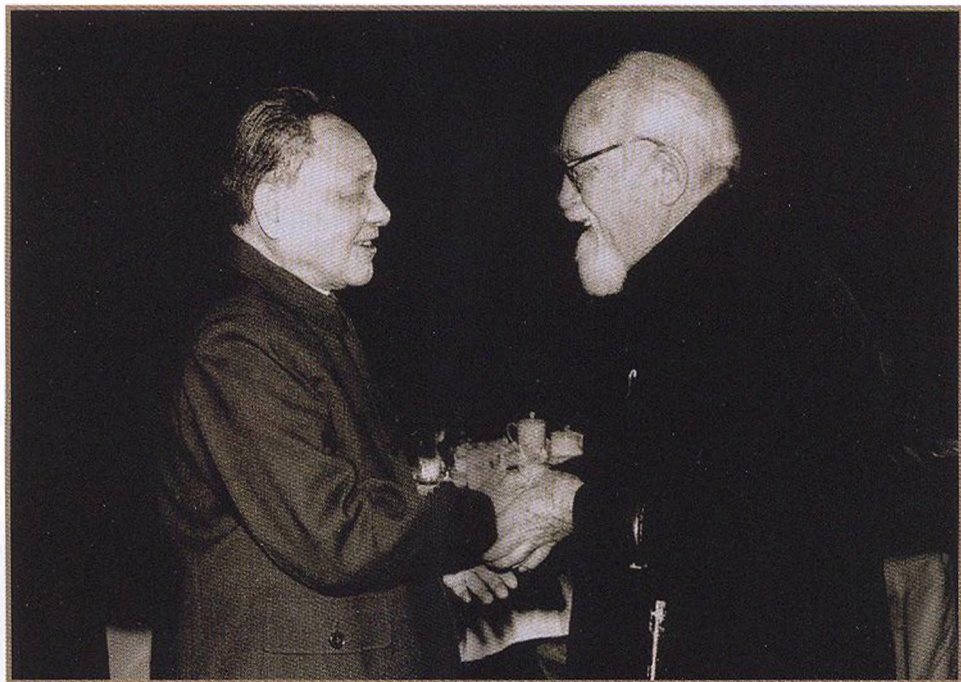

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ АРЕНУ

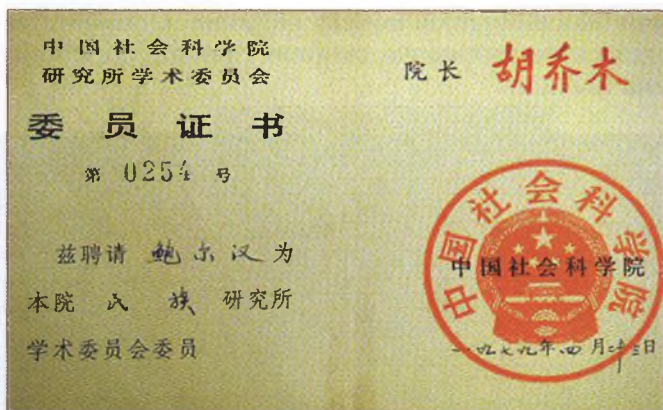
26 ноября 1977 года в одном из аэропортов Пекина совершил посадку самолет рейсом из города Урумчи. Среди пассажиров этого самолета был 84-летний Бурхан Шахиди, выехавший 11 лет назад в Урумчи для принятия критики и получивший разрешение вернуться в Пекин для прохождения лечения в клинике. Обессиленный в результате длительного пребывания в тюремной камере, он выходил из самолета, придерживаемый сыном. Спустившись таким образом с трапа самолета, он был окружен группой встречавших. Увидев своих детей, Шахиди словно почувствовал прилив сил. И это естественно, так как многие годы, сидя в темной тюремной камере, он мечтал об этом дне. Сердце старика переполняла радость. Ведь встречать Бурхана Шахиди пришли все, кроме жены Рашиды, находившейся в больнице и младшей дочери Илфиры, которая ухаживала за больной матерью. За время его отсутствия в Пекине количество родственников прибавилось, так как дочери Илчан и Илсуяр вышли замуж и приехали встречать отца с мужьями. Шахиди пришлось по душе зятья, которых увидел впервые, и он благословил детей. Среди встречавших были и заинтересованные кадры управления по надзору за делами правительственных органов. Несмотря на официальность обращения к себе, Бурхан Шахиди в их глазах заметил искру доброжелательности. Исходя из этого, он сделал для себя положительные выводы, которые вселяли надежду на будущее. Бурхана Шахиди прямо из аэропорта доставили в клинику Шиэхэ (Xiehe) для проведения общей диагностики и назначения лечения. В этой клинике он был обследован высококвалифицированными специалистами и начал проходить лечение. В результате хорошего лечения и доброжелательного отношения со стороны окружения, Бурхан Шахиди за короткий срок, к началу 1978 года восстановил здоровье до удовлетворительного состояния. Кроме этого, весной 1978 года он вернулся на политическую арену. С началом «культурной революции» в Китае были распущены все общественные организации, кроме Народного политического консультативного совета Китая, членом которого Бурхан Шахиди оставался, даже находясь в тюрьме. В период с начала 1965 года по 1978 год включительно, ВК НПКС бездействовал и его сессии не проводились. После длительного перерыва первая сессия ВК НПКС 5-го созыва была проведена в период с 24 февраля по 8 марта 1978 года. Сессия избрала председателем ВК НПКС 5-го созыва Дэн Сяопина. Среди участвовавших в работе сессии 1988 членов ВК НПКС, был и Бурхан Шахиди. В дни прохождения этой

сессии фотографом был запечатлен момент общения Бурхана Шахиди с Дэн Сяопином. На представленном вниманию читателя снимке, Дэн Сяопин спрашивает о здоровье у Бурхана Шахиди.

Вскоре после завершения сессии ВК НПКСК, Бурхан Шахиди переселился в новую квартиру. Осенью 1978 года он стал членом ВК НПКСК на постоянной основе. Помимо возвращения на политическую арену, Шахиди возобновил и научную деятельность. Есть сведения о продолжении им с начала 1979 года научных исследований в Академии социальных наук. У дочери Бурхана Шахиди Илсуяр хранится удостоверение, выданное в 1979 году Китайской академией социальных наук, которое было сфотографировано в Пекине Иреком Мунировичем Закировым. Перевод текста этого удостоверения следующий: «Исследовательский комитет Института Китайской академии социальных наук. Удостоверение члена №2054. Приглашаем Бо Ер Хана на должность члена исследовательского комитета Института по изучению национальностей нашей академии. Ректор Ху Чаому. Китайская академия социальных наук. Печать. 23 апреля 1979 года».

На следующей странице приводится фотокопия этого удостоверения.

В биографическом очерке сообщается о создании в 1979 году по инициативе Бурхана Шахиди и группы специалистов Общества тюркологов КНР. Руководство этим обществом Шахиди взял на себя. Общество кроме научных исследований в области тюркологии проводило и ежегодные конференции. На этой фотографии запечатлен момент проведения в 1981 году 3-й конференции Общества тюркологов КНР.

Я с начала 80-х годов и до развала СССР получал по почте и с большим интересом знакомился с каждым номером журнала «Советская тюркология», издаваемого в столице Азербайджанской ССР городе Баку. О том, что там находил какие-то сведения о китайских тюркологах, не припоминаю. А вот о том, что труд известного тюрколога, профессора Гамбургского университета Аннемари фон Габен (von Gabain) «Древнетюркская грамматика», трижды изданный в Германии (в 1941, 1950 и 1974 гг.), переведен на турецкий язык, узнал благодаря этому журналу. В период с 1902-го по 1914 год в Синьцзяне были проведены 4 археологические экспедиции под руководством немецких ученых – профессора А. Грюнведеля и доктора Ле Кока. Результаты этих экспедиций были ошеломляющими. В Берлин были привезены находки в 423 ящиках весом от 80 до 100 килограммов, среди которых тысячи предметов искусства, образцы стеной росписи и около 40000 фрагментов рукописей. Эти рукописи исполнены на бумаге, коже, дереве, пергаменте, камне и содержат тексты, написанные более 20 видами письма на многих языках. Многие из них написаны на фарси, уйгурском и древнетюркском языках. С Аннемари фон Габен Бурхан Шахиди познакомился в 1930 году во время учебы в Берлинском университете. Тогда она занималась изучением вышеупомянутых рукописей. Имея информацию о том, что Аннемари фон Габен в результате их изучения написала много трудов по тюркологии, Бурхан Шахиди через Академию социальных наук КНР пригласил ее в Пекин на встречу с китайскими тюркологами для обмена опытом и знаниями. Сохранилась фотография, где запечатлен момент прибытия профессора Аннемари фон Габен, посетившей Пекин в возрасте 81 года.

На снимке Бурхан Шахиди встречает профессора Аннемари фон Габен.

28 марта 1980 года постановлением Комитета КПК Синьцзяно-Уйгурского автономного района Бурхан Шахиди был полностью реабилитирован и восстановлен в партии. После этого постановления наблюдалось заметное оживление его политической деятельности. На 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва Бурхан Шахиди был избран членом Комитета по внесению поправок в Конституцию Китайской Народной Республики. Руководителем комитета был избран Дэн Сяопин, а его заместителем Пэн Чжень. 12 сентября 1980 года открылась 3-я сессия ВК НПКСК 5-го созыва. На сессии Бурхан Шахиди единогласно был избран заместителем председателя ВК НПКСК Дэн Сяопина. В биографическом очерке на уйгурском языке сказано, что в заседаниях Комитета по внесению поправок в Конституцию КНР Бурхан Шахиди принимал активное участие. Первое заседание этой комиссии проходило 29 сентября 1980 года в здании ВК НПКСК, возможно, по той причине, что руководителем обоих комитетов был Дэн Сяопин.

На снимке: председатель Комитета по внесению поправок в Конституцию КНР Дэн Сяопин (на переднем плане слева) перед началом первого заседания докладывает о задачах, поставленных перед комитетом. За первым столом справа Бурхан Шахиди.

На заседаниях комитета Бурхан Шахиди проявлял особую активность при обсуждении вопросов о внесении в проект поправок в Конституцию статей, касавшихся национальных меньшинств и религии. 2 мая 1982 года Бурхан Шахиди

дал интервью агентству «Синьхуа» о работе комитета над проектом внесения поправок в Конституцию КНР. В биографическом очерке на уйгурском языке приведены извлечения из данного интервью. Из содержания интервью видно, что Шахиди при обсуждении вопросов выступал за расширение полномочий в области экономики и культуры административных единиц, где проживают национальные меньшинства. В этом же очерке приведена выдержка из выступления Бурхана Шахиди по вопросу внесения в проект статьи в отношении религии. Излагая свое мнение, он сказал: «В проект внесения поправок в Конституцию желательно включить некоторые статьи Конституции 1954 года, предварительно их несколько усовершенствовав. Необходимо конституционно закрепить свободу вероисповедования. Это полностью соответствует идеям марксизма. В нашей стране очень много истинно верующих, и они в большинстве своем патриотически настроены. Закрепление государством за гражданами права выбора исповедовать религию или нет, ими будет воспринято как уважение к их религиозным чувствам. Такая постановка вопроса приведет к активности верующих в деле процветания страны и принесет лишь пользу» [108]. Похоже, что Шахиди отдельно обменивался мнениями и с руководителями комитета. На фотографии, сделанной в 1981 году в дни прохождения 4-й сессии ВСНП 5-го созыва, он обсуждает вопрос с заместителем председателя Комитета по внесению поправок в Конституцию КНР Пэн Чжэнем [109].

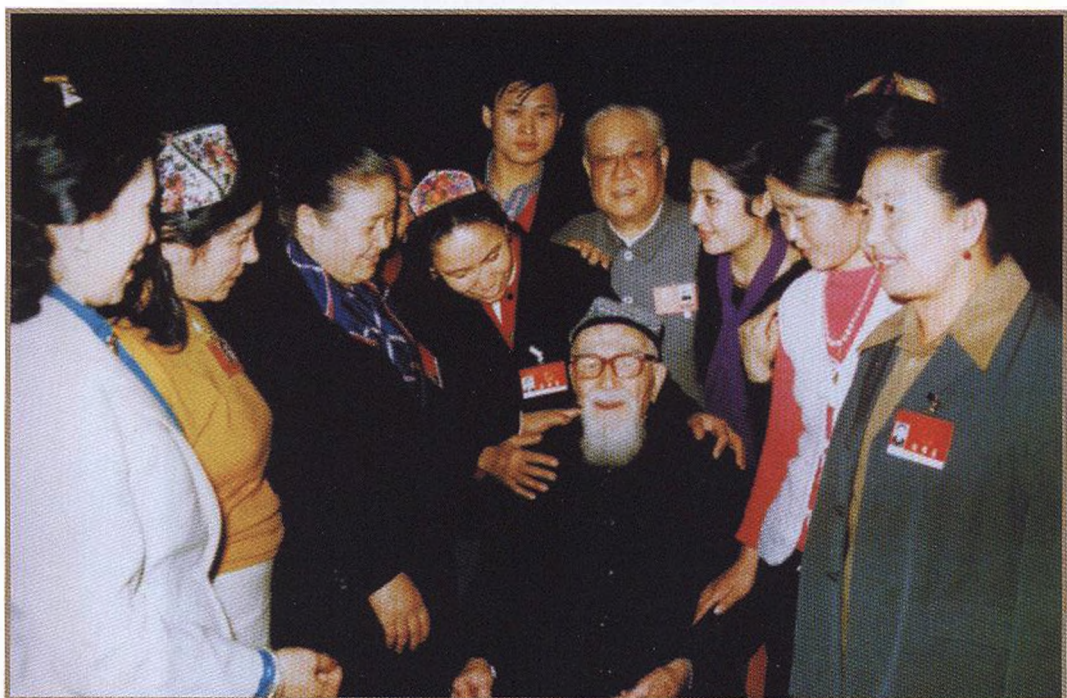
Говоря о трудовой деятельности Бурхана Шахиди в период с 1978-го по 1988 год, необходимо подчеркнуть его особую заботу о национальных меньшинствах. В Пекине он регулярно посещал все политические и культурные мероприятия с уча-

ствием представителей национальных меньшинств. В ходе этих мероприятий Шахиди общался с представителями национальных меньшинств и интересовался их жизнью. Руководители административных единиц, где компактно проживали национальные меньшинства, постоянно приезжали к Бурхану Шахиди советоваться по важным вопросам. Он не только давал советы, а путем обращений в официальные органы практически помогал решать проблемы, возникшие в этих административных единицах. Один из таких случаев описан в биографическом очерке на уйгурском языке. В 1986 году было запланировано строительство гидроэлектростанции на реке Текес (приток реки Или, длина 438 километров, верховье на территории Республики Казахстан) в Текесском уезде Или-Казахского автономного округа СУАР. Денежных средств на строительство по неизвестной причине было выделено в недостаточном количестве. Поэтому не могли приступить к строительству. Текесский уезд расположен в местности, известной в России как Семиречье, где в основном проживают казахи, монголы и киргизы. Кроме перечисленных, в Семиречье компактно проживает значительное количество труженников русской и татарской национальности, предки которых переселились туда еще в XIX веке. Необходимость строительства Текесской гидроэлектростанции была вызвана отсутствием электроэнергоснабжения в этой местности даже в конце 20-го столетия. Руководители Текесского уезда, вызванные в Пекин по каким-то делам, посетили Бурхана Шахиди и в ходе беседы сообщили об этой проблеме. Для практического разрешения этого вопроса Бурхан Шахиди письменно обратился к министру финансов КНР, где подробно изложил те обстоятельства, которыми была вызвана необходимость строительства гидроэлектростанции, и от себя лично просил помочь в решении этого вопроса. В результате финансирование было пересмотрено, что позволило начать строительство. Через два года Текесская гидроэлектростанция вступила в строй и стала снабжать электроэнергией не только Текесский уезд, а всю северо-восточную территорию СУАР, в том числе и Семиречье [110].

На многих из сохранившихся фотографий Бурхан Шахиди запечатлен рядом с представителями национальных меньшинств. На следующей странице предлагаю вниманию читателя две из таких фотографий. На первой фотографии председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Дэн Иньчао [111] и ее заместитель Бурхан Шахиди запечатлены 29 марта 1985 года с представителями национальных меньшинств, прибывших в Пекин для участия в 3-й сессии ВК НПКСК 6-го созыва. На второй фотографии Бурхан Шахиди с представителями национальных меньшинств, заселяющих территорию Синьцзяно-Уйгурского автономного района КНР. В сборнике фотографий без указания даты заснятия просто сказано, что некоторые из этих представителей национальных меньшинств – делегаты сессии ВСНП, представляющие СУАР, а некоторые – члены ВК НПКСК. На мой взгляд, вторая фотография была сделана либо в том же 1985 году, либо годом позже. На обеих фотографиях возраст Бурхана Шахиди примерно одинаковый.

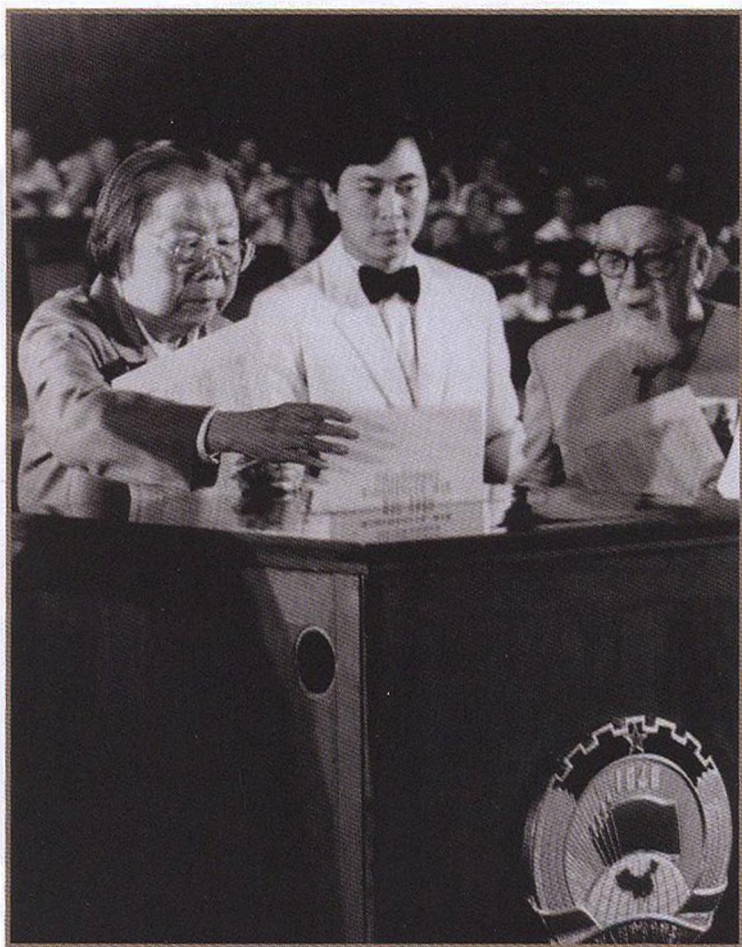
На снимке шестая слева – Дэн Инчао, седьмой – Бурхан Шахиди.

В центре фотоснимка Бурхан Шахиди, придерживаемый сзади дочерью Илсуяр.

17 июня 1983 года на 1-й сессии ВК НПКСК 6-го созыва Бурхан Шахиди на новый пятилетний срок был избран заместителем председателя. Свои обязанности он исполнял в течение пяти лет и 28 февраля 1988 года, откликнувшись на призыв ЦК КПК об омолаживании кадров, в 94-летнем возрасте подал заявление на имя председателя ВК НПКСК Дэн Инчао с просьбой об освобождении от должности заместителя председателя. Его просьба была удовлетворена. Сама Дэн Инчао к этому времени была в возрасте 84 лет. Возможно, по этой причине она отказалась выставлять свою кандидатуру на 1-й сессии ВК НПКСК 7-го созыва, открывшейся 24 марта 1988 года. На этой сессии председателем ВК НПКСК был избран Ли Сяньнянь.

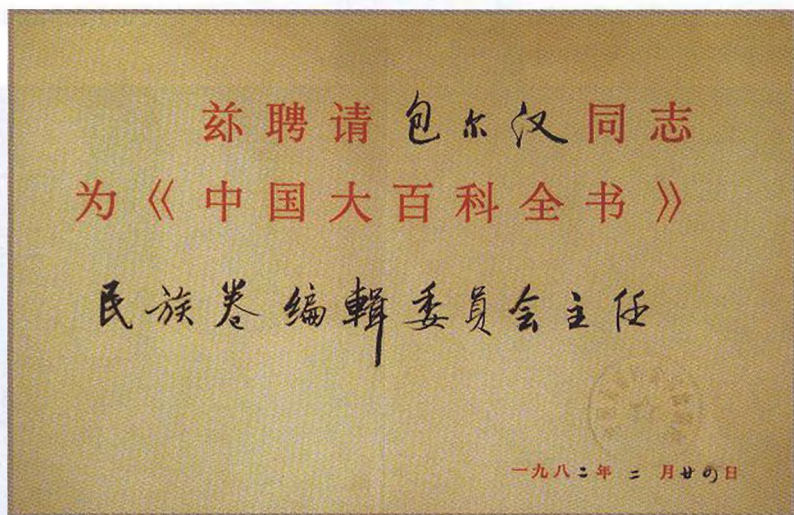
Сохранилась фотография, сделанная в дни прохождения 2-й сессии НПКСК 6-го созыва, где запечатлены Дэн Инчао и Бурхан Шахиди в момент опускания в урну избирательных бюллетеней.

Фотография Бурхана Шахиди, где он заснят 27 мая 1983 года совместно со всеми членами компартии 9-й ячейки КПК, состоявшей из членов ВК НПКСК 5-го созыва, была помещена в статью «Легендарный сын села Аксу», напечатанную в 7-м номере федеральной просветительской газеты «Татарский мир» за 2010 год. В статье содержится ошибочный комментарий к фотографии, согласно которому Бурхан Шахиди запечатлен 27.05.1983 года с руководством Китая. Всекитайский комитет Народного политического консультативного совета Китая к органам государства не относится. ВК НПКСК – представительная организация единого фронта. Через него принимают участие в политических делах и политических консультациях демократические партии, общественные организации и деятели общественности. ВК НПКСК в себе объединяет представителей КПК, демократических партий в количестве восьми, общественных организаций и групп (включая Гонконга, Макао и Тайваня). Он не является властной структурой и законодательным органом. Как важная составная часть политической системы Китая, является консультативным органом, наделенным функциями контроля. ВК НПКСК осуществляет контроль за соблюдением Конституции. Он также наделен и законодательной инициативой. После правильного комментария предлагаю вниманию читателя эту фотографию.

Ранее было упомянуто о том, что с начала 1979 года Бурхан Шахиди продолжил свою научную деятельность. Возвращаясь к этой теме, хочу более подробно рассказать об этом. Начну с перечисления его научных трудов. В 1-м номере журнала «Изучение национальностей» за 1979 год была помещена статья Бурхана Шахиди под названием «О некоторых вопросах по истории Синьцзяна». В 1-м номере вестника Общества исследования российско-китайских отношений была опубликована статья Шахиди «Шэн Шицай в Синьцзяне». В 79-й номер «Исторических материалов», изданный в 1982 году ВК НПКСК, была включена статья Бурхана Шахиди «Возникновение и ликвидация пантюркизма и панисламизма в Синьцзяне». В конце 1984 года издательством ВК НПКСК была выпущена книга Бурхана Шахиди «50 лет жизни в Синьцзяне» на китайском языке. В том же году в 17-м номере газеты «Красное знамя» была напечатана его статья «Десять тысяч верст вдоль Тянь-Шаня». В сентябре 1985 года в «Газете народного политического совета» была опубликована статья Шахиди «В окружении империалистических держав». Перед тем, как рассказать об одном объемном труде Бурхана Шахиди, хочу показать читателю фотокопию документа, хранящегося у его дочери Илсуяр.

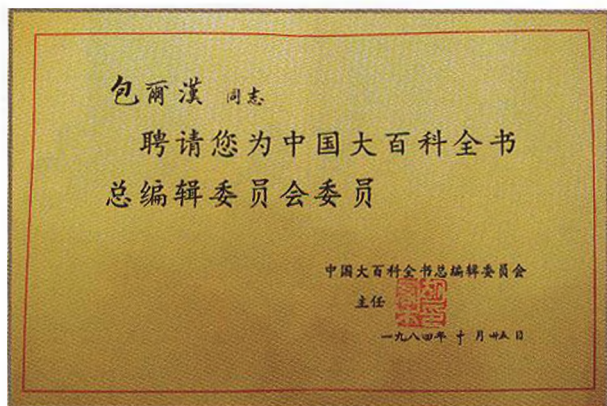

Перевод текста этого документа следующий: «Приглашаем товарища Бо Ер Хана на должность заведующего редакторским комитетом тома по национальностям «Большой Энциклопедии Китая». Издательство «Большой Энциклопедии Китая» (печать) 24 февраля 1982 г.».

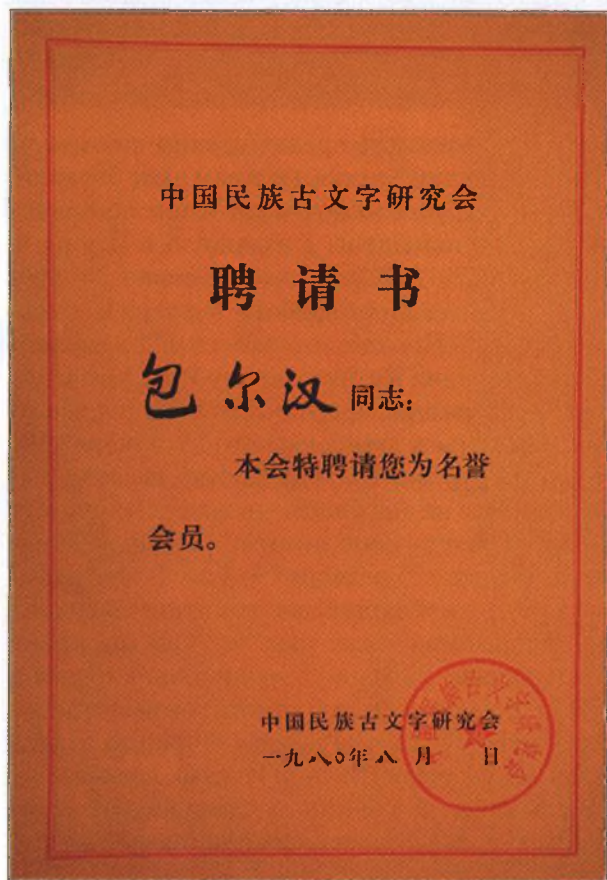
На следующей странице помещена фотография, где Бурхан Шахиди запечатлен совместно с членами редакторского комитета тома по национальностям «Большой Энциклопедии Китая». Снимок сделан 28 февраля 1982 года.

Бурхан Шахиди не только осуществлял руководство редакторским комитетом тома по национальностям «Большой Энциклопедии Китая», но и сам внес большой научный вклад в составление этого тома. Его труды, включенные в том по национальностям «Большой Энциклопедии Китая», помещены в изданную в Пекине в 1989 году под редакцией Ию Нонь «Антологию Бо Ер Хана», где занимают 20 страниц этого сборника [112]. Сведений о продолжительности работы Бурхана Шахиди на этой должности в источниках не обнаружил. Похоже, что работа над изданием тома по национальностям «Большой Энциклопедии Китая» к концу 1984 года была уже завершена. На эту мысль наталкивает содержание другого приглашения редакторского комитета «Большой Энциклопедии Китая», датированного 25 октября 1984 года. В этом документе, хранящемся у дочери Бурхана Шахиди Илсуяр, сказано следующее: «Товарищ Бо Ер Хан! Приглашаем Вас на должность члена редакторского комитета «Большой Энциклопедии Китая». Редакторский комитет «Большой Энциклопедии Китая». Заведующий Ху Чаому. (печать) 25 октября 1984 г.». В биографическом очерке на уйгурском языке отмечено, что в редакторском комитете «Большой Энциклопедии Китая» Бурхан Шахиди проработал более трех лет. Однако, кроме трудов, включенных в том по национальностям, сведений о наличии его трудов в других томах энциклопедии не обнаружил. Возможно, в этот комитет он был приглашен как знаток древних китайских иероглифов. К такому выводу я пришел исходя из другого приглашения, также хранящегося у дочери Шахиди Илсуяр, где сказано: «Товарищ Бо Ер Хан! Приглашаем Вас в качестве почетного члена нашего совета. Всекитайский исследовательский совет древней национальной письменности. Август 1980 г.».

На этом снимке приглашение редакторского комитета от 25 октября 1984 года

Предлагая вниманию читателя фотокопию приглашения от августа 1980 года, хочу сделать следующее пояснение. По данным известного тюрколога, доктора филологии Амира Назипа, Бурхан Шахиди знал около 6 тысяч иероглифов, а китайскую историю и язык, особенно его чугучакский диалект, знал лучше многих китайских ученых [113]. Именно по этой причине он и был приглашен в 1980 году почетным членом Всекитайского исследовательского совета древней национальной письменности. Необходимо отметить, что за три недели до получения приглашения на должность члена редакторского комитета «Большой Энциклопедии Китая» Бурхан Шахиди отметил свое 90-летие. Несмотря на это, он сохранил отличную память и ясный ум. Со слов его детей, такому уму могли позавидовать и молодые.

Ниже приводится фотография, сделанная в день 90-летия Бурхана Шахиди, где он запечатлен с женой Рашидой.

Очень много трудов Бурхана Шахиди приходится на последние 10 лет его жизни. В биографическом очерке на уйгурском языке сообщается о его избрании почетным председателем Всекитайского исламского общества на 4-м съезде, проходившем в мае 1980 года. Очевидно, что Шахиди непосредственное руководство обществом не осуществлял. Между тем, он принимал активное участие во всех мероприятиях, проводимых обществом. Среди видеоматериалов, переданных родственниками в КНР, очень много заснятых во время проведения мероприятий этим обществом. Во всех видеосюжетах Бурхана Шахиди видим в президиуме, слушающим выступления со слуховым аппаратом. Этот передвигающийся с посторонней помощью почтенный старец всегда в центре внимания. Многие из этих мероприятий начинаются с его выступления. О непосредственном участии Шахиди в других делах исламского общества сведений не нашел. В 2007 году, в ходе ознакомления с достопримечательностями Пекина, вместе с детьми Бурхана Шахиди Илсуяр и Илшат посетили старинную мечеть «Минали» и Исламский университет. Обратив внимание на то, что религиозные деятели и простые служащие к нам с Иреком Мунировичем относятся с особым уважением, поинтересовались причиной этого. Из ответа узнали, что такое уважение к нам проявляют как к родственникам Бурхана

Шахиди. Оказывается, многие из них были близко знакомы с ним, а некоторые даже получали у него уроки, когда учились в Исламском университете. Мы были приятно удивлены, узнав, что Бурхан Шахиди не только преподавал в Исламском университете, а был еще и его ректором. Почти до конца своей жизни Бурхан Шахиди принимал участие в проводимых мероприятиях. На представленной ниже фотографии запечатлено его участие в 5-м съезде Всекитайского исламского общества, проходившем весной 1987 года.

В биографическом очерке на уйгурском языке сообщается о неоднократном участии Бурхана Шахиди в мероприятиях, посвященных встрече иностранных делегаций мусульман и иностранных религиозных деятелей. Считаю необходимым вкратце рассказать о некоторых из них. Бурхан Шахиди дважды (в октябре 1980 года и августе 1984 года) встречал своего друга – ранее упомянутого Верховного муфтия Йемена шейха Саид Ахмада ибн Мухаммада Забара. В очерке сообщается, что при приезде в 1984 году он был приглашен Бурханом Шахиди в гости. В очерке также сообщается о том, что Шахиди в июне 1982 года встречал делегацию представителей Общества мусульман Ливана, в ноябре 1985 года – делегацию мусульманских ученых Пакистана и принимал участие в мероприятиях в честь их приезда и с их участием. На сохранившейся с тех времен фотографии Бурхан Шахиди запечатлен с представителями Общества мусульман Ливана.

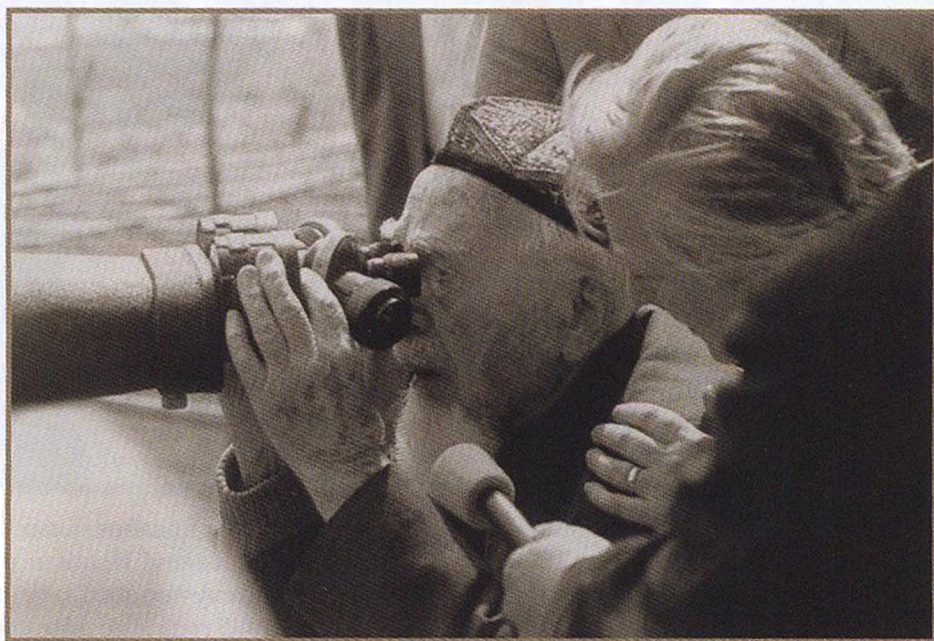
В биографическом очерке на уйгурском языке сообщается об участии Бурхана Шахиди в собрании, проведенном 8 октября 1986 года в Пекине с участием представителей Всемирного совета мусульман. Среди видеоматериалов, привезенных из Урумчи, есть сюжеты с этого собрания и с переговоров, проведенных после собрания. По причине отсутствия каких-либо сведений о вопросах, рассмотренных в ходе этого собрания и переговоров, с помощью аспирантки Казанского (Приволжского) федерального университета, филолога Чжоу Сяухэн попытались вникнуть хотя бы в тему переговоров. Ввиду того, что при съемке видеоматериалов основное внимание обращено на моменты приветствия, а процесс собрания и переговоров заснят фрагментально и с большими паузами между фрагментами, мы не смогли понять как тему, так и содержание переговоров. Достоин внимания лишь один фрагмент, где страдающий проблемами слуха Бурхан Шахиди, заметив хитрый взгляд руководителя делегации Всемирного совета мусульман, своей дочери Илсуяр, присутствовавшей как личный секретарь отца, задает вопрос: «Этот человек говорит что-нибудь о сохранении мира на земле?» Среди видеоматериалов есть сюжеты с собрания, проведенного 4 декабря 1987 года в Пекине Обществом сплоченности мусульман мира. Однако здесь те же проблемы с видеосюжетами: также в основном засняты выступления с приветствиями и моменты прослушивания Корана. Среди них есть и сюжет с кратким выступлением Бурхана Шахиди на арабском языке. Встреча иностранных делегатов, прибывших на это собрание, также была поручена Бурхану Шахиди. На предлагаемой вниманию читателя фотографии запечатлен момент беседы Бурхана Шахиди с одним из прибывших иностранных делегатов до начала собрания.

Несмотря на свой преклонный возраст, Бурхан Шахиди принимал активное участие и в общественной жизни. 18 марта 1982 года весь народ Пекина был призван на озеленение города. Откликнувшись на призыв, 88-летний Бурхан Шахиди прибыл в сад Лушанху и, как все граждане Пекина, сам лично посадил деревья. На фотографии ниже запечатлен этот момент.

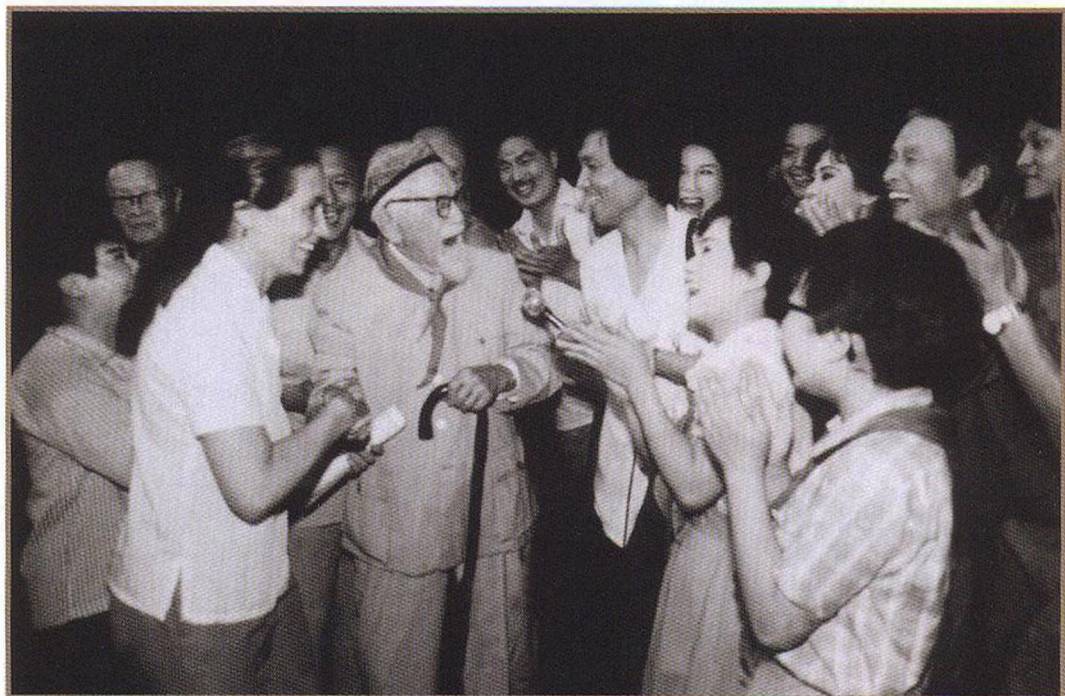
24 августа 1985 года в Китай была возвращена партия кандагаев в количестве 20 особей. Кандагай – редкий вид оленей, обитавший ранее на территории Китая. Начиная с 1865 года их усиленно стали вывозить за границу, а оставшихся беспощадно истребляли. К 1900 году в Китае оставалось всего несколько особей в южном парке императорского дворца Наньюань. В результате войны в начале XX века они разбежались, и этот вид животных в Китае полностью исчез. Указанные 20 особей были подарены Китаю маркизом де Тавестук из стада кандагаев со своего личного парка в окрестности Лондона. Для оказания помощи по уходу за животными до полной их акклиматизации он откомандировал в Китай госпожу Майю, состоявшую в своем штате работников. Бурхан Шахиди принял участие в торжествах по случаю возвращения кандагаев. Для сохранения этих животных в Китае был создан специальный Фонд кандагая. На учредительном собрании фонда Бурхан Шахиди был избран почетным председателем.

На снимке Бурхан Шахиди и госпожа Майя ведут наблюдение за кандагаями.

Кроме этого, Бурхан Шахиди был еще и членом Комитета защиты семьи и прав ребенка. Как член этого комитета он ежегодно участвовал в мероприятиях, посвященных Дню защиты детей, проводимых 1 июня в Пекине. Этот седобородый старец ежегодно 1 июня находился в местах проведения мероприятий в окружении детей с красными галстуками. Дети его встречали с любовью и уважением. Воспитание нового поколения Бурхан Шахиди считал важнейшей задачей. Поэтому на эти мероприятия он приходил подготовленным и проводил с детьми

беседы на увлекательные темы. И в обычные дни Шахида уделял внимание этому вопросу. Он контролировал работу некоторых специальных школ и принимал активное участие в проводимых ими мероприятиях. Бурхан Шахида проявлял особый интерес к детскому искусству. 11 июня 1985 года он в театре «Вухан» смотрел детский спектакль «Двое учеников, перешедшие в другую школу». Бурхан Шахида, восхищенный талантом юных артистов, после спектакля подошел к ним и долго беседовал. Их в этот момент сфотографировали.

По причине особого внимания Бурхана Шахида к проблемам национальных меньшинств их представители относились к нему с большим уважением. Шахида всегда старался принять участие в мероприятиях, организованных по случаю событий, имеющих важное значение для этих национальностей. 1 октября 1985 года в Урумчи состоялись праздничные торжества по случаю 30-летия образования Синьцзяно-Уйгурского автономного района КНР. В составе делегации, направленной на эти торжества ЦК КПК под руководством Ван Цзена, был и Бурхан Шахида. Он был назначен заместителем руководителя этой делегации. Руководством Синьцзяно-Уйгурского автономного района была составлена большая программа праздника, согласно которой проведение праздничных мероприятий было запланировано на несколько дней. Все эти мероприятия планировались с участием всех членов делегации ЦК КПК. Делегацию ЦК КПК прямо из аэропорта встретил сам председатель правительства СУАР Исмаил Ахмед. В момент встречи членов делегации и встречающих сфотографировали.

На снимке справа налево: первый – Исмаил Ахмед, второй – Ван Цзен, третий – Бурхан Шахиди, четвертый – Ван Эньмао. Впереди в коляске – маршал Тао Чжиюе.

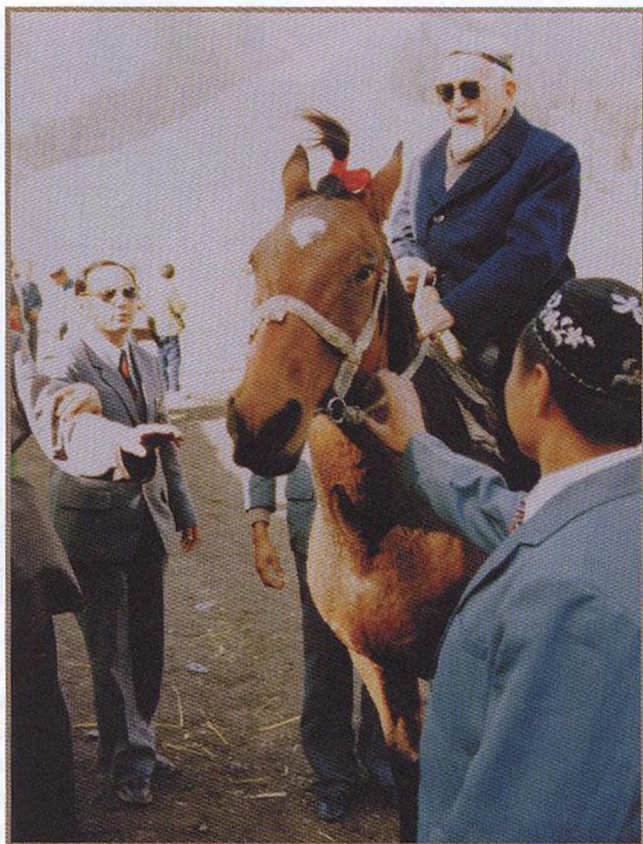
В биографическом очерке на уйгурском языке сказано, что Бурхан Шахиди кроме активного участия во всех мероприятиях, предусмотренных программой праздника, также знакомился со всеми новостями Синьцзяна. Там же сообщается о том, что 2 декабря 1985 года он знакомился с выставкой по истории и национальных обычаях, организованной в Национальном музее СУАР КНР. Во время осмотра выставки у Шахиди сильно болели ноги, поэтому по музею его передвигали в инвалидной коляске. В тот же день, после ознакомления с выставкой, Шахиди совместно с членом делегации Хау Цзианшиу посетил места проживания дехканов уйгурской, казахской и монгольской национальности. К некоторым из них заходили в жилище и знакомились с их бытом и образом жизни. В названном биографическом очерке сказано, что перед тем как зайти в жилище дехканов, Бурхан Шахиди вставал с коляски и заходил туда на своих ногах. На одной из фотографий с того мероприятия Бурхан Шахиди в качестве гостя уйгурской семьи знакомится с условиями их жизни.

Хозяин казахской войлочной юрты пригласил Хау Цзианшиу и Бурхана Шахиди пройти на ее самое почетное место. Бурхан Шахиди со словами: «Вы гость, почетное место для гостей, а мы здесь хозяева» – предложил пройти туда Хау Цзианшиу, а сам остался возле хозяев юрты, чем вызвал смех окружающих. На третий день Бурхан Шахиди и члены делегации посетили Нянсан, где проводились национальные игры и состязания. Казахи Нянсана в честь праздничных торжеств организовали «аламан байга» (конные скачки на длинную дистанцию), «коклар» (борьба всадников за овладение тушей козла), «кыз куу» (догони девушку), «аударыспак» (борьба на лошадях) и другие национальные игры. Во время состязаний к Бурхану Шахиди подходили и спрашивались о его здоровье многие друзья и знакомые из числа жителей Нянсана. Среди казахов Нянсана Бурхан Шахиди имел большой авторитет, завоеванный еще в середине 40-х годов прошлого столетия. Поэтому считаю, что есть необходимость вернуться к этим годам, когда еще Шахиди был мэром города Урумчи, и рассказать о некоторых событиях, произошедших в этой местности. В период с 1944-го по 1945 год бандиты под руководством Усмана постоянно нападали на казахов Нянсана, отбирали у них имущество и уводили большое количество скота. Благодаря стараниям Бурхана Шахиди с разрешения правительства население Нянсана было обеспечено оружием, что позволило создать отряд самообороны из 80 человек. Среди бандитов Усмана были и случайно оказавшиеся в банде. Некоторые из них были выходцами из Нянсана. Таким Шахиди помог вернуться к нормальной жизни, добившись их освобождения.

дения от наказания. После всего этого жители Нянсана к нему стали относиться с особым уважением.

В день проведения в Нянсане национальных игр Бурхану Шахиди исполнился 91 год. Несмотря на свой почтенный возраст, он без посторонней помощи запрыгнул, сел на коня, чем удивил всех присутствовавших на играх. На фотографии запечатлен этот момент.

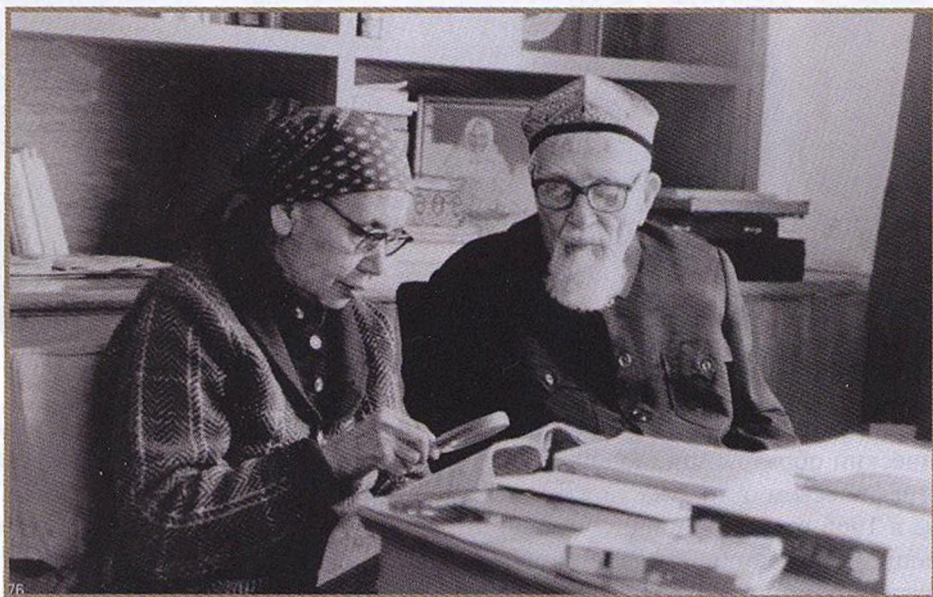
Делегация под руководством Ван Цзена приняла участие во всех праздничных мероприятиях, проходивших до 9 октября 1985 года. Делегаты знакомились с работой заводов и фабрик, встречались с трудящимися и обменивались мнениями. 10 октября 1985 года делегация отбыла в Пекин [114]. Если на праздновании 30-летия образования СУАР Бурхан Шахиди побывал в составе делегации, то на другие торжества, посвященные 40-летию образования автономного района Внутренняя Монголия, он приезжал по специальному приглашению. 1 мая 1987 года Бурхан Шахиди прибыл в столицу Внутренней Монголии город Хух-Хото для участия в этих торжествах. Его приезд на эти торжества был запечатлен фотокорреспондентом.

Эта фотография также была помещена в статью «Легендарный сын села Аксу» в газете «Татарский мир» и ошибочно прокомментирована как «встреча Шахи-ди в Синьцзяне в 1987 году». Внутренняя Монголия не находится на территории Синьцзяно-Уйгурского автономного района. Эти административные единицы Китайской Народной Республики одинаковы по своему рангу. Причем автономный район Внутренняя Монголия, созданный 1 мая 1947 года, был самой первой автономной административной единицей на территории Китая. Для более полного уяснения отношения Бурхана Шахи-ди к национальным меньшинствам, необходимо дать читателю хотя бы краткую информацию о народах, населяющих КНР. На территории КНР компактно проживают представители официально признаваемых 56 национальностей. Среди них китайцы составляют более 90%. По этой причине остальные 55 национальностей отнесены к категории национальных меньшинств (более точный перевод с китайского «малочисленные национальности»). Представители этих 55 национальностей разговаривают на 130 языках (по официальным данным КНР, на 80 языках), относящихся к различным (в корне отличающимся друг от друга) языковым группам, количество которых более десяти. Бурхан Шахи-ди всю свою жизнь посвятил борьбе за равноправие всех этих 56 национальностей.

С ПЕСНЕЙ В ДУШЕ И В ПОСЛЕДНИЙ МИГ

Среди видеоматериалов, переданных родственниками из Урумчи, есть неполная копия документального фильма о Бурхане Шахиди, показанного в середине 80-х годов по центральному телевидению КНР. Полная версия этого фильма хранилась в семейном архиве Мурата Шахиди на видеокассете аналогового формата. По нашей просьбе Шамсекамар Зунуновна отдала эту кассету специалистам, которые качественные участки перезаписали в цифровом формате. Со временем некоторые участки пленки были испорчены, поэтому копия фильма получилась в неполном варианте. Работники телевидения во время съемок фильма одновременно вели и фотосъемку. В последние годы жизни у Бурхана Шахиди на глазу появилось бельмо, что очень затрудняло чтение. По этой причине, интересующие его материалы зачитывались вслух его женой Рашидой, либо детьми, пришедшими навестить отца. Момент такого чтения, показанного в фильме был зафиксирован и фотографом.

Фильм с начала до конца сопровождается комментариями женщины-диктора, которая в момент показа мгновения, запечатленного на фотографии, нежным монотонным голосом на китайском языке декламирует:

– Возраст мой преклонный, и седой я весь,
Но рука тверда и крепко держит меч,
С звонкой песней в душе долго буду жить,
Не замолкнет песня и в последний миг.

Далее диктор сообщает, что эти строки принадлежат перу Бурхана Шахида. Жить! Это многозначное понятие Шахида в своих стихах употребил в смысле служения народу. Кажется, и я, увлекшись изложением трудов Бурхана Шахида, уделил мало внимания его личной жизни. В связи с этим, считаю необходимым поведать читателю о некоторых сторонах жизни Бурхана Шахида, которые, при изложении информации о нем, остались без должного внимания.

– На снимке дочери и внуки Бурхана Шахида, пришедшие с семьями навесить его.

Во всех биографических источниках сообщается о том, что Бурхан Шахида вел аскетический образ жизни, довольствуясь имеющимся, и не гнался за богатствами. В биографическом очерке на уйгурском языке приведен один интересный факт. При обыске в 1966 году хунвэйбины искали американские доллары и золото. Они были убеждены, что Шахида, занимавший высокие посты в гоминьдановском правительстве, купается в богатстве. Не найдя ничего для себя ценного, были обозлены и в от-

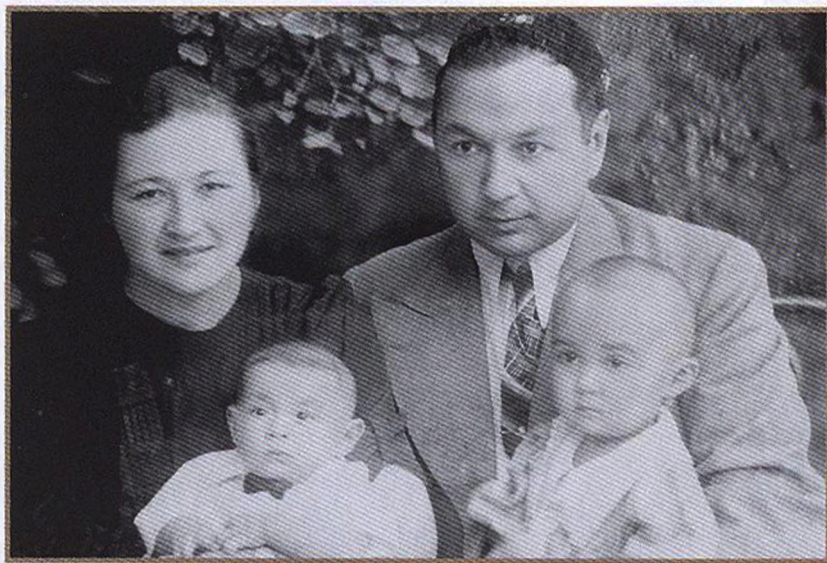
местку унесли с собой все книги и фотоальбомы [115]. После полной реабилитации в 1980 году ему выплатили заработную плату в 10 тысяч юаней за все репрессированные годы. На тот период это была огромная сумма. Часть этих денег он потратил на покупку книг для личной библиотеки, разграбленной хунвэйбинами, а оставшуюся часть (более половины суммы) отдал детскому дому города Урумчи. Во всех источниках отмечается его доброта и широта души. Для него всегда был праздником приезд детей, внуков и правнуков. В эти дни квартира Шахиди наполнялась шумом, детскими голосами и звонким смехом, что его только радовало. Судя по источникам и информации, полученной от родственников, Шахиди не добивался никаких привилегий для своих близких, на какой бы должности он ни состоял. Несмотря на это, для многочисленных родственников его приезд в Синьцзян всегда был праздником. После выхода из тюрьмы в 1975 году он приезжал в Синьцзян несколько раз. В Урумчи мы засняли копию фотографии, где Шахиди запечатлен среди многочисленных родственников. Правда, родственники не смогли точно вспомнить, в каком году она сделана. Сказали, возможно, в 1983 году, либо 1985 году.

Я узнал почти всех родственников, запечатленных на этой фотографии. Поэтому могу утверждать, что на фотографии нет даже четверти всех родственников Бурхана Шахиди, проживающих в Синьцзяне. На снимке нет младшей сестренки Шахиди Марьям и многих ее детей с семьями. Они проживают в значительной отдаленности от Урумчи. В Синьцзяне у тети Марьям только внуков и внучек, то есть моих троюродных братьев и сестер, 28 человек. В Урумчи я встретился и познакомился только с тремя из них.

Начав разговор о личной жизни Бурхана Шахиди, будет справедливо хотя бы в общих чертах рассказать и о его детях. Как ранее сообщалось, у него от двух жен было 9 детей.

Старшая из детей – дочь Шадия, родилась в 1919 году в Урумчи. С 1927 года по июль 1932 года училась в Урумчинской начально-средней школе. С 1933 года продолжила образование в Москве на русском языке. В 1938 году закончив учебу, вернулась в свой родной город и устроилась преподавателем в школу №6 города Урумчи. После ареста отца в 1939 году со всеми родственниками была выслана из Урумчи. Заболев воспалением легких на пересылке, по рекомендации советских врачей была отправлена в больницу города Кульджи, где познакомилась с будущим мужем. Этого парня узбекской национальности все население Кульджи с уважением называло доктор Нигмат. Он и лечил её в больнице. После выздоровления они поженились, и семья обосновалась в Кульдже. В годы «Революции трех округов», Нигмат состоял на медицинской службе в национальной армии повстанцев в звании полковника. В 1959 году семья пересехала в столицу Узбекистана город Ташкент. Шадия Бурхановна, пережив мужа, прожила в Ташкенте до 86 лет и умерла в 2006 году. В Ташкенте с семьей проживает ее дочь Никар.

На снимке: Шадия Бурхановна и её муж Нигмат с детьми. На коленях отца их дочь Никар.

Второй ребенок Шахиди – сын Носрат, профессор, филолог, родился в марте 1921 года в Урумчи. После окончания в 1935 году средней школы в Урумчи, поступил в университет имени Сунь Ятсена в Москве. Вернувшись в 1938 году в Урумчи, до 1940 года преподавал в начальной татарской школе. Во время ссылки до 1943 года

учительствовал в начальной казахской школе уездного города Каба (китайское название Хабахэ) Алтайского округа и до 1945 года был сотрудником отдела просвещения города Карашар (китайское название Яньци). С 1945 года по 1949 год работал преподавателем 1-й женской средней школы города Урумчи. С 1949 года мэр города Урумчи. Некоторые авторы из-за фамилии Шахиди эту работу Носрата ошибочно приписывают его отцу. С начала 1964 года по сентябрь 1979 года был членом парткома и проректором Синьцзянского университета. В 1979 году принял участие в основании Синьцзянского педагогического университета, где до 1983 года работал проректором, затем до 1986 года ректором этого университета. До ухода на пенсию в 1986 году он также был членом парткома педагогического университета. Носрат Шахиди занимался и научной работой. Он доктор филологии. Родственники из Ташкента несколько раз сообщали, что к ним в город приезжал Носрат Шахиди на симпозиум по тюркологии. В годы «культурной революции» несколько раз был подвергнут критике вместе с отцом. Умер 8 мая 1997 года в городе Урумчи в возрасте 76 лет. Они с женой Марьям воспитали пятерых детей. Старшая дочь Илнур – научный работник. Дочери Наира и Хатима – педагоги. Сын Шади – инженер. Младший сын Марат живет в Австралии. Они также воспитали приемную дочь Гульзаду, осиротевшую в годы дунганских войн. На фотографии, снятой в 1946 году в первом ряду Носрат Шахиди с женой Марьям и дочерью Илнур. Рядом с Илнур Илчан Шахиди. На заднем плане сестренки Носрата и Марьяма.

Третий ребенок Бурхана Шахиди – дочь Суюм, историк, профессор. Родилась в 1928 году в Урумчи. После окончания в Урумчи 7 классов средней школы, была отправлена с родственниками в ссылку, где с 13 лет работала учителем казахской начальной школы. О том, что 25 апреля 1947 года они с Уйгуром Сайрани создали семью, ранее уже говорилось. Они до 1950 года проживали в Кульдже. Уйгур Сайрани работал редактором газеты, а Суюм Бурхановна учительствовала в школе. В сентябре 1950 года Центральным правительством КНР Уйгур Сайрани был назначен заместителем генерального консула КНР в городе Алма-Ате. Суюм Бурхановна также устроилась в паспортно-визовую службу консульства. Оба за период работы в консульстве получили высшее историческое образование в Алма-Атинском педагогическом институте. Вдвоем занялись и научной работой. В июле 1956 года Уйгур Сайрани был отозван в Урумчи для основания Академии наук СУАР КНР. Он проработал вице-президентом академии до ухода на пенсию. После возвращения в Урумчи Суюм Бурхановна преподавала на факультете истории и географии Синьцзянского университета. В эту семью «культурная революция» принесла много горя и неприятностей. Суюм Бурхановна во время работы в консульстве проходила лечение на Кавказе. Используя этот факт, ее обвинили в «шпионаже в пользу СССР». Суюм Бурхановну прямо из дома увели на «собрание критики» и держали взаперти полтора месяца, приставив к ней наблюдателя. После возвращения домой ее еще два раза вызывали на «семейную критику» с отцом и родственниками. На «семейную критику» сначала вывели отца с табличкой «международный шпион» на шее. Затем вывели матерей Шарифу и Рашиду, брата Носрата, братишку Мурата с женой Шамсекамар. Причем Шамсекамар Зунуновну привели, оторвав от груди двухнедельного сына Илдуса, оставив его в слезах с малолетней сестрой. К остальным родственникам вывели Суюм Бурхановну с табличкой «советский шпион» и ее мужа Уйгура Сайрани с табличкой «зять Бурхана». Увидев это, один из офицеров НОАК высокого чина подошел к Уйгуру Сайрани и, скинув табличку, крикнул сопровождавшим хунвэйбинам: «Политический колпак не может быть под названием «зять Бурхана», если не сможете найти другого обвинения, отправьте его домой!» В тот же миг хунвэйбины накинули на шею Уйгура Сайрани табличку с надписью «бунтарь» [116]. После этих собраний наступило затишье, но не надолго. Уйгура Сайрани арестовали и несколько лет держали в тюрьме. Затем, еще в годы «культурной революции», его освободили и полностью оправдали. Оба были восстановлены на работе, откуда ушли на пенсию. Находясь на заслуженном отдыхе, продолжали научную работу. Их дети Суфия и Иркен проживают с семьями в Урумчи. Известие о смерти Уйгура Сайрани в декабре 2008 года для меня был тяжелым ударом.

Суюм Шахиди и Уйгур Сайрани на банкете в честь нашего приезда в Урумчи.

Четвертый ребенок Бурхана Шахиди – сын Шади. Родился в 1930 году в Урумчи. В начале 1949 года от тяжелой болезни умер в одной из клиник Урумчи. В источниках о нем ничего не сказано. В биографическом очерке на уйгурском языке он вообще не упомянут среди детей Бурхана Шахиди. Родственники рассказали лишь о том, что он также был сослан в Кабу, и что в годы «Революции трех округов» работал корреспондентом в редакции газеты повстанцев в Кульдже. Он для редакции переводил тексты радиопередач СССР с русского языка на уйгурский. Сохранились всего две его фотографии. Одна из них, где он вместе с родственниками на пересыльном пункте Кера, была представлена ранее, а помещение другой фотографии ввиду плохого качества не представляется возможным.

Пятый ребенок Бурхана Шахиди – сын Мурат, профессор, инженер высокой квалификации, родился 31 марта 1935 года в Урумчи. Во время ссылки в начальной школе учился в классе своей сестры Суюм. После возвращения в Урумчи закончил среднюю школу. В 1956 году поступил на факультет электромашиностроения Пекинского нефтяного института и в 1961 году закончил учебу с отличием. Получил диплом инженера-радиотехника. В студенческие годы увлекался спортом. Выполнил норму мастера спорта по легкой атлетике, стал чемпионом и рекордсменом Пекина в забеге на 100 метров. После окончания института начал работать инженером геолого-разведочной экспедиции Синьцзянского нефтяного управления. В том же году женился на Шамсекамар Таиповой – дочери легендарного уйгурского генерала Зунуна Таипова. Фотографии с этой свадьбы были изъяты хунвэйбинами во время обысков в годы «культурной революции». А сохранившаяся единственная фотография, на которой запечатлен момент этой свадьбы, имеет свою интересную историю.

В конце 70-х годов прошлого столетия председатель правительства Сайфутдин Азизи в Кумуле (Хами) посетил семью одного из дехканов. В доме он обратил внимание на альбом, где помещены фотографии родственников Бурхана Шахида. При встрече с Уйгуром Сайрани поинтересовался о наличии родственников в Кумуле. Получив отрицательный ответ, сообщил об увиденном. В результате выяснили, что это фотоальбом семьи Уйгура Сайрани. Благодаря Сайфутдину Азизи фотоальбом был возвращен семье. Оказалось, что один из хунвэйбинов, производивших обыск, был учеником Суюм Бурхановны. Он, спрятав, унес и сохранил фотоальбом, где и была эта свадебная фотография. Во время работы в геолого-разведочной экспедиции Мурат Шахида занимался и научными разработками. Он добился уменьшения объема и веса взрывных устройств. Его изобретения и по сей день в применении. Мурат Шахида, как и отец, одновременно выполнял несколько обязанностей: инженер физического оборудования, главный инженер Синьцзянского нефтяного института, заместитель руководителя экспедиции нефтяного управления, руководитель Общества повышения политического образования работников автономного района, руководитель Общества по управлению нефтяными компаниями Китая и другие. Он, начиная с 1984 года, был членом парткома и проректором Синьцзянского нефтяного института. В 1982–1985 годах как руководитель с китайской стороны участвовал в совместной Китайско-Французской экспедиции, обнаружившей большие залежи нефти в восточной Джунгарии. Мурат Шахида автор китайско-

английско-русско-уйгурского словаря нефтяников. Его имя включено в справочник по ведущим специалистам КНР. За научные заслуги неоднократно награжден правительствами КНР и СУАР.

На снимке в центре впереди Мурат Шахиди с женой Шамсекамар, рядом с дедом внук Зуфар, рядом с бабушкой внук Мурадил. На заднем плане справа налево: сын Илдус с женой Марьям и дочь Илдана с мужем Шарипхоном.

На фотографии семья Мурата Шахиди запечатлена в полном составе. Его жена Шамсекамар по образованию горный инженер, докторскую диссертацию защищала в Москве на русском языке. Их дочь Илдана – лингвист, проживает в городе Алма-Ате, где преподает китайский язык. Сын Илдус – научный сотрудник Синьцзянского нефтяного института.

Шестой ребенок Бурхана Шахиди – дочь Илчан, профессор, лингвист, родилась в 1938 году в городе Зайсан Республики Казахстан. До освобождения отца из тюрьмы с матерью Рашидой жила в уездном городе Нилки, откуда осенью 1944 года началась «Революция трех округов». В декабре 1944 года пересехала в Урумчи, где в 6-летнем возрасте впервые увидела отца. Среднее образование получила в Урумчи. После переезда семьи в Пекин в 1956 году поступила на филологический факультет Пекинского университета. В 1957 году в составе делегации китайских студентов приняла участие в 6-м Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Моя бабушка Тайфа хранила фотографию, где запечатлен момент проводов Илчан Бурхановны в Пекин после окончания Московского фестиваля.

На снимке впереди слева направо: Гульнара Ахметшина, Назия Ахметшина (Булатова), Илчан Бурхановна Шахиди. На заднем плане Камил Ахметшин с сыном Илдусом.

После окончания университета в 1962 году, Илчан Бурхановна преподавала в одной из средних школ Пекина. Одновременно занялась и наукой. Начало «культурной революции» круто изменило ее жизнь, прибавив заботы о младших сестрах и братишке, оставшихся на ее попечении после отправки родителей в сентябре 1966 года в Синьцзян для принятия критики. Помимо этого она и сама несколько раз принимала критику. Похоже, что тогда она была сильно избита. Несмотря на все эти трудности, Илчан Бурхановна не бросила на произвол судьбы сестренки и братишку. В начале 70-х годов она познакомилась с парнем по имени Ван Цзин. Этот умный парень, всегда готовый оказать помощь, ей очень понравился. Они заключили брак и создали семью. В 1974 году на свет появилась их дочь Рагна. После «культурной революции» жизнь семьи стала налаживаться. Илчан Бурхановна снова занялась наукой. Она до конца своей жизни проработала в Институте изучения национальностей и писала научные труды. К сожалению она очень рано ушла из жизни. В 1984 году умерла от рака. Её спутник жизни Ван Цзин после такой утраты тяжело заболел. После проведенной операции в 1990 году, он, не приходя в сознание, скончался в больнице. Осиротевшая Рагна воспитывалась в семье своей тети Илфиры. В 2007 году

мы с ней неоднократно встречались в Пекине. Она тогда работала мировым судьей в одном из районов Пекина. У меня несколько фотографий Илчан Бурхановны, заснятые в середине 50-х годов. Несмотря на это, я её не узнал на фотографии 1978 года.

На снимке 1-й ряд слева направо: Илчан Бурхановна, Носрат Шахиди, Бурхан Шахиди с внучкой Рагной, Рашида Шахиди с внуком Ильяром, Илсуяр Бурхановна. 2-й ряд слева направо: Ван Цзин, Илшат Шахиди, Илфира Бурхановна, Мурат Шахиди, Чжоу Юаньфань – муж Илсуяра.

Снимая копию с семейной фотографии Бурхана Шахиди 1978 года, я спросил у родственников: «Кто та женщина, которая сидит впереди слева?» Когда сказали, что это Илчан Бурхановна, я поверил с трудом. Словно на ее фотографиях, имеющихся у меня, и на копируемой запечатлены совершенно разные люди. Наверное, уже в 1978 году она была больна раком.

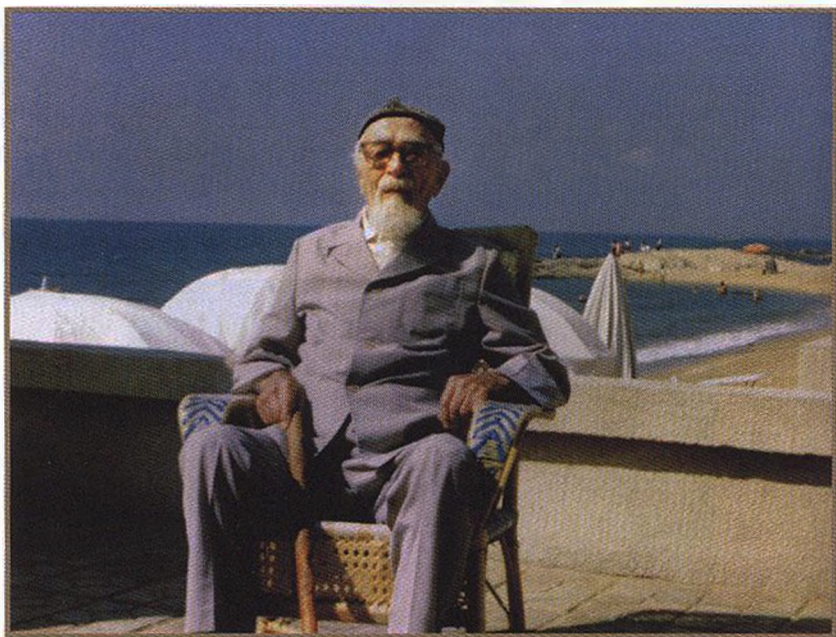
Седьмой ребенок Бурхана Шахиди – дочь Илсуяра, родилась в 1946 году в Урумчи. Учебу, начатую в начальных классах одной из школ города Урумчи, она продолжила в Пекине. Среднюю школу в Пекине закончила с хорошими оценками. К несчастью, этот период совпал с «культурной революцией». В эти годы ни она, ни сестренка Илфира, ни братишка Илшат не могли и мечтать о высшем образовании. На них смотрели как на детей «врага народа». Она с трудом смогла устроиться простым рабочим на завод. На заводе она познакомилась с замечательным парнем Чжоу Юаньфань, с которым и связала свою судьбу. В 1971 году у них родился сын. Его назвали Илья-

ром. В 1981 году Илсуяр начала работать личным секретарем своего отца – Бурхана Шахиди. При этом она посещала вечерние трехгодичные специальные политические курсы и по окончании получила диплом. Ее в 1987 году приняли в члены КПК. В 1997 году Илсуяр Бурхановна уже была избрана делегатом 15-го съезда Коммунистической партии Китая. В 2004 году она была избрана членом Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая 10-го созыва. В 2007 году, в дни нашего пребывания в Пекине, она возглавляла один из отделов ВК НПКСК и, продолжая дело своего отца, развернула активную деятельность по улучшению благосостояния национальных меньшинств. Несмотря на свой пенсионный возраст, она вновь избрана в члены ВК НПКСК 12-го созыва.

Восьмой ребенок Бурхана Шахиди – сын Илшат, родился в Урумчи в феврале 1948 года, когда отец был на службе в гоминьдановском правительстве в Нанькине. Начавшую в Урумчи учебу продолжил в Пекине и среднюю школу закончил на хорошие оценки в годы «культурной революции». Двери высших учебных заведений ему как сыну «врага народа» были закрыты. Он самостоятельно изучал высшую математику и радиозлектронику. Поэтому, работая более 20 лет в научно-исследовательском институте, давал советы и консультировал дипломированных специалистов. Заметившие это руководители Илшата Бурхановича перевели из простых рабочих в инженеры. Завершив свою трудовую деятельность на этой должности в научно-исследовательском институте, в феврале 2008 года вышел на пенсию. Его единственный ребенок – сын Шариф, чья фотография была приведена во вступительной части этой книги.

Девятый ребенок Бурхана Шахиди – дочь Илфира, родилась в 1950 году в Урумчи. В годы «культурной революции» закончила среднюю школу в Пекине. В источниках есть информация и о том, что она имеет и техникумовское образование. Несмотря на это, имея особый талант к изобразительному искусству, после «культурной революции» занялась самообразованием, затем в рамках специальных курсов сдала экзамены и получила диплом. От родственников мне известно, что она серьезно увлеклась живописью и принимала участие даже в крупных конкурсах. Будучи по природе скромной, Илфира Бурхановна сама о таких вещах не рассказывала. Живет в Пекине и часто навещает родственников в Урумчи. Ее единственный ребенок – сын Хусаин – студент, чья фотография также приведена во вступительной части этой книги.

В начале 1989 года Бурхан Шахиди особо не жаловался на состояние своего здоровья. Несмотря на это, ввиду преклонного возраста он летом отдыхал на курорте Бэйдайхэ, что в городе Циньхуандао на берегу Желтого моря. Фотография, сделанная на этом курорте, оказалась последней прижизненной.

На 27 августа 1989 года Бурхан Шахиди был приглашен в Урумчи на собрание, посвященное памяти Ахмеджана Касими и других членов правительства «Трех округов», погибших 40 лет назад. Он заранее купил билет на самолет. Однако 23 августа он почувствовал невыносимую боль в животе. Его немедленно доставили в больницу. Несмотря на лечение, всю ночь боль в животе не утихала. Только утром врачи, обнаружив плохую работу сердечной мышцы, пришли к заключению, что это признаки обширного инфаркта. Несмотря на старания врачей спасти Бурхана Шахиди не удалось. В 12 часов дня 27 августа 1989 года сердце Бурхана Шахиди остановилось. Бурхан Шахиди словно предчувствовал это. В феврале 1989 года он пригласил к себе старшего сына Носрата и вручил ему завещание, написанное на китайском и уйгурском языках. В завещании вкратце был описан жизненный путь Бурхана Шахиди, а также сказано, что он не оставляет после себя никаких материальных богатств. Он завещал детям быть верными Отечеству, призывал служить партии и народу. В конце просил похоронить себя в Урумчи по мусульманским обычаям. При этом отметил, если партия будет против его последней воли, выполнить указание партии.

После передачи по центральному телевидению вести о смерти Бурхана Шахиди, люди стали приходить в его квартиру и выражать соболезнования родным и близким. Их встречали сын Мурат и дочь Илсуяр. Этот процесс был заснят на видеокамеру, и произведенную запись мы получили от родственников вместе с остальными видеоматериалами. Из тех, кого я узнал, первыми пришли Сайфутдин Азизи, Тимур Давадат, Ван Цзежен, позднее члены Китайского исламского общества во главе с Ма Шианом, далее группа уйгуров, затем многочисленная группа китай-

ской и дунганской молодежи. Наблюдался обряд какого-то смешанного характера. Зашедшие в комнату на первом этаже, где был установлен портрет Бурхана Шахиди, выражали соболезнование детям, затем совершали обход и трижды кланялись перед портретом. Мусульмане же, остановившись там же, читали Коран. На другой день, то есть 29 августа 1989 года, в центральном зале церемоний в Пекине состоялось прощание с Бурханом Шахиди. Во время церемонии прощания тело Бурхана Шахиди находилось в центре зала и было накрыто красным флагом.

Церемония проходила по древнему китайскому обычаю. В ходе этой церемонии продолжительностью в несколько часов вошедшие в зал для прощания трижды отвешивали поклон усопшему, затем, здороваясь за руку с каждым из родственников, выражали им соболезнования. Нескончаемым потоком народ шел в здание, где проходила церемония. Одни заходили в зал, и в то же время другие уже выходили. Постоянно оставаться в зале было разрешено лишь родственникам и лицам, представленным для охраны порядка.

На снимке запечатлен внешний вид здания в момент прохождения церемонии прощания с Бурханом Шахиди.

Среди видеоматериалов, полученных от родственников, есть две записи этой церемонии. Одна из них – сделанная работниками центрального телевидения, с комментариями диктора, в том виде, в котором была передана по телевидению. Эта запись начинается с показа здания, представленного на фотографии, помещенной на этой странице. Диктор сообщает, что в здании начинается церемония прощания с видным политическим деятелем Бурханом Шахиди. Показывают многочисленные венки, установленные перед зданием и диктор начинает перечислять имена видных деятелей и организаций, приславших эти венки. Этот список начинается с имен Председателя КНР Цзян Цзэминя, отца реформ Дэн Сяопина и включает в себя фамилии более десяти видных партийных и государственных деятелей. Видеокадры плавно переходят вовнутрь зала, и диктор объявляет: «В церемонии прощания приняли участие следующие руководители партии и государства», затем начинает перечислять имена этих руководителей, отдающих последнюю дань уважения троекратным поклоном Бурхану Шахиди, накрытому красным флагом. Диктор называет имена в следующем порядке: Цзян Цзэминь, Ян Шанькунь, Ли Пэн, Ван Ли, Ли Цзэниэн, Чао Ши, Яо Илин, Сон Пин, Ли Жухуан, Ван Цзжен, Тэ Диюэ, Ли Пэин, Ху Шуэчие, Чин Дивуэ, Ди Куангиэ, Сун Жэчун, Вен Цзибао. Видеокамера зафиксировала моменты троекратного поклона всех перечисленных деятелей, что

не позволяло фиксировать моменты выражения соболезнования всеми ими. Момент выражения соболезнования родственникам Бурхана Шахиди Председателем Китайской Народной Республики Цзян Цзэмином был запечатлен фотографом.

По окончании церемонии тело Бурхана Шахиди в сопровождении родственников специальным рейсом на самолете было отправлено в город Урумчи. Видеокамера зафиксировала моменты выноса тела из зала церемоний, сопровождения автобуса с телом до аэропорта Пекина и поднятия тела по трапу в самолет. На этом же самолете в Урумчи вылетели жена покойного Рашида и под руководством сына Мурата его дети и внуки. Объектив видеокамеры зафиксировал также их встречу в Урумчинском аэропорту. Среди встречавших кроме многочисленных родственников и близких были руководители СУАР КНР, группы военных, религиозных деятелей и общественности. Тело покойного прямо из аэропорта было перевезено в специально оборудованный для прощания зал, где была проведена церемония, аналогичная пекинской. Видеокамера зафиксировала все этапы похорон Бурхана Шахиди по мусульманским обычаям, включая омование тела и окутывания в саван, чтение погребальной молитвы (джаназа) в мечети и предание его земле. После чтения погребальной молитвы в мечети тело Бурхана Шахиди на тобуге на вытянутых руках несли до окраины города, что зафиксировано фотокамерой.

Бурхан Шахиди с почестями был похоронен на кладбище Революционных жертв, при посещении которого в наши дни перед посетителем открывается картина, запечатленная на фотографии, помещенная на странице 209. Могилы Бурхана Шахиди и его жены Рашиды находятся рядом, и на них установлены мраморные надгробия. На мраморном надгробье Бурхана Шахиди на уйгурском языке высечены следующие слова: «Преданный борец за коммунизм, великий патриот, известный общественный деятель, знатный представитель уйгурского народа Бурхан Шахиди (1894.10–1989.8). Он при жизни был заместителем председателя Политического консультативного совета 6 созывов и почетным председателем Общества китайских мусульман».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

При изложении материала этой книги я использовал лишь ту информацию, проверка достоверности которой не затруднена. В отличие от меня, авторы некоторых публикаций, вышедших в России, основываясь на предположениях, все внутренние политические проблемы в Синьцзяно-Уйгурском автономном районе Китая хотят преподнести читателю как возникшие в результате политической деятельности Бурхана Шахиди. При этом они используют безосновательную ложь, выдуманные факты, сведения сомнительного характера и торопятся вешать ярлыки. Приведу строки из одного такого издания и, для того чтобы читатель сам мог оценить их правдивость, основываясь на фактах, прокомментирую их. Один из таких авторов, введя в заблуждение читателя словоизвержением, про Бурхана Шахиди пишет следующее: «Требуется крайняя осторожность при оценке его деятельности и творений. Не будем торопиться с восхищением тем, что был в «Правительстве Китая татарин» (статья Т. Айди), а также гордиться его высокими достижениями. А это потому, что из приведенных до этого сведений невозможно точно определить – кому, какой системе, каким идеям он служил, по чьим указаниям и сколько людей погубил?» [117]. До этих строк автор на 9 страницах своего труда излагает полуправдивую информацию, комментируя их оскорблениями в адрес Бурхана Шахиди, которые занимают более половины этого объема. Некоторые сведения автор взял из труда Бурхана Шахиди «50 лет жизни в Синьцзяне» и их смысл прокомментировал в нужном для себя свете, а другую часть взял из писем знакомых и родственников, считающих Бурхана Шахиди своим врагом. Что касается последних, то их информация насквозь ложная. Например, автор, основываясь на сведениях, полученных из письма Хамита Тухфи (одного из считающих Шахиди врагом), пишет следующее: «Перед смертью покойный завещал, чтобы его тело предали земле в Аксу – там где родился. Поэтому дети его похоронили в селе Артыш, что в округе Аксу Синьцзяна. Следовательно, дети полностью поверили в сочиненную в 1950–1951 годах вымышленную легенду (яркий пример превращения вымысла в исторический факт!)» (118). Для того чтобы убедиться в ложности первой части написанного указанным автором, достаточно заглянуть на приведенную в этой книге фотографию могилы Бурхана Шахиди на кладбище «Революционных жертв» города Урумчи. А для того чтобы показать читателю ложность и остальной части утверждения указанного

автора, хочу привести фотокопию страниц одной книги, где помещен текст исторического документа. Этот документ – соглашение «О создании коалиционного правительства», заключенное 6 июня 1946 года между правительствами Гоминьдана и «Трех округов», полный текст которого приведен уйгурским писателем Абдурахманом Абдуллой в книге «Ташкэнтчилэр» (Ташкентцы), при описании биографии Ахмеджана Касими. Сведения, касающиеся Бурхана Шахиди, изложены в конце одной страницы и в начале другой. По этой причине для экономии места привожу лишь фрагменты фотокопий обеих страниц [119].

مەركىزىي ھۆكۈمەت ۋەكىلى: جاك جىجۇڭ
خەلق ۋەكىللىرى: رەھىمجان سابىرھاجى
ئوبۇلخەيرى تۆرە
ئەخمەتجان قاسىمى
جۇڭخۇا مىنگونىڭ 35 - يىلى 6 - ئاينىڭ 6 - كۈنى،
ئۈرۈمچى.

تىنچلىق بىتىمىگە ئاساسەن، 1946 - يىلى 6 - ئاينىڭ
18 - كۈنى ئۆلكىلىك ھۆكۈمەتنىڭ تەشكىلى ئۆزگەرتىلىپ،
بىرلەشمە ھۆكۈمەت رەسمىي قۇرۇلدى. يېڭى بىرلەشمە
ھۆكۈمەتنىڭ تەركىبى مۇنداق بولدى:

(1) ئەزا، قوشۇمچە رەئىس: جاك جىجۇڭ، خەنزۇ،
ئەنخۇي ئۆلكىسى چاۋشيەن ناھىيىسىدىن، غەربىي شىمال
بارگاھىنىڭ مۇدىرى، مەركەز بىۋاسىتە ئەۋەتكەن.

(2) ئەزا، قوشۇمچە مۇئاۋىن رەئىس: ئەخمەتجان
قاسىمى، ئۇيغۇر، شىنجاڭ غۇلجا ناھىيىسىدىن، ئۈچ ۋىلايەت
ھۆكۈمىتىنىڭ ئەزاسى، ئۈچ ۋىلايەتنىڭ تىنچلىق سۆھبىتى
ۋەكىلى، ئۈچ ۋىلايەت كۆرسەتكەن.

(3) ئەزا، قوشۇمچە مۇئاۋىن رەئىس: بۇرھان شەھىدى،
ئۇيغۇر، شىنجاڭ ئاقسۇ كۈنئەھەر ناھىيىسىدىن، 1945 -

يىلى ئۆلكىلىك خەلق ئىشلار نازارىتىنىڭ مۇئاۋىن نازىرى،
ۋىلايەت (ئۈرۈمچى ۋىلايىتى) نىڭ مەمۇرىي تەپتىش ۋالىيسى
بولغان. يەتتە ۋىلايەت كۆرسەتكەن.

(4) ئەزا، قوشۇمچە خەلق ئىشلار نازارىتىنىڭ نازىرى:
ۋاڭ زېڭشەن، خۇيزۇ، سەندوڭ ئۆلكىسىدىن، مىللىي
ھۆكۈمەت قانۇن تۇرغۇزۇش كومىتېتىنىڭ ئەزاسى، مەركەز
ئەۋەتكەن.

(5) ئەزا، قوشۇمچە خەلق ئىشلار نازارىتىنىڭ مۇئاۋىن
نازىرى: رەھىمجان سابىر ھاجى، ئۇيغۇر، شىنجاڭ غولجا
ناھىيىسىدىن، ئۈچ ۋىلايەت ھۆكۈمىتى ئىچكى ئىشلار
نازارىتىنىڭ نازىرى، ئۈچ ۋىلايەت تىنچلىق سۆھبىتى ۋەكىلى،
ئۈچ ۋىلايەت كۆرسەتكەن.

В текстах на уйгурском языке, содержащихся в этих фрагментах, сказано следующее:

«Представитель центрального правительства: Чжан Жичжун.

Представители народа: Рахимджан Сабир хаджи, Абулхаир-Тюре, Ахмеджан Касими. 6-й день 6-го месяца, 35-го года китайского летоисчисления мингу, Урумчи.

В соответствии с мирным соглашением с 18-го числа 6-го месяца 1946 года меняется структура областного правительства и официально создается коалиционное правительство. Структура нового коалиционного правительства следующая:

(1) Член, одновременно председатель: Чжан Жичжун, китаец, из уезда Чавшиэн Аньхойской провинции, руководитель северо-западного округа, назначен центральным правительством.

(2) Член, одновременно заместитель председателя: Ахметжан Касими, уйгур, из Кульджинского уезда Синьцзяна, член правительства Трех округов, на мирных переговорах представитель правительства Трех округов, выдвинут Тремя округами.

(3) Член, одновременно заместитель председателя: Бурхан Шахиди, уйгур, из уезда Куншэхэр округа Аксу Синьцзяна, в 1945 году заместитель министра народных дел провинции, особоуполномоченный по административному надзору Урумчинского округа. Выдвинут семью округами.

(4) Член, одновременно министр народных дел: Ванг Зенгшян, дунганин, из провинции Сандун, член комитета по законотворчеству национального правительства. Назначен центром.

(5) Член, одновременно заместитель министра народных дел: Рахимжан Сабир хаджи, уйгур, из Кульджинского уезда Синьцзяна, министр внутренних дел правительства Трех округов, на мирных переговорах представитель правительства Трех округов, выдвинут Тремя округами».

Как видим из этого документа, Бурхану Шахиди не было необходимости в 1950–1951 годах сочинять вымышленную легенду о своем происхождении, так как уже в 1946 году он внесен в официальный документ как уйгур. Помимо этого, хоть и не располагаю копиями документов, мне известно, что Бурхан Шахиди в 1914 году получил китайское гражданство как уйгур по национальности. Весьма интересным является тот факт, что вышеупомянутый автор, до того как написать про Бурхана Шахиди «по чьим указаниям и сколько людей погубил?», в тексте девяти страниц переполненных оскорблениями, не называет имени хотя бы одного человека, кого погубил Бурхан Шахиди. Он также не приводит ни одного факта (хотя бы ложного), свидетельствующего о причастности Бурхана Шахиди к каким-то злодеяниям, в результате которых погибли, либо могли погибнуть люди. Втискивание в словоизвержение бездоказательного обвинения – известный с древних времен психологический трюк, который и был применен автором комментируемых строк. Заметив применение этого трюка, я вспомнил один анекдот. Хозяин, недавно проводивший гостя, позвонил ему и сообщил о том, что после его ухода пропало золотое кольцо. Гость ответил, что он его не брал. Хозяин сказал, что знает об этом, так как кольцо уже нашлось. Удивленный гость спросил: «В чем же тогда дело?» На это хозяин ответил: «А осадок-то остался». На мой взгляд, этот трюк применялся автором комментируемых строк именно для того, чтобы оставить у читателя осадок.

Думаю, что в этой книге мне и без применения таких трюков удалось ответить на вопрос: «Кому, какой системе, каким идеям служил Бурхан Шахиди?». Из содержания книги видно, что он верно служил народу и делу мира на всей земле.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В ПОИСКАХ ИСТОКОВ АКСУ

(ДОКУМЕНТЫ И СВЕДЕНИЯ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИИ ДЕРЕВНИ)

В конце 90-х годов прошлого столетия из книги доктора исторических наук, академика Миркасима Усманова «Ябылмаган китап» («Открытая книга») узнал о том, что Бурхан Шахиди в книге «50 лет жизни в Синьцзяне», указав местом своего рождения деревню Аксу Тетюшского уезда Казанской губернии России, со ссылкой на рассказ своего деда Губайдуллы, сообщил об основании этой деревни выходцами из Китая, переселившимися с берегов реки Аксу. Хоть и эти слова мне показались весьма странными, тогда им особого значения не придал. С самой книгой Бурхана Шахиди, изданной на уйгурском языке, я ознакомился в 2007 году. Читая рассказ деда Губайдуллы о том, что место для деревни расчищали от леса, вспомнил такой же рассказ, услышанный в детстве от старейшин деревни Аксу. Поэтому решил поглубже поинтересоваться историей деревни.

До наших дней научные исследования по истории деревни Аксу не проводились, и трудов, основанных на изучении архивных документов, не имеется. Правда, наш родственник Борис Зиннатуллин, долгое время проработавший ответственным редактором политического журнала отдела пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС, начиная с конца 70-х годов прошлого столетия собирал материалы по истории деревни. Об этом в середине 80-х он рассказал нам с отцом при встрече. Узнав от нас о том, что моя мама Фагирия хранит в семейном архиве фотографии, на которых запечатлена почти полувековая история Аксунской восьмилетней школы, Борис Сибгатуллович приехал к нам и взял некоторые из них для приобщения к материалам. Рассматривая фотографии, он рассказывал о своих исследованиях. В частности, сообщил о том, что установлены имена трех родоначальников, основавших в конце 16-го века деревню, одного из которых звали дедом Аксу. При этом он отметил, что первоначально деревня была основана на том месте, где речка Камышинка впадает в реку Була, затем по инициативе русского помещика имения Кокуй, что прямо на другой стороне реки, была переселена на территорию лесного массива, где расположена

и поныне. К сожалению, болезнь и скоропостижная смерть Бориса Сибгатулловича в 1992 году помешали изданию его труда. После выяснения того, что труд Б.С. Зиннатуллина и собранные им материалы не сохранились, пришлось самостоятельно изучать историю деревни, основываясь на доступных мне источниках.

В метрических записях, составленных до 1917 года и хранящихся в Национальном архиве Татарстана, деревня Аксу значится как Белая Воложка Камышелга тож. В некоторых из них вместо Камышелга тож указано Камышилга либо Камышенка. Еще в начале 70-х годов прошлого столетия сотрудник Казанского филиала АН СССР, доктор исторических наук Х.Х. Хасанов, при исследовании процесса формирования татарской буржуазной нации пользовался многими историческими документами и трудами историков, изданных в дореволюционной России. В частности, на основании «Ведомости о Казанском наместничестве», опубликованной в 1908 году в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете», Хусаин Хасанович составил список населенных пунктов Казанской губернии, в которых проживали служилые татары. В данном списке среди 77 населенных пунктов Тетюшского уезда, в которых проживали служилые татары, перечислены следующие населенные пункты, расположенные в непосредственной близости друг от друга: Старое и Новое Давлекеево, Деушево, Чиреево, Шемякино, Кулларово, Тутаево, Белая Воложка Камышенка, Исаково, Атабаево Анкиби, Каменный Брод, Куштово, Кулганы, Чирки Кильдуразово, Большие Чирки Гришино, Починок Иванав Быково, Старые и Средние Лащи. Согласно этому списку в деревне Аксу значится всего ревизских душ в количестве 175 человек, из них 97 – служилые татары, 78 – крещеные татары, ясачных и помещичьих крестьян нет. Причем в перечисленных выше населенных пунктах, кроме Старых и Средних Лащи, вместе со служилыми татарами значатся крещеные татары в количестве нескольких человек в каждом из них [120]. Факт отнесения жителей Аксу к разряду служилых татар является свидетельством того, что они в момент получения земель этого населенного пункта имели отношение к несению воинской службы в Московском княжестве. Деревня Аксу с момента обоснования на том месте, где расположена в настоящее время, состояла из двух улиц, протяженность которых составляла примерно три километра. Уже более 250 лет Аксу состоит из трех улиц. В мои детские годы крайнюю улицу со стороны деревни Тутаево жители деревни называли улицей крещеных. На мой взгляд, насильное крещение жителей происходило примерно в 1740 году. По преданию, несмотря на отказ от христианской религии, сразу же после ухода войск «Хромого Каратуна» [121] всех крещеных переселили на отдельную улицу. Деревенские старики говорили, что до революции 1917 года в деревне Аксу было несколько мечетей. По крайней мере, дальнейшая судьба двух из них мне известна. Одна из мечетей была перестроена под деревенский клуб, другая под школу-интернат, здание которой в 1960 году было перенесено со средней улицы, поставлено рядом с клубом и использовалось как отдельный корпус восьмилетней школы для начальных классов. Несмотря на то,

что все жители исповедывали мусульманство, в течение 150 лет жителей крайней улицы со стороны деревни Тутаево держали в списках крещеных. В детские годы неоднократно слышал рассказ деревенских стариков о жителе деревни по имени Афлятун, который в середине 19-го века был зачислен в армию по рекрутской повинности. По прибытии в армию он не откликнулся на фамилию, данную его предкам при крещении, и отказался выйти из строя. За это Афлятун был подвергнут экзекуции розгами. Несмотря на получение 100 ударов розгами, он отказался целовать крест, что ему неоднократно предлагалось для прекращения экзекуции. В связи с этим рассказом хочу поведать читателю о том, что в начале 18-го века указами Петра I было оформлено особое сословие государственных крестьян, куда были переведены все служилые татары. Таким образом Петр I лишил служилых татар как помещичьих привилегий, так и денежного содержания за воинскую службу. Кроме этого, государственные крестьяне несли и рекрутскую повинность.

Во многих исторических источниках, в частности в книге профессора Г.И. Перетятковича «Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации)», сказано о том, что до завоевания Казани войсками Ивана Грозного огромная территория, простирающаяся на многие километры южнее, восточнее до берегов Волги и около ста километров западнее от месторасположения деревни Аксу, называлась «дикое поле» и никаких населенных пунктов там не было и не могло быть по объективным причинам. Основная из причин – это частые набеги ногайцев и других племен, которые кочевали по правому берегу Волги и имели привычку отбирать все живое и неживое у людей, попадающих на пути, применяя при этом вооруженное насилие. Попытка определения года заселения «дикого поля» по историческим трудам русских историков 19-го века С.М. Соловьева и Г.И. Перетятковича не дала положительных результатов. Однако заслуживают внимания следующие строки, принадлежащие Г.И. Перетятковичу: «Вмѣсть съ построениемъ городовъ на окраинахъ князья старались иногда для лучшей защиты своей страны привлекать въ такіе города и селить нѣкоторыхъ изъ предводителей степного населенія и даже самихъ степняков. Нельзя не признавать разумности за подобною мѣрою, служившею къ тому, чтобы пользоваться воинственностію и энергіею степныхъ жителей для защиты земледельческаго населенія страны отъ ихъ же соплеменниковъ. ...въ XV же столѣтіи факты поступленія на русскую службу татарскихъ царевичей и мирзь попадаются уже нерѣдко, и мы замѣчаемъ, что ихъ стараются селить въ пограничныхъ русскихъ городахъ, подвергавшихся частымъ нападеніямъ ихъ соплеменниковъ (Нижній Новгородъ, Касимовъ, Кашира)» [122].

Не нашел я этих сведений и в трудах татарских историков. В научном издании доктора исторических наук Д.М. Исхакова «От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.)» проанализированы различные точки зрения историков, содержащиеся в трудах, посвященных исследованию этого периода. Из содержания монографии видно, что за послед-

нее столетие, в основном, шли споры между историками, которые считают всех татар потомками волжских булгар, и теми, кто склоняется к мнению о формировании татар в составе Золотой Орды. К сожалению, в этом фундаментальном труде Дамира Мавлявеевича татары горной стороны Волги (далее по тексту Горная сторона) остались без должного внимания. Возможно, он, приняв их за казанских татар, ограничился исследованиями лишь левобережной (луговой) части, обратив особое внимание на так называемые «дороги» (Алатская, Галицкая, Арская, Зюрейская, Ногайская), на которые делился Казанский уезд после 1552 года. В связи с тем, что рядом с деревней Аксу расположены села Чувашской Республики, заинтересовался трудами чувашских историков и был поражен глубиной и объемом исследований, проведенных доктором исторических наук Василием Димитриевичем Димитриевым. В одном из фундаментальных трудов этого выдающегося историка, названном «Чувашия в эпоху феодализма», целый раздел посвящен вопросу о заселении юго-восточной и южной части Чувашии в 16-м веке. В нем я и нашел документально подтвержденные сведения по интересующему меня вопросу. В этой работе сказано о том, что село Большие Яльчики Яльчикского района Чувашской Республики, расположенное в 2 километрах западнее деревни Аксу, было основано в 1587 году ясачными чувашами, переселившимися из села Карамышево, которое в настоящее время в составе Козловского района Чувашии. В 1607 году было проведено межевание их земель и определен размер ясачных платежей. В 1639 году было обнаружено, что в результате переселения крестьян из других деревень возникла деревня Малые Яльчики (ныне райцентр Яльчикского района Чувашской Республики). В сентябре 1639 года был произведен сыск и описаны земли Больших и Малых Яльчиков, которые граничили в числе других селений новых переселенцев и с деревней Белая Воложка Камышилга тож, Аринской волости Свияжского уезда [123]. В книге Василия Дмитриевича содержится информация и о том, что описание этих земель хранится в РГАДА (Ф. 1312, Оп. 2, Д. 1077, Лл. 5–6 об.). Следовательно, на территорию, граничащую с землями села Большие Яльчики, деревня Аксу была переселена до 1639 года. После такой информации у меня возник интерес к изучению истории Аринской волости Свияжского уезда, в составе которой, в упомянутом документе, и была занесена деревня Аксу. Некоторую информацию я нашел в книге другого чувашского историка Я.Н.Зайцева «Лета и лица Урмарской землицы», где использованы архивные материалы. В этой книге Яков Николаевич приводит полный список населенных пунктов татар и чувашей Аринской волости Свияжского уезда, составленный в 1710 году: «починок Атуганова при речке Карле; починок Чураков в степи: деревня Илбахтина, деревня Ишина; дер. Белая Волошка Камышелага, деревня Сабанчеева; деревня Новая Байбатырева при речке Малой Буле; дер. Старые Курбаши при речке Киксар; дер. Бикмурзина, что поселилась на диком поле на оброчной земле; деревня Белая Волошка Киксар при речке Киксарке; деревня Бадбарина; деревня Айдарова; деревня Кугушова при речке Аре; деревня

Тогаева при речке Шевыре; деревня Васюкова при речке Кашнаре; деревня Аменева при речке Буле; деревня Ураспугина при речке Урлеме; деревня Бикирчсева при речке Ашире; деревня Кугеева, деревня Сунчалеева при речке Яванче; деревня Ковали при речке Ковале; деревня Ямметево, Акзегитово тож; деревня Муратова при речке Турме; деревня Новая Исакова при речке Шурмасае; деревня Тансарыева, Урмарово тож; дер. Юмашево при речке Масле; деревня Бахтеева; деревня Янгильдина при речке Аре; деревня Бува, Селненечко тож, при речке Масле; деревня Янишева при речке Улундаре, деревня Большая Якушева при речке Улендаре; деревня Кумалли, Юмашево тож; деревня Чурина при речке Амлено; деревня Аничково; деревня Белая Волошка Атикова» [124]. В этом списке значатся три населенных пункта (Энтуганово, Чураково, Аксу) Буинского района, десять населенных пунктов (Айдарово, Акзигитово, Бакрче, Васюково, Кугеево, Кугушево, Сунчелеево, Тугаево, Ураспуги Верхние и Нижние) Зеленодольского района, три населенных пункта (Баймурзино, Старые Курбаши, Муратово) Кайбицкого района Республики Татарстан, четыре населенных пункта (Белая Воложка (Киксары), Новое Байбатырово, Новое Чурино, Сабанчино) Яльчикского района, пять населенных пунктов (Буинск (Верхнее Юмашево), Урмары, Ковали, Новое Исаково, Новое Янгильдино) Урмарского района, три населенных пункта (Альменево, Аттиково, Янгильдино) Козловского района, два населенных пункта (Янишево, Якушево) Вурнарского района Чувашской Республики. Возможно, некоторые населенные пункты за последние триста лет поменяли названия либо прекратили свое существование. Таких населенных пунктов, как Бахтеево, Селненечко, Бадбарино, на территории занятой в 18-м веке Свяжским уездом, обнаружить не удалось. С какой целью эти населенные пункты, некоторые из которых расположены друг от друга на расстоянии около 200 километров, были отнесены к одной административно-территориальной единице? На этот вопрос я точного ответа не нашел.

В изданной в 2000 году издательством «Идел-Пресс» книге «Буинские просторы» достоверных сведений, касающихся основания деревни Аксу, не обнаружил. Там сказано, что Аксу основана в эпоху Казанского ханства. В этом же сборнике помещена статья кандидатов исторических наук Рамиля Хайрутдинова и Радика Салахова «Освоение Буинского края во второй половине XVI–XVII веков». В статье сказано: «Особенностью Буинского района является довольно четкое разделение поселений на села, основанные служилыми людьми – «казанскими татарами», переселившимися в Буинский край из Свяжского и Казанского уездов, и деревни, населенные служилыми мурзами и татарами-мишарями. К первым относятся поселения, расположенные, в основном, внутри черты. Служилым мурзам и татарам-мишарям отводились свободные земли к югу от Карлинского вала. Эти деревни основывались мишарями, переведенными из Сергачского уезда Нижегородской губернии, Темниковского уезда Тамбовской губернии, Курмышского и Алатырского уездов Симбирской губернии» [125]. Несомненно, данные о населенных пунктах, расположен-

ных южнее Карлинской черты, взяты из исторических документов. А что касается утверждения о заселении территории севернее Карлинского вала «казанскими татарами», то это результат незнания истории, хотя информация о переселении туда служилых татар, первоначально переселенных в Свияжский уезд из Мещеры, соответствует действительности. Что касается утверждения о переселении в Буинский край татар Казанского уезда, то это противоречит историческим документам. Вот что писал профессор Г.И. Перетяткович о событиях в Казанском уезде, произошедших после взятия Казани Иваном Грозным: «Завоеваніемъ Казани и утверждениемъ здѣсь русскихъ воеводъ Казанское царство еще не было покорено окончательно. Съ существованіемъ Казанского царства были тѣсно соединены интересы слишкомъ многихъ людей, чтобы съ ихъ стороны не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ его возстановленію: трудно было имъ примириться съ тѣмъ состояніемъ, которое выпало на ихъ долю въ Московскомъ государствѣ... Въ возникшихъ въ скоромъ времени возстаніяхъ, на ряду съ казанскими князьями и мирзами, дѣйствуютъ также выдающіеся люди изъ инородцевъ, «сотенные князья». Русскіе воеводы въ своей борьбѣ съ возставшими особенное вниманіе обращали на князей, мирзь и сотенныхъ князей, какъ на руководителей возстанія, почему и не щадили ихъ, а старались истребить поголовно». Далее, ссылаясь на Никоновскую летопись VII 1555 г., он приводит следующие данные: «Сохранившіяся цифры убитыхъ ясно показываютъ многочисленность знатныхъ людей въ странѣ и ихъ силу. Такъ, осенью 1555 года убито было 1560 человекъ «именныхъ людей, князей и мирзь, да сотныхъ князей, да лучшихъ казаковъ»... Эти возстанія были усмирены лишь тогда, когда усиліями русскихъ воеводъ «извелися всѣ лучшіе казанскіе люди, ихъ князи, мирзы и казаки, которые лихо дѣлали», только послѣ этого «черные люди всѣ въ холопствѣ и въ дани учинилися» [126]. Далее, этот же автор со ссылкой на ту же летопись и на данные, взятые из книги профессора Н.Г. Устрялова «Сказанія князя Курбскаго», пишет следующее: «Какъ Іоаннъ III послѣ завоеванія Новгорода и Вятки выселилъ оттуда многихъ лучшихъ людей въ московскіе города, а на ихъ мѣсто водворилъ переселенцевъ изъ Москвы и другихъ городов; какъ Василій III послѣ присоединенія Пскова выселилъ оттуда большое число семей въ города Московскаго государства, а на ихъ мѣсто переселилъ гостей, выведенныхъ изъ московскихъ городовъ, – такъ и Грозный распорядился съ Казанской областью. Послѣ окончательно того какъ множество знатныхъ и богатыхъ Казанцевъ погибло въ возстаніяхъ, въ которыхъ они принимали преимущественное участіе – остальныхъ царь вывелъ вмѣстѣ съ средними людьми и раздалъ имъ помѣстья въ городахъ и волостяхъ московскихъ, новгородскихъ и псковскихъ; въ городѣ Казани, на посадѣ и по селамъ водворились русскіе служилые и неслужилые люди» [127]. Несомненно, здѣсь Г.И. Перетятковичъ в число русскихъ служилыхъ включил и служилыхъ татар. В упомянутомъ ранее «спискѣ населенныхъ пунктовъ Казанской губернии, въ которыхъ проживали служилые татары» указано, что в Старой татарской слободѣ Казани ревизскихъ душъ 481, а в

Новой татарской слободе их 470, и все они являются служилыми татарами. Других категорий татар в Казани нет [128]. Следовательно, наряду с русскими, в саму Казань переселялись и служилые татары, состоявшие на службе у государя Московского, а не наоборот, как это указали Рамиль Хайрутдинов и Радик Салахов в упомянутой выше статье. В книге Г.И. Перетятковича есть информация и о том, что по вопросу строительства Свияжска царь созвал совещание с участием «Шигь-Алея, казанских князей и мурз, состоящих на службе», которых насчитывалось около 500 человек [129]. Нет никакого сомнения в том, что именно они и были переселены в Казань после описанных Г.И. Перетятковичем событий.

Хочу пояснить читателю, что деревня Аксу расположена севернее Карлинской черты. О ее жителях я знаю не понаслышке, так как сам родом из Аксу, детские и юношеские годы провел там, хорошо знаю местный говор татарского языка. Поэтому могу рассказать о некоторых особенностях, свойственных жителям Аксу, которые заметно отличают их от казанских татар. Еще примерно полвека тому назад местный говор татарского языка резко отличался от языка казанского. Вместо некоторых татарских слов в разговорной речи употреблялись неправильно произносимые русские слова. Часто употреблялись такие слова, как ату (а, то), безобрази (безобразие), бестулок (бестолковый), беспамат (без памяти), бупчи (вообще), давай, зрә (зря), имынно (именно), нүжәли (неужели), пака (пока), пагыч (пакость), пулный (полный), сапчим (совсем), сразо (сразу), слушый (слушай), таки (так и), түлке (только), ужо (уже), чистый и другие. К тому же говор содержал следующие слова, которых нет у казанских татар, как и нет их ни в одном из словарей татарского языка: акчый, бакчый, аный, моный, куртма, курма, эбик, кели, теңкә и другие. Для деревенского говора характерна замена звуков Ю, Е, Я, Й в начале слова на ЖУ, ЖЫ, ЖА, ЖӘ. Неправильно произносимые русские название жилого дома и его конструктивных элементов на местном говоре сохранились до наших дней: ызба (изба), матча (матка), гәрнич (карниз), фантамент (фундамент), наличнек (наличник), сушилә (навес для сушки сена). Такой говор характерен для жителей северных поселений Буинского района, Апастовского, Кайбицкого, Тетюшского и Камско-Устьинского районов Республики Татарстан, которые расположены на Горной стороне. Тот факт, что у носителей этого говора жилой дом и его конструктивные элементы имеют русские названия, на мой взгляд является свидетельством того, что они оседлый образ жизни начали среди русского населения, либо в непосредственной близости к нему.

Хочу сказать еще об одной особенности, которая резко отличает жителей Аксу как от казанцев, так и от жителей Волжской Булгарии, где начиная с X века на могилах ставили надгробные камни с высеченными арабскими буквами именами захороненных и надписями об их хороших деяниях при жизни. На кладбище же деревни Аксу самые первые такие камни появились лишь в 1895-м и 1907 (1319 год хиджры) годах. На представленной фотографии запечатлен один из этих камней.

На территории кладбища площадью около гектара установлены всего два надгробных камня с арабской надписью. Второй камень был установлен на могиле умершего в 1895 году в возрасте 51 года Шамиля, сына Милавагиза. Похоже, что камень падал и был переустановлен. Камень содержит надписи с четырех сторон. Надписи на камне во многих местах испорчены, что исключает возможность их прочтения. Кроме имени и возраста захороненного удалось прочитать цифры 1895 и слово «год», написанное на татарском языке арабскими буквами. Без учета памятников, установленных за последние 50–60 лет, Аксунское кладбище заполнено установленными на могилах камнями без надписей. Это простые необработанные камни, в составе которых преобладает кальций. Предлагаю вашему вниманию фотографии таких камней, установленных на кладбище деревни Аксу.

Кроме этих камней на могилах устанавливали лишь тамгу (опознавательный знак рода), который не высекался на камне, а вшался на дереве. У всех родов Аксу был свой опознавательный знак (тамга). Со слов моего отца Рифката, тамга нашего рода – это гусиная лапа.

Хочу рассказать еще о некоторых отличительных чертах жителей Аксу. Первая – это забытый в настоящее время своеобразный народный фольклор. С детства запомнил один интересный рассказ своей матери. При исполнении некоторых песен, которые в настоящее время забыты и не исполняются, солист, начиная пение, как монгольские исполнители народного фольклора, долгое время выдерживал паузу издавая при этом гортанное «р-р-р-р» звучание, затем начинал петь. Как-то, в послевоенные годы возле клуба деревни Аксу собралась молодежь, где исполняли такую песню. В этот момент откуда-то появился учитель Аксунской восьмилетней школы чувашской национальности и, проходя мимо, услышал «рычание». Он схватил солиста за ворот и потребовал прекратить «безобразие». Вторая особенность – это национальные праздники. Я не помню ни одного случая проведения Сабантуя в самой деревне Аксу. Правда, некоторые из жителей ежегодно ездили на Сабантуй в Буинск, а некоторые выезжали в село Малые Яльчики, где проходил чувашский национальный праздник Акатуй. Еще полвека назад деревенские старухи рассказывали о ежегодном праздновании в старину (до революции) праздника Навруз в день весеннего равноденствия.

Есть ещё один интересный факт, имеющий отношение к истории деревни. В мои детские годы деревенские старухи говорили, что несколько семей в деревне Аксу из рода «мокша», то есть из мордвы. Они поэтому и носили прозвище «мокша».

Перечисленные мной доводы дают основание для утверждения о том, что жители деревни Аксу не казанские татары, а тюркоязычные переселенцы из Центральной России, которые до того, как осели там, были кочевниками. Возникает вопрос – откуда все-таки прибыли служилые татары, основавшие деревню Аксу? В поисках ответа на этот вопрос я обратился к историческим документам Свияжского уезда, в состав которого изначально входила деревня. Одним из таких документов является «Список перечневой Свияжскаго уезду служилых мурз и служилых татар и недорослей поместным землям с книг писма и меры думного дворянина Ивана Михайловича Аничкова с товарищи 155-го и 156-го и 157-го и 159-го и 160-го году». Копия этого документа, подготовленная кандидатом исторических наук Д.А. Мустафиной, в 2004 году была издана в типографии Казанского государственного университета под названием «Перечневая книга Свияжского уезда: по материалам писцового описания 1646-1652 годов». Анализ названного документа в совокупности с трудами исследователей Центра историко-родословных исследований «TatarGen.Ru» Максума Маратовича Акчурина, Мулланура Равильевича Ишеева и журналиста из Мордовии Ирека Дамировича Биккинина позволяет делать конкретные выводы о переселении в Свияжский уезд кадомских, шацких, темниковских князей, мурз и служилых татар, начиная со второй половины XVI века. По материалам писцового описания, к 1652 году в Свияжском уезде указаны поместья девяти служилых мурз, имевших почетный титул «князь». Среди них Ишеевы (Бибарс и Борис Янбарсовы дети, Алей и Уразмамет Богдановы дети) и Борис Янбарсов сын князь Тенишев.

Князей Ишеевых М. Ишеев относит к роду свияжских князей, берущих начало от князя Ишея Кудабердеева, упомянутого в дозорных книгах 1612/13 г. как владелец села Барышево на реке Улеме. Однако нет никаких документов свидетельствующих о получении княжеского титула Ишеем Кудабердеевым именно в Свияжске. Поэтому представляется правильным мнение о происхождении князей Ишеевых от темниковского князя Акчуры Адашева (потомка князя Бехана в VI поколении), пожалованного в 1509 году грамотой великого князя Всея Руси Василия III на княжение над Кояльской мордвой. Несомненно, Борис Янбарсов сын князь Тенишев происходит из рода темниковского князя Тениша Кугушева (потомка князя Бехана), которому великий князь Всея Руси Василий III в 1528 г. пожаловал город Темников. В Перечневом списке Свияжского уезда значатся представители известных татарских феодальных родов Ишеевых, Кугеевых, Караевых, Бибарсовых, Баишевых, Булатовых, ранее проживавших в Мещерском крае. Так, в частности, Перечневой список содержит сведения о том, что за Ишеем мурзою Булатовым поместья «в деревне Еналееве» (ныне д. Старые Енали Апастовского района РТ), на диком поле «на речке на Кишаке, по одну сторону речки Кильны» (возможно, ныне там с. Русские Кишаки Буинского района

РТ) и на пустоши «порозжей на диком поле между дву речек Лащъ» (ныне там с. Верхние Лащи Буинского района РТ) [130]. В научной статье Е.И. Саляева «Населенные пункты Примокшанья в первой половине XVII века» со ссылкой на архивные материалы сообщается о том, что деревня Ишкино Беднодемьяновского района Пензенской области было основано в 1636 году переселившимися из Темниковского уезда служилыми татарами, среди которых был Ижбулагка мурза Булатов [131]. Очевидно то, что мурзы Булатовы состояли в родстве. Отсюда можно сделать вывод о том, что Ишей мурза Булатов является переселенцем из Темниковского уезда. В книге Д.М. Исхакова «От средневековых татар к татарам нового времени» сказано: «Из «Книги сбора оброчных денег» (1617–1619 гг.) видно, что в Свяжском уезде имелись «сотня князя Аклычева» и «сотня князя Тимеева». В этом же уезде еще отмечаются: в 1625 г. – «Князя Ишеева сотня», в 1646 г. – «князя Байбулагова сотня»... В Свяжском уезде отмеченные сотенные деления были устойчивыми и дожили до XVIII в – по материалам I и II ревизий (1719, 1744 гг.) установлено, что в уезде существовали 4 татарские сотни, названия которых звучали так же, как в XVII в.: «Князя Аклычева», «князя Ишеева», «князя Тимеева» (вариант: «князя Темешева») и «князя Бикбулатова»» [132]. Однако структурой и функциями этих сотен историки не интересовались, и они не стали предметом изучения. В связи с этим, в последнее время, стали появляться статьи, авторы которых эти сотни называют административно-территориальными делениями Свяжского уезда.

Низшими звеньями административно-территориального деления Свяжского уезда, как видно из содержания упомянутого Перечневого списка, являются станы в количестве четырех, а не сотни. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» дает следующее разъяснение понятию «сотня»: «Сотня же сто, десять десятков, два с половиною сорока. Встарь полки делились на сотни; жители Новгорода и пригородов его, по промыслам, делились на сотни, и писались: сотня гостиная, суконная и пр. Казачьи полки и ныне разделены на сотни, в которой однако же полагается более ста человек». Исходя из этого, можно предположить, что названные Д.М. Исхаковым сотни – не что иное как войсковые единицы, включающие в себя жителей конкретных населенных пунктов. Татарский просветитель Каюм Насыри, изучая во второй половине 19-го века предания, легенды и памятники в селениях Свяжского уезда, нашел сведения о проживании в 17-м веке в некоторых населенных пунктах уезда казаков [133]. Исходя из этого, можно прийти к выводу о том, что сотни были казачьими и были образованы по тому же принципу, что и на Украине. Следовательно, служилое население Свяжского уезда до начала 18-го века состояло на казачьей службе и регулярно призывалось в случае военных действий. Количество служилых, указанных в Перечневом списке, точно соответствует численности четырех казачьих сотен. Хочу отметить, что здесь речь идет не о вольных казаках, а о служилых казаках Московского государства, которых еще называют «приборными». Из пояснительного текста кандидата исторических наук Д.А. Мустафиной видно, что

«Список перечневой Свияжского уезду» был перекопирован с экземпляра, пришедшего в ветхость, некоторые страницы которого были нечитаемы либо отсутствовали. Возможно, поэтому я там не нашел прямых сведений о деревне Аксу. Пришлось довольствоваться сведениями о соседних деревнях Тутаево Апастовского района и Каменный Брод Буинского района Республики Татарстан. Согласно Перечневому списку основателями деревень Девликеево и Тутаево Апастовского района РТ являются Василь Богданов сын Алышев и его родные братья недоросли Семенеик с Уразмаметком. Согласно данным кадомского краеведа В.Г. Милованова некогда распространенная в Кадомском уезде фамилия Алышovy, свидетельствует о крымском происхождении ее носителей, многие из которых приняли крещение и забыли свой язык [134]. В Перечневом списке основателями деревни Каменный Брод Буинского района РТ названы 11 помещиков, среди которых значатся имена Арземаса Ишеева, Акчюры Кучкаева, Тоико Узбякова, Обрама Алтышева и Айтугана Утешева. В этом источнике помещиками названы служилые татары, мурзы и князья по одной простой причине, что при Иване IV они все были приравнены по своим правам к русским помещикам. Последующими правителями эти права постепенно были урезаны, и после перевода их в сословие государственных крестьян Петром I эти бывшие помещики стали называться «мурзами-лапотниками», которых насильно загнали на вырубку леса (лашманство) для кораблестроения. Из фамилий помещиков деревни Каменный Брод особый интерес представляет фамилия Тоико Узбякова. По свидетельству многих историков, некоторые служилые татары свою этническую принадлежность сохраняли в виде фамилии. В списке также содержится следующая информация: «За Досаем Аишевым сыном Баишевым в поместье на диком поле, за старою свияжскою засекою, жеребей у деревни Чипчиковы на реке на Буле... Да за ним же, Досаем, в поместье мелничное место против деревни Ялчикова, где живет чювашенин Бибарс Байбарсов» [135]. Это очень интересная информация. До середины 70-х годов прошлого столетия между деревнями Каменный Брод и Бик-Утево были две русские деревни – Чипчуги и Кокуй (жители Аксу называли Кукау). Постепенно уменьшаясь в размерах, эти деревни прекратили свое существование, не оставив после себя и следа. По старинному преданию деревню Кокуй обосновал русский помещик, который прогнал жителей Аксу с обжитого места на берегу реки Була. Упомянутая в Перечневом списке водяная мельница Досая Баишева, по словам моего отца Рифката, была установлена на том месте реки Була, где в нее впадает Малая Була, и жители села Большие Яльчики пользовались ею до начала 40-х годов прошлого столетия. Получается, что земли, занятые помещиком деревни Кокуй, первоначально принадлежали Досаю Баишеву. Возможно, при переселении деревни Аксу братья Баишевы, чьи земли также были изъяты русским помещиком, переселились вместе с жителями Аксу. Братья Баишевы имели поместья во всех четырех станах Свияжского уезда (в том числе в с. Большие Ширданы и в д. Тоулино Зеленодольского района РТ). Поэтому это лишь предположение, причем основанное на информации, содержащейся в

одном из официальных документов. В «Наказной грамоте из Приказа Казанского Дворца Свяяжскому воеводе Поснику Григорьевичу Огареву о посылке на дикое поле, за старою засекою, по речке Карле, отказчика для отказа той земли татарину Атабаю Сабаеву Крымову», датированной 31 января 1669 года, упомянуты сыновья Досая Баишева, просившие землю под поместья. В ней говорится: «Да били челом нам, Великому Государю, свияжские служилые татары Асайка и Альмаметка Досаевы, дети Баишева, а сказали: служить де сии нашу, Великого Государя рейтарскую службу, а поместные оклады им учинены по 350 четей, а поместья де за ними нет нигде, а есть де в Свяяжском уезде, в степи по Карле реке, к Семеновскому перевозу, за рекою Карлою, лишняя примерная земля, мелкие полянки, что осталось Свяяжского татарина Атабая Сабаева, сына Крымова за его дачею и за окладом, 150 четей да сенных покосов 500 копен и тою де примерною землею и сенными покосы он, Атабай владеть, а ему де Атабаю та примерная земля и сенные покосы в оклад его не войдут и та де примерная земля и сенные покосы в поместье никому не отданы и нам, Великому Государю, пожаловать бы ту лишнюю примерную землю, что осталась за окладом его, Атабая» [136]. Многие историки, исследовавшие процесс переселения служилого населения, обратили внимание на наличие материнских деревень, чьи названия сохранялись переселенцами в названиях вновь образованных населенных пунктов с добавлением дополнительного пояснительного компонента. Помещики материнской деревни, как правило, имели поместья и в дочерних. В связи с этим, в упомянутом Перечневом списке особый интерес представляет деревня Антикова Белая Волошка на речке Белой Волошке Подгородного стана Свяяжского уезда (ныне с. Аттиково Козловского района Чувашской Республики). Указанная деревня является материнской следующим населенным пунктам: д. Белая Воложка Яльчикского района ЧР (в Перечневом списке значится по стану Муратовскому как д. Антикова Белая Волошка то же, что была пустошь на речке Киксаре), деревни Нижнее и Верхнее Анчиково Козловского района ЧР (в Перечневой книге значатся по стану Подгородному как д. Анчикова Белая Волошка), д. Аксу, д. Чувашская Беловолжка и д. Татарская Беловолжка (все три деревни в составе Буинского района РТ и в Перечневом списке не значатся). Согласно Перечневому списку в материнской деревне имелись поместья семи служилых татар и две семьи беспоместных татар. Двое служилых татар д. Антикова Белая Волошка братья Отабайка и Крычбулатка Баибулатовы значатся как неверстанные (служилые, которым должны предоставляться поместья на другом месте). Во всех перечисленных населенных пунктах, кроме деревень Аксу и Татарская Беловолжка, в настоящее время проживают чувашаи. Это и послужило доктору исторических наук В.Д. Димитриеву основанием для того, чтобы назвать основателей д. Антикова Белая Волошка на речке Белой Волошке служилыми чувашами. Для этого он изменил название исторического документа, хранящегося в фонде РГАДА как «Список перечневой Свяяжскаго уезду служилых мурз и служилых татар и недорослей поместным землям с книг писма и меры думного дворянина Ивана Ми-

хайловича Анничкова с товарищи 155-го и 156-го и 157-го и 159-го и 160-го году». Этот документ в своих трудах он назвал как «перечневые книги письма И. Анничкова земель нерусских помещиков (мурз, служилых татар и служилых чувашей) Свяжского уезда с 1646/47 по 1651/52 г.» и, тем самым, ввел в оборот новый термин – «служилые чувашаи», которого нет ни в одном из исторических документов. Именно вот такого содержания в действительности сам текст обобщения по д. Антикова Белая Волошка, содержащийся в указанном Перечневом списке: «И обоего в деревне Атикове Белой Волошке семь дворов помещиковых да два двора беспомесных татар, пашни паханые добрые земли, старые дачи и с примерною землею, сто одиннатцать чети с третником в поле, а в дву по тому же; сена семьсот шестьдесят пять копен» [137]. К тому же один из помещиков, имевших поместье в д. Антикова Белая Волошка – Янборис мурза Баимурзин по своему статусу мурзы не может быть отнесен к этническим чувашам. В связи с тем что одни дочерние деревни Антикова Белой Волошки сформировались как чувашские, а другие как татарские, вопрос об этнической принадлежности служилых татар этой деревни остается открытым. По этому вопросу, кроме всего, необходимо учитывать факт разноплеменности служилых татар, переведенных в Свяжский уезд, о чем можно судить даже по их фамилиям, отраженным в названном Перечневом списке. В частности, фамилии Девлекаея мурзы Девлеткильдеева, сына Караева, имевшего поместье в деревне Чутеева (ныне с. Чутеево Кайбицкого района РТ), и Канмурзы Карасва, имевшего поместье в деревне Куштово (ныне с. Куштово Апастовского района РТ), свидетельствуют об их караимском (крымские татары, исповедующие иудаизм) этническом происхождении; фамилии упомянутых ранее Атабая Сабаева, сына Крымова и Василя Богданова, сына Алышева, свидетельствуют об их крымско-татарском происхождении; фамилия упомянутого ранее Отаика Узбякова свидетельствует о его узбекском происхождении; фамилия Ерлыганка Ногаева, имевшего «в поместье пустошь на диком поле по реке Буле да по речке Ерклы», свидетельствует о его ногайском происхождении; фамилии Семена Немичева, имевшего поместье в д. Большие Калепы, и Явгостейка Немичева (его имя явно Августин), имевшего поместье в д. Кугеево (ныне с. Кугеево Зеленодольского района РТ), свидетельствуют об их немецком происхождении. Скорее всего, вопрос формирования жителей каждой из деревень служилых татар как представителей конкретной национальности в начальном этапе зависел от этнической принадлежности невест, с которыми заключались браки этих служилых татар и их детей. В связи с этим, возникает вопрос об определении этнического состава населения Свяжского уезда к моменту строительства уездного центра. Г.И. Перетяткович, описывая процесс строительства города Свяжска, пишет: «Со стороны жителей этих мест (Чуваши и Черемисы) вряд ли можно было ожидать серьезного сопротивления при построении города, ибо несколько лет тому назад они заявляли свою готовность служить Москвѣ против Казани» [138]. При этом о татарах он вообще не упоминает. Следовательно, татары в окрестностях Свяжска составляли незначительную часть населения. Не каждый служилый татарин имел возможность ис-

кать невесту в тех обжитых местах, откуда был переселен, поэтому браки заключались с представительницами местного населения, среди которых преобладали этнические чувашки. В своей работе «История региона: по следам легенд, преданий, памятников» Каюм Насыри приводит несколько примеров заключения таких браков. В частности, им говорится, что среди жителей его родной деревни Ширданы (ныне с. Большие Ширданы Зеленолского района РТ) есть потомки двух «неболгарских» родов. С его слов, один из этих родов берет начало от женщины-чувашки, а другой от женщины-марийки [139]. В этой же работе он приводит повествование о том, что татарин по имени Кармыш, переселившись в XVII веке в Свияжский уезд, подбирает невест, затем женил своих детей и внуков, проживавших в Тетюшском уезде, на чувашках из села Чэнчас Свияжского уезда [140]. Я специально не затрагиваю вопрос о браках, заключенных служилыми татарами с русскими девушками, так как нас интересует процесс формирования татарской нации, а не русской. Такие факты были не единичны, и многие из видных русских деятелей происходят от обрусевших служилых татар. Думается, что далее по мере формирования принадлежности служилых татар к конкретной этнической группе (к чувашам, либо к татарам) браки совершались лишь в рамках этих этнических групп. В подтверждение сказанного, могу привести несколько примеров, которые имеют прямое отношение к моему роду. Моя прабабушка по линии отца Халима родом из с. Алькеево Буинского района РТ, а ее мать была родом из с. Чутеево Кайбицкого района РТ. А прабабушка по линии моей матери Заркия была родом из с. Бакрче Апастовского района. Этот процесс продолжается более чем 300 лет, и даже в настоящее время у меня есть родственники во втором и третьем поколении в д. Нижний Наратбаш Буинского района РТ, в д. Шемяково Апастовского района РТ, в Москве – выходцы из д. Девликеево Апастовского района РТ. Представляет особый интерес и сам механизм формирования языка общения у служилых татар, сформировавшихся в ходе описанного процесса как этнические татары. Этот вопрос лингвистами оставлен без внимания. Возможно, такой подход связан с близостью фонетики говора Горной стороны к фонетике говора казанских татар, отнесенного к среднему диалекту. Лишь доктор исторических наук М.А. Усманов первым обратил внимание на особенности говора Горной стороны. Однако он, приняв территорию, занятую татарами, разговаривающими на этом наречии, за «своеобразный коридор, где между собой перемешались два диалекта (средний и западный – мишарский) татарского языка, где одновременно изменились обычаи и нравы», назвал это лишь «интересным и поучительным примером» [141]. В сборнике «Кайбицы – край мой родной», изданном в 2007 году в Казани (автор-составитель Рафик Гарафутдинов), много информации, основанной на исторических документах. В разделе «В истории есть наш след», составленном по материалам члена президиума Кайбицкого землячества в Казани К.Г. Галимова, сказано, что после взятия Казани земли многих населенных пунктов были отведены служилым татарам-мишарям, в результате чего количество татар-мишарей в этом регионе увеличилось. Однако автор под влиянием

концепции болгаристов утверждает о том, что со временем язык татар-мишарей изменился и приспособился к «местному казанскому (булгарскому) диалекту» [142]. С этим мнением в части приспособления языка мишарей к булгарскому я не могу согласиться. Начнем с того, что в результате набега Хромого Тимура (Тамерлана) в 1395 году города Биляр и Булгар были разрушены, а население поголовно было угнано в рабство. Восстановленный (возможно, уже казанскими татарами) город Булгар в 1431 году был разрушен повторно и окончательно русским князем Федором Пестрым. Нет никаких исторических документов, которые могли бы свидетельствовать о том, что большое количество населения Волжской Булгарии спаслось от этих бедствий, переправившись через Волгу и спрятавшись в лесах на территории современного Кайбицкого района. Правда, просветитель Каюм Насыри сообщает о наличии незначительного количества булгар в селениях, расположенных на территории, граничащей с Кайбицким районом [143]. Однако они, в основном, мужчины в количестве не более пяти человек, что не дает основания к утверждению о булгаризации Горной стороны. Если даже предполагать, что в лесах Кайбицкого района существовали населенные пункты, где проживали булгары, то мы сталкиваемся с еще одной интересной проблемой. Это проблема языка волжских булгар. Судя по сохранившимся письменным источникам (в частности, по содержащимся в книге Д.Г. Мухаметшина и Ф.С. Хакимзянова «Эпиграфические памятники города Булгара», изданной в Казани в 1987 году), язык волжских булгар в корне отличается от языка казанских татар и очень близок к чувашскому языку. Как и чувашский, он относится к «Р» группе тюркских языков, когда язык казанских татар относится к «З» группе. Для того, чтобы прийти к такому заключению, мне не понадобилась консультация специалиста, так как почти полвека тому назад я освоил чувашский язык, обучаясь в средней школе с. Большие Яльчики, где преподавание велось на русском языке. Хотя и татарские ученики были освобождены от уроков чувашского языка, я их посещал как вольный слушатель. В результате этого, а также общения с одноклассниками в течение года, я научился свободно говорить и писать по-чувашски. Чтобы читатель имел представление о сказанном, сильно не распространяясь, приведу лишь один пример, показывающий основное отличие «З» и «Р» групп тюркских языков. В словаре Махмуда Кашгари «Диван лугат аттюрк» (в переводе с фарси «Большой словарь тюрков») цифра 9 на древнетюркском языке значит как «токкуз». По-татарски это «тугыз», а по-чувашски «тохур». Внимательный человек сразу может уловить, что эти два слова (татарское и чувашское) одного древнетюркского корня. Лишь в чувашском варианте в конце слова звук «з» заменен на «р», что является характерным для языков группы «Р» при словообразовании. Хочу отметить, что чувашский язык на сегодняшний день единственный сохранившийся из языков этой группы. Я помню, как в 1970 году на уроке чувашского языка с гордостью сообщили о том, что в Софийском университете Болгарии как древнеболгарский язык стали преподавать чувашский язык. Тогда я и узнал о том, что из Чебоксарского университета приглашены языковеды в Софию,

для разработки методики преподавания чувашского языка как древнеболгарского языка. Следовательно, если браки и заключались служилыми татарами-мишарями с представительницами волжских булгар, то в результате их жены и дети стали разговаривать не на болгарском языке, о чем свидетельствует говор жителей Кайбицкого района, ненамного отличавшийся еще в середине 20 века от говора жителей Аксу. Если брать за основу утверждение Рафика Гарафутдинова о приспособлении языка служилых татар-мишарей к местному, то по какой причине язык служилых татар-мишарей села Чутеево Кайбицкого района не приспособился к местному и не «обулгарился»? Что касается волжских булгар, то в русских летописях сведения о них перестали появляться с начала 16-го века, а сведения о чувашах, как утверждает Г.И. Перетяткович, стали появляться лишь с первой четверти 16-го века [144]. Те и другие были ясачным населением Казанского царства, кем и остались после завоевания Казани. Несомненно, из-за схожести языка русской администрацией все они были причислены к «ясачным чувашам». Возможно, жители тех деревень, которых Каюм Насыри при изучении селений Свяжского уезда назвал бывшими мусульманами-чувашами [145] и есть волжские булгары, переселившиеся на Горную сторону. Думается, что часть волжских булгар из-за общности языка слилась с чувашами, а другая часть из-за того, что исповедывали мусульманскую религию, смешалась с этническими татарами-единоверцами. Такой же процесс произошел с болгарскими, ушедшими в VIII веке на берега Дуная под руководством хана Аспаруха. Они полностью смешались со славянским населением и забыли свой язык, сохранив при этом лишь этноним «болгар». На мой взгляд, именно этот процесс смешения булгар с этническими татарами на страницах сети «Интернет» преподносится как отатаривание чувашей. В связи с тем, что жители с. Чутеево сохранили свой язык, относящийся к цокающему говору мишарского диалекта, можно предположить, что многие служилые татары еще до переселения в Свяжский уезд разговаривали на языке татар Горной стороны. Даже при грубом сравнении его с мишарским диалектом обоих говоров обнаруживаются как общие, так и отличительные признаки. Фонетические особенности мишарского диалекта в говоре Горной стороны полностью отсутствуют, а говор имеет свои фонетические особенности, отличающие его от казанского. Морфологические же особенности, свойственные обоим мишарским говорам, в рассматриваемом говоре наоборот присутствуют. Одинаково образуются наречия времени с помощью слов *qata* и *ozon*, например, *kun ozon* (целый день). Такой же принцип построения словесной конструкции, выражающей желание посредством *-ta/ma + kelı* например *atma kelim* (хочу кинуть). Из сказанного вытекает, что говор татар Горной стороны либо формировался как самостоятельный еще на территории Мещеры, либо, будучи первоначально одним из мишарских говоров, претерпел изменения и сформировался в Свяжском уезде в XVI – XVII веках под влиянием языка представителей этноса, говорящего на среднем диалекте. Г.И. Перетяткович сообщает, что после построения г. Свяжска в Москву явились представители населения

Горной стороны (князя «сотные и десятные») с уведомлением о готовности присягнуть Ивану IV. Он при этом, со ссылкой на стр. 79 и 81 Никоновской летописи VII, 1551 г. поясняет, что среди прибывших кроме чувашей и марийцев были мордва, можары и тарханы [146]. Учитывая эту информацию, можно предположить, что на язык татар Горной стороны мог повлиять язык ногайцев, которые в русских источниках названы тарханами. Возможность влияния языка племени можар также нельзя исключить. К сожалению, нет никакой информации об их языке. Сами можары смешались с чувашами и с другими племенами Поволжья, не оставив никаких письменных памятников. Затронутые мной в связи с описанием языка татар Горной стороны вопросы требуют специального исследования.

Сведения, приведенные и проанализированные выше, позволяют сделать следующие выводы:

– деревня Аксу основана в начале 17-го века служилыми татарами, переведенными из Темниковской Мешеры, языком общения которых был один из говоров мишарского диалекта, путем выделения из материнской деревни Антиково Белая Волошка на речке Белой Волошке;

– одним из основателей деревни, возможно, является служилый татарин Крычбулат Баибулатов, этническая принадлежность которого не установлена.

Вывод о возможном основании деревни Крычбулатом Баибулатовым сделан с учетом рассказа деда Бурхана Шахиди Губайдуллы, согласно которому предка, основавшего деревню, прибыв из Китая, звали Булатом. Булат и Крычбулат – практически одно и то же имя, но во втором случае как характеристика личности добавляется слово «Крыч» («стальной»). Дед Губайдулла, возможно, знал о своих корнях, которые нами на сегодня утеряны, и указал их своему внуку Бурхану Шахиди, основываясь на информации, переходившей из поколения в поколение. Не зря Шахиди в 18-летнем возрасте, оставив беззаботную жизнь в Казани под опекой своего дяди, переехал в Китай. При этом учтена разноплеменность служилых татар, переселенных в Свияжский уезд, что дает основание предполагать о возможности нахождения среди них и этнических уйгуров. Кроме этого, в источниках, изданных в Китае, говорится о том, что татары происходят оттуда и после их переселения в Поволжье оставшиеся смешались с уйгурами [147].

На мой взгляд, Каюм Насыри, имея изложенную мной информацию, не стал бы привязывать к рынку Булгара факт появления в селе Молвино сына и внука человека по имени Шаехби – выходца из Китая [148]. Судя по надписи на памятнике, установленном на могиле его правнука в 6-м поколении, получается, что Шаехби прибыл в Свияжский уезд во второй половине 16-го века, а Булгарский рынок прекратил свое существование вместе с городом за 150 лет до этого. Возможно, и нашим историкам пора брать пример с венгерского профессора Андраша Рона-Таш, изучавшего историю венгров по китайским источникам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Усманов М.А. Ябылмаган китап (Открытая книга). – Казань, 1996. – с. 196.
2. Усов В.Н. История КНР. – Москва. – 2006. – Т. 1. – с. 37-50.
3. Усманов М.А. Ябылмаган китап (Открытая книга). – Казань, 1996. – с. 151-156, 183.
4. Воспоминания о господине Бурхане. Сборник выступлений в честь 100-летия со дня рождения Бурхана Шахиди, составленный коллективом отдела истории Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. – Пекин, 2000. – с. 7.
5. Бурхан Шахиди, 50 лет жизни в Синьцзяне. – Пекин, 1999. – с. 1-2.
6. Каюм Насыри. Избранные произведения. – Казань, 2005. – с. 196.
7. Бурхан Шахиди. 50 лет жизни в Синьцзяне. – Пекин, 1999. – с. 5.
8. Валиев Р.К. Фажига (Трагедия). – Казань, 1996. – с.72, 73, 112, 113.
9. Бурхан Шахиди. 50 лет жизни в Синьцзяне. – Пекин, 1999. – с. 27.
10. Там же, с. 188.
11. Там же, с. 177.
12. Там же, с. 228.
13. Там же, с. 209.
14. Там же, с. 193.
15. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с.4.
16. Старков Б.А. Роль органов государственной безопасности во внутрипартийной борьбе 1920-30-х годов // Исторические чтения на Лубянке. – М., Великий Новгород, 1999.
17. Бурхан Шахиди. 50 лет жизни в Синьцзяне. – Пекин, 1999. – с. 370.
18. Там же, с. 349.
19. Некоторые моменты беседы с дочерью Бурхана Суюм. // Экономическая газета Синьцзяна. – 2003. – 9 января.
20. Садри Максуди: История и современность. Материалы международной конференции. – Казань, 1999. – с. 88.

21. Валиев Р.К. Фажига (Трагедия). – Казань, 1996. – с. 68,69.
22. Сайрани Д.И. О видной просветительнице Рашиде Шахиди. // Джюнгю татарларе (Китайские татары). – Урумчи, 2006. – №1, с. 102.
23. Усманов М.А. Ябылмаган китап(Открытая книга). – Казань, 1996. – с. 174.
24. Бармин В.В. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 годы. – Барнаул, 1999; Бармин В.В. Политика Советского Союза в отношении Синьцзяна в период деятельности коалиционного правительства. 1946 – 1947 г.г. // Восточные исследования на Алтае. – Барнаул, 2000. Вып.2.
25. Сын Фатиха Муслимова Фарит и внук Ильшат с семьями проживают в городе Казани. На стр. 156 – 161 книги Усманова М.А. «Ябылмаган китап» изложена биография Фатиха Муслимова (примечание автора).
26. Бармин В.В. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 годы.- Барнаул, 1999. – с. 64.
27. Ли Шэн. Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. – КНР, Урумчи, 2006. – с. 201-206.
28. Там же, с.206.
29. Бурхан Шахиди. 50 лет жизни в Синьцзяне. – Пекин, 1999. – с. 620-626.
30. Ли Шэн. Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. – КНР, Урумчи, 2006. – с.210.
31. Абдурахман Абдулла. Ташкэнтчилэр (Ташкентцы). Книга вторая.- КНР, Турфан, 2004. – с. 1-4.
32. Бурхан Шахиди. 50 лет жизни в Синьцзяне. – Пекин, 1999. – с. 432.
33. Абдурахман Абдулла. Ташкэнтчилэр (Ташкентцы). Книга вторая. – КНР, Турфан, 2004. – с. 26.
34. Бурхан Шахиди. 50 лет жизни в Синьцзяне. – Пекин, 1999. – с. 651.
35. Этот человек в некоторых источниках упомянут как Оспан батыр, а в других как Усман – бандит. Полную информацию о нем читатель может найти в романе-хронике Р.В. Петрова и А. Мин «Черный Иртыш», изданном на русском языке в 1991 году в городе Алма-Ате (примечание автора).
36. Абдурахман Абдулла. Ташкэнтчилэр (Ташкентцы). Книга вторая. – КНР, Турфан, 2004. – с. 24.
37. Бурхан Шахиди. 50 лет жизни в Синьцзяне. – Пекин, 1999. – с. 669-679.
38. Там же, на стр. 694 сказано, что Дед – это прозвище Чан Кайши (примечание автора).
39. Там же, с. 732.
40. Усов В.Н. История КНР. – Москва. – 2006. – Т. 1. – с. 37-50.
41. Чжан Жичжун в составе делегации Гоминьдана вел переговоры с представителями компартии. Когда Ли Цзунжэнь и премьер Хэ Иньцин отказались подписать соглашение, составленное с его участием, перешел на сторону коммунистов и

- остался в Пекине. (Примечание автора основано на информации содержащейся на стр. 64 Сборника выступлений в честь 100-летия со дня рождения Бурхана Шахиди, составленного коллективом отдела истории Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая).
42. Абдурахман Абдулла. Ташкэнтчилэр (Ташкентцы). Книга вторая.- КНР, Турфан, 2004. – с. 29, 30.
 43. Согласно информации на стр. 225 книги «Синьцзян китайская земля: прошлое и настоящее» Дэн Лицюнь 10 сентября 1949 года получил указание ЦК КПК об аресте всех указанных лиц с конфискацией их имущества (примечание автора).
 44. Воспоминания о господине Бурхане. Сборник выступлений в честь 100-летия со дня рождения Бурхана Шахиди, составленный коллективом отдела истории Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. – Пекин, 2000. – с. 57- 66.
 45. Пэн Дэхуай – будущий командарм 1-й полевой армии НОАК, позже маршал, министр госбезопасности, член Политбюро ЦК КПК, вице-премьер. Во всех источниках указан как честный, добросовестный борец за светлое будущее народа. Отказавшись от привилегий, вел скромный образ жизни. В источниках описаны многие его смелые поступки. В частности, на заседании политбюро он открыто выступил с критикой Мао Цзэдуна, заявив, что он слишком увлекается танцовщицами. В августе 1959 года, следуя на Лушанскую конференцию, посетил родную деревню. Увидев, что деревня в результате политики «большого скачка» пришла в упадок, на конференции выступил с критикой этой политики. В результате был исключен из партии, уволен со всех должностей. В 1966 году был взят под стражу. Выдержав сильные побои и издевательства, не признал себя виновным. В результате побоев тяжело заболел и 29 ноября 1974 года умер в тюрьме от рака. Тело покойного было кремировано, затем прах помещенный в урну за № 327 под чужим именем (Ван Чуань), был отправлен в Сычуань. В 1978 году по инициативе Дэн Сяопина дело Пэн Дэхуая пересмотрено, и он был оправдан (примечание автора, основанное на информации, содержащейся на стр. 137 и 243 тома 1 книги В.Н. Усова «История КНР»).
 46. Турсун Аршидин. Эркэнлик джангчиси Эхмэтджан Касими (Борец за свободу Ахмеджан Касими). – КНР, Урумчи, 2000. – с. 124, 125.
 47. Усманов М.А. Ябылмаган китап (Открытая книга). – Казань, 1996. – с. 165.
 48. Ли Шэн. Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. – КНР, Урумчи, 2006. – с. 226 – 228.
 49. Воспоминания о господине Бурхане. Сборник выступлений в честь 100-летия со дня рождения Бурхана Шахиди, составленный коллективом отдела истории Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. – Пекин, 2000. – с. 17-19.

50. Ван Эньмао в это время был направлен в Синьцзянский отдел по поручению ЦК КПК. О нем полных сведений нет. Известно, что он после 1955 года был 1-м секретарем Синьцзянского отдела ЦК КПК, одновременно политкомиссаром Синьцзянского военного округа и производственно-строительного корпуса. Некоторые сведения о нем содержатся в статье доцента Алтайского государственного университета О.А. Омельченко «Некоторые аспекты политической жизни в СУАР в 1966 – 1978 гг.». Ван Эньмао в годы «культурной революции», руководя войсками, пресек попытку захвата власти в Синьцзянском производственно-строительном корпусе прибывшими из Пекина группами хунвейбинов и цзаофаней. Из-за вооруженных столкновений с населением, согласовав свое решение с центральными органами, Ван Эньмао в марте 1967 года их выслал обратно в Пекин. С сентября 1968 года Ван Эньмао был назначен одним из девяти заместителей председателя ревкома СУАР. В 1971 году он был переведен заместителем первого секретаря района Уху провинции Аньхой. Ван Эньмао принял участие в собрании в честь 100-летия со дня рождения Бурхана Шахиди. Текст его выступления на собрании приведен на стр. 31-43 сборника (примечание автора).
51. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 21.
52. Бурхан Шахиди одновременно исполнял обязанности председателя Верховного Суда Синьцзяна (примечание автора).
53. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 25.
54. Усов В.Н. История КНР. – Москва. – 2006. Т1. – с. 118, 119.
55. Лю Шаоци (1898 – 1969) – видный политический и государственный деятель Китая. Родился 24 ноября 1898 года в деревне Хуаминлоу провинции Хунань в многодетной семье сельского учителя. С 1921 года в Москве обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока, где вступил в Коммунистическую партию Китая. По возвращении в Китай компартия его направила в Шанхай руководить рабочим движением. В 1925 году его избрали заместителем председателя Всекитайской организации профсоюзов. В 1929 году по направлению КПК прибыл в Маньчжурию секретарем подпольной партийной ячейки. В том же году был арестован и через несколько месяцев освобожден за отсутствием улик. В 1930 году возглавил делегацию профсоюзов Китая на проходившем в Москве конгрессе Профинтерна. В январе 1931 года на IV пленуме ЦК КПК 6-го созыва был избран членом ЦК и Политбюро ЦК КПК. С конца 1932 года в Центральном советском районе занимал ряд ответственных постов, в том числе и в ЦИК Китайской советской республики. Во время Великого похода руководил политотделом 3-го корпуса Красной армии Китая. С марта 1936 года на подпольной работе в Тяньцзине как секретарь Северокитайского бюро ЦК

КПК. Во второй половине 1937 года принял активное участие в организации партизанского движения на оккупированных японскими захватчиками территориях. С апреля 1939 года до начала 1940 года заведующий отделом ЦК КПК по профдвижению. С начала 1941 года политкомиссар 4-й армии. В марте 1943 года был образован Секретариат ЦК КПК в составе Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Жэн Виши. С сентября 1949 года заместитель председателя Центрального народного правительства Китая и заместитель председателя Народно-революционного военного совета. В октябре 1949 года председатель вновь образованного Общества китайско-советской дружбы. С 1954 года председатель ПК ВСНП, с 1959 года Председатель КНР. В дни «культурной революции» был репрессирован. С сентября 1967 года содержался под домашним арестом. Лица, приставленные для надзора, Лю Шаоци держали в изоляции от остальных членов семьи, постоянно избивали и, зная что он болен сахарным диабетом, не давали лекарства, в результате он был лишен возможности даже передвигаться самостоятельно. Кроме этого, Лю Шаоци летом 1968 года заболел сильным воспалением легких. 31 октября 1968 года состоялся пленум ЦК КПК, где из 87 членов по причине нахождения большинства членов в тюрьмах и ссылке присутствовали всего 40. Решением этого пленума Лю Шаоци был исключен из партии и уволен со всех должностей. На пленуме против этого решения проголосовали всего два члена. За это Чжу Дэ был отправлен в ссылку, а Чэнь Шаоминь был взят под стражу. В исторических источниках говорится, что любого, кто вставал в защиту Лю Шаоци, ожидала такая же участь. 17 октября 1969 года Лю Шаоци в нижнем белье на носилках был привезен в аэропорт и отправлен в специальную тюрьму города Кайфын. Там он скончался 12 ноября 1969 года. Через десять лет, 29 февраля 1980 года, 5-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва был реабилитирован посмертно. В решении пленума сказано: «восстановить доброе имя товарища Лю Шаоци как великого марксиста и пролетарского революционера, как одного из главных руководителей партии и государства» (комментарий автора основан на разных источниках КНР и России).

56. Чжоу Эньлай (1898-1976) – видный политический и государственный деятель. Соратник Мао Цзэдуна. Родился 5 марта 1898 года в городе Хуайань провинции Цзянсу. Его отец Чжоу Инэн был из сословия шэньши (ученые на службе государства) и в уезде служил простым чиновником. Чжоу Эньлай рано осиротел и воспитывался у родственников отца в разных городах Китая. Весной 1913 года он пересел в город Тяньцзинь в семью сестренки отца, где получил образование в Нанькайской средней школе. В 1917 году с целью поступления в Токийский университет прибыл в Японию. Однако, узнав об открытии на базе средней школы Нанькайского университета, вернулся в Тяньцзинь и поступил туда учиться. За активное участие в студенческом движении 1919 года был исключен из уни-

верситета и полгода содержался в тюрьме. После освобождения осенью 1920 года прибыл в Париж, где два года проучился в Сорбонне. Там он организовал коммунистическую ячейку китайских студентов. В 1923 году продолжил свое образование в Германии, где также организовал коммунистическую ячейку. В Берлине он дал рекомендацию на вступление в партию Чжу Дэ, приехавшему учиться в Германию. В 1923 году Чжоу Эньлай создал европейскую организацию КПК и европейское отделение молодежной коммунистической организации китайцев. В 1924 году ЦК КПК его отозвал в Китай. К этому времени он уже свободно владел английским, французским и немецким языками. В 1924 – 1926 годах был секретарем КПК Гуандунской провинции, руководителем политотдела военной академии Вампу, политкомиссаром 1-й дивизии Народной армии. В 1926 году ЦК КПК Чжоу Эньлай был направлен в Шанхай как секретарь оргкомитета. В феврале 1927 года он в Шанхае организовал вооруженное восстание. Город удерживался восставшими до начала апреля. Чан Кайши ввел в город войска и всех коммунистов, в том числе и Чжоу Эньлая, приговорил к расстрелу. Чжоу Эньлаю удалось сбежать сначала в Ухань, затем в Наньчан, где совместно с Чжу Дэ и Хэ Луном организовал восстание, которое было подавлено. Он до 1931 года вел подпольную работу на территории, контролируемой гоминьданом. В 1931 году переправился на освобожденную территорию и на 1-м Всекитайском съезде представителей советских районов был избран в состав ЦИК Китайской советской республики и членом Реввоенсовета. В 1932 году стал политкомиссаром НОАК под командованием Чжу Дэ. В 1934 году на 2-м Всекитайском съезде представителей советских районов был избран заместителем председателя Реввоенсовета. В 1934–1935 годах Чжоу Эньлай принял участие в Великом походе как начальник штаба. В 1937 году он возглавил делегацию КПК на переговорах с Чан Кайши, в результате которых был создан Единый фронт в борьбе с японской агрессией. В рамках Единого фронта до 1941 года Чжоу Эньлай был военным советником Чан Кайши. Даже после разлада в 1944 – 1946 годах дважды вел переговоры с гоминьдановцами в качестве руководителя делегации КПК. В августе 1947 года Чжоу Эньлай был назначен заместителем председателя военного совета ЦК КПК и начальником Генерального штаба НОАК. В 1948 – 1949 годах он принял активное участие в руководстве всеми военными операциями. В марте 1949 года возглавил делегацию КПК на переговорах с правительством Гоминьдана о прекращении гражданской войны. После образования КНР обязанности премьер-министра Госсовета и начиная с 1973 года заместителя председателя ЦК КПК исполнял до конца жизни. Он в 1956–1966 годах избирался председателем ЦК НПКСК 2, 3, 4 созывов и до 1959 года совмещал должность министра иностранных дел. В поднятии международного престижа КНР его роль неоценима. Умер 8 янва-

ря 1976 года от продолжительной болезни раком (комментарий автора основан на разных источниках КНР и России).

57. Чжу Дэ (1886-1976) – видный политический, государственный и военный деятель Китая. Близкий соратник Мао Цзэдуна. Родился 1 декабря 1885-го либо 1886 года в деревне Лицзявань провинции Сычуань, в некоторых источниках название деревни указано как Мааньчан. Сведения о происхождении весьма противоречивые. В одних источниках указано, что он из беднейших крестьян, а в других – как из богатой помещичьей семьи и передавший полученное в наследство имущество КПК. Поэтому излагаю лишь сведения, отраженные во всех источниках одинаково. В 1905 году Чжу Дэ в Шуньцине обучался в школе. Затем в 1907 – 1908 годах продолжил образование в физкультурном училище Чэнду. С 1909 года военный ротный писарь, откуда через несколько месяцев был направлен в Юньнаньское военное училище. В конце 1909 года Чжу Дэ вступил в Объединенный союз, созданный революционерами под руководством Сунь Ятсена. После окончания военного училища в августе 1911 года, Чжу Дэ командовал взводом Юньнаньской армии, затем ротой. Рота под командованием Чжу Дэ приняла активное участие в антиманьчжурском восстании 11 октября 1911 года в Учане. Эта рота участвовала и в революционном движении в провинции Сычуань. В 1912 году Чжу Дэ стал командиром отряда и преподавателем Юньнаньского военного училища. В 1913 году ему было поручено командование батальоном, в чьи задачи входила охрана границ с Вьетнамом и борьба с бандитизмом. Именно тогда Чжу Дэ разработал тактику ведения партизанской борьбы, которая впоследствии использовалась в борьбе с японскими захватчиками. Российскую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года Чжу Дэ встретил уже командиром бригады Юньнаньской армии. С 1921 года он занимал ответственные посты в провинциальной администрации Юньани. В конце 1922 года, отказавшись от предложенной должности командира дивизии, через Францию выехал в Германию для продолжения учебы. В Берлине познакомился с Чжоу Эньлаем и по его рекомендации вступил в компартию. В июне 1925 года германская полиция арестовала Чжу Дэ за участие в митинге. Он был освобожден судом, после чего получил приказ об отбытии из Германии в течение 24 часов. В результате Чжу Дэ продолжил образование в СССР, где изучал военное дело. В мае 1926 года он через Владивосток вернулся в Шанхай, откуда компартия его направила в Сычуань для ведения разъяснительной работы среди военнослужащих 70-тысячной армии генерала Ян Сэна и привлечения самого генерала на сторону революционной армии. В 1927 году произошел решительный разрыв между компартией и Гоминьданом. В 1928 году Чжу Дэ, командуя 9-м армейским корпусом, принял активное участие в организации восстания на юге Хунани. В том же году он встретился с Мао Цзэдуном, с которым вместе формировали новый

4-й армейский корпус. В 1931 году 1-м Всекитайским съездом представителей советских районов Китая Чжу Дэ был избран председателем Реввоенсовета и главнокомандующим Рабоче-крестьянской революционной армии. В 1930–1931 годах гоминьдановское правительство, задействовав огромные силы, предприняло три карательных похода против Красной армии, насчитывавшей всего несколько десятков тысяч бойцов. Красная армия, применяя тактику партизанской борьбы, не только отбила эти походы, но и расширила территорию советских районов и увеличила свою численность до 100 тысяч. В феврале 1933 г. Красная армия под руководством Чжу Дэ, Чжоу Эньлая и Лю Бочэна разбила две вражеские дивизии под Хуанпи, а в марте под Дунпи еще одну дивизию, что заставило гоминьдановские войска прекратить наступление из-за больших потерь. В 1934 – 1935 годах Чжу Дэ командовал Великим походом. 9 августа 1937 г. Чжу Дэ, Чжоу Эньлай и начальник Главного штаба Красной армии Е Цзяньин в Нанкине провели переговоры с Чан Кайши о сотрудничестве двух партий в борьбе против японских захватчиков. В результате этих переговоров Красная армия была преобразована в 8-ю армию Национально-революционной армии Китая под командованием Чжу Дэ. Его заместителем стал Пэн Дэхуай. С августа 1937 года войска 8-й полевой армии начали военные действия против японцев и в течение восьми лет Чжу Дэ осуществлял руководство всеми военными операциями. С 14 августа 1945 началось противостояние с гоминьдановской армией, пытавшейся уничтожить военные соединения коммунистов. К концу 1948 года войска под командованием Чжу Дэ уже контролировали всю Маньчжурию. Этими же частями были освобождены от гоминьдановцев Пекин, Нанкин, Шанхай, Гуанчжоу. С 1949 по 1954 год Чжу Дэ занимал посты заместителя председателя Народно-революционного военного совета (председателем был сам Мао Цзедун) и главнокомандующего НОАК КНР. С 1954 года заместитель Председателя КНР, маршал НОАК, в период с 1959-го по 1969 год председатель ПК ВСНП. В 1969 году по инициативе Линь Бяо был сослан и до 1970 года находился под наблюдением в городе Цунхуа. В 1970 году по инициативе Мао Цзедун был возвращен в Пекин. 17 января 1975 года его избрали на новый срок председателем ПК ВСНП. Умер в Пекине 6 июля 1976 года в возрасте 90 лет (примечание автора, основанное на разных источниках России и КНР).

58. Богатуров А.Д. Системная история международных отношений (1918-2003). – М., 2003. – Т. 3. – с. 198.
59. Воспоминания о господине Бурхане. Сборник выступлений в честь 100-летия со дня рождения Бурхана Шахиди, составленный коллективом отдела истории Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. – Пекин, 2000. – с. 167-170.

60. В источниках, изданных в КНР, имя Бурхана Шахиди написано тремя иероглифами как Бо Эр Хан (примечание автора).
61. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 54.
62. Дун Биу (1886 – 1975) – революционер, видный политический и государственный деятель Китая, один из основателей КПК. Соратник Мао Цзэдуна. Родился 5 марта 1886 года в уезде Хуанань провинции Хубэй в семье бедного учителя. Настоящее имя Дун Шэнцон, Биу – его партийный псевдоним. В 1903 году сдал госэкзамены уездного уровня и получил первую ученую степень сюцай. В 1905 году поступил в Институт гуманитарных наук в городе Хубэй, который закончил с отличием в 1910 году. По окончании ему министерством образования династии Цин присвоено звание bágòng (избранный гуншэн), представляющее собой третью ученую степень, дающую право на сдачу экзаменов при императорском дворе на занятие государственных должностей. В справочнике «Кто есть кто в Китае», изданном в Гонконге в 1965 году, сказано, что он принадлежит к классу мандаринов (высший чиновник, важный сановник в Китае). Думаю, что Дун Биу отнесен к этому классу благодаря перечисленным экзаменам и званиям. К такому выводу я пришел, исходя из того, что в источниках КНР и России нет сведений о принадлежности его отца к сословию шэньши. Как ни странно, в источниках нет даже имени отца Дун Биу, как нет и названия населенного пункта, где он родился. Дун Биу в 1911 году участвовал в «Синхайской революции» и в том же году вступил в союз «Гунмэнхой». В 1914 году поступил на юридический факультет частного университета в Токио, где познакомился с Сунь Ятсеном, находившимся в эмиграции после неудачной второй революции против Юань Шикая. В июне 1915 года Дун Биу вернулся в Китай и развернул деятельность против Юань Шикая, за что был арестован. После освобождения в 1916 году уехал в Токио и продолжил учебу в университете. Вернувшись в Китай в 1918 году, участвовал в революционном движении «За законность» и в 1919 году принимал активное участие в движении «Четвертое мая». В том же году в городе Ухань открыл школу, где преподавал филологию. Осенью 1920 года в Ухане создал коммунистический кружок. Участвовал в первом учредительном съезде КПК, тайно проведенном в Шанхае 23 июля 1921 года, где он и Мао Цзэдун делали доклады. После съезда стал членом комитета КПК ответственным за регион Уханя, официально занимая должности министра гражданского транспорта и члена комитета правительства провинции Хубэй. В период с 1928 года по 1932 год Дун Биу обучался в Москве в Университете имени Сунь Ятсена и в Международной ленинской школе. После возвращения в Китай руководил партийной школой при ЦК КПК, был членом правительства Китайской советской республики, исполнял обязанности председателя правительства района Шэньси-Ганьсу-Нинся. Участник Великого похода, начавшегося в 1934 году.

В августе 1937 года участвовал в переговорах с правительством Гоминьдана, в результате которых был создан Единый фронт в борьбе против японских захватчиков. Весной 1938 г. в Ханькоу проходил чрезвычайный конгресс Гоминьдана, который принял решение о формировании Национально-политического совета (НПС) – совещательного органа при гоминьдановском правительстве. В сформированный 1 июля 1938 года НПС вошли и коммунисты. Среди направленных КПК 7 человек были Мао Цзэдун и Дун Биу. В организованный мартовским совещанием ЦК КПК 1943 года, Секретариат Политбюро, вошли Мао Цзэдун, Дун Биу и Лю Шаоци. Дун Биу, представляя освобожденные районы Китая, участвовал в учредительном собрании Организации Объединенных Наций, проходившем в 1945 году в Сан-Франциско, где поставил свою подпись в Уставе ООН. В 1946 году совместно с Чжоу Эньлаем вел подпольную деятельность на территориях, подвластных Гоминьдану. В мае 1946 года они переехали из Чунцина в Нанкин и создали там штаб коммунистов. В 1948–1949 годах Дун Биу председатель Правительства Северного Китая. После образования КНР с 1949 года был руководителем законодательного комитета Госсовета и его вице-премьером по вопросам политики. С 1954 года председатель Верховного Народного Суда КНР. С 1959 года заместитель Председателя КНР, после увольнения Лю Шаоци пленумом ЦК КПК с ноября 1968 года по 1972 год совместно с Цун Цинлин (вдова Сунь Ятсена), а с 1972 года по 1975 год единолично исполнял обязанности Председателя КНР. С 1973 года член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. С 17 января 1975 года заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП 4-го созыва. Умер 2 апреля 1975 года. Похоронен в Пекине на знаменитом кладбище «Бабаошань». В городе Ухань ему установлен памятник (комментарий автора, основанный на разных источниках КНР и РФ).

63. Редактор Ию Нонь. Антология Бо Эр Хана. – Пекин: Издательство национальностей, 1989. – с. 49 (на китайском языке).
64. Там же, с. 53.
65. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 52.
66. Там же, с. 54.
67. Согласно историческим источникам Назим ал-Кудси – видный политический и государственный деятель Сирии. Один из основателей Народной партии. В период с конца 1949 года по 1951 год премьер-министр Сирии, в 1961 – 1963 годах президент Сирии (примечание автора).
68. Редактор Ию Нонь. Антология Бо Эр Хана. – Пекин: Издательство национальностей, 1989. – с. 61 (на китайском языке).
69. Салах ад-Дин Битар (1912–1980). Сын богатого купца. В начале 30-х годов обучался в Сорбонне (Парижский университет), где получил диплом юриста. Один

из лидеров арабского движения «Баас». В 1958 году был министром управления Объединенной Арабской Республики. Через год добровольно подал в отставку. После распада ОАР в 1963–1966 годах был премьер-министром Сирии. В 1966 году после смены власти в стране эмигрировал во Францию. Летом 1980 года при входе в рабочий офис в Париже был убит выстрелом в спину (примечание автора, составленное на основе разных источников).

70. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 58.
71. Дегтерев Д.А. Китайская экспансия в Африку: «свято место пусто не бывает»? // Азия и Африка сегодня. – 2005. – №2. – с. 35.
72. <http://abirus.ru/content/564/623/627/634/11272.html>
73. Соловьева Т.И. Исторический опыт международного сотрудничества Китайской Народной Республики и стран Африки во второй половине XX– начале XXI вв.: автореф. дисс... к.и.н.//Т.М.Соловьева. – М., 2009. – с. 14.
74. Го Можо (1892 – 1978) – китайский писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель, родился 16 ноября 1892 года в небольшом городке Шавань уезда Лэшань провинции Сычуань. Урожденный Го Кайчжэнь. Его предки по линии отца из бедных слоев народности хакка. Они переселились из графства Ninghua Фуцзяни во второй половине 17-го века. В китайских источниках сообщается, что, переселяясь, все свое имущество они несли в мешке на спине. Процветание семьи связано с именем прадеда Го Можо Го Ксиэнлина. Он с сыновьями обосновал клан Го, ставший лидером местного речного судоходного бизнеса. Отец Го Можо Го Чаопэй, закончив школу, присоединился к бизнесу своего отца. Кроме этого, он открыл торговлю маслами, опиумом, ликером, зерном и, тем самым сделав дополнительный оборот денег, расширил бизнес отца. Ко всему этому он завоевал уважение населения как знаток народной медицины. Мать Го Можо Ду Аочжэнь из сословия шэньши – дочь судьи города Гуйчжоу, убитого в 1858 году мятежниками. Она в 14 лет вышла замуж за Го Чаопэя, и Го Можо родился восьмым ребенком в этой семье. Он с пятилетнего возраста получал образование дома у специально приглашенного репетитора. В 1906 году, пройдя конкурс, поступил учиться в школу-интернат в городе Лэшань, где вскоре завоевал уважение учащихся, которые его прозвали «культурным леопардом». Его постоянно выбирали делегатом для представления интересов учащихся перед администрацией школы. Го Можо несколько раз отчисляли за конфликты с учителями, а в 1909 году отчислили без права восстановления. В этом же году он свое образование продолжил в Чэнду. В 1912 году родители женили его на Чжан Цюнхуа, с которой Го Можо побыл 5 дней и уехал в Чэнду. Они больше не виделись, хоть и развод официально не был оформлен. Она осталась жить в доме его родителей. В декабре 1913 года Го Можо выехал в Японию. После годичной подготовки в Токио поступил в колледж в городе Окаяма. В 1916

году в больнице Святого Луки в Токио познакомился со студенткой-медсестрой Саго Томико. Прогнав воли родителей она вступила с ним в брак. В этом же году Го Можо начал писать стихи. Окончив колледж в 1918 году, поступил на медицинский факультет императорского университета Кюсю города Фукуока. Но медицина его мало интересовала. В годы, проведенные в Японии, он усиленно занялся переводом трудов известных философов, произведений мировых классиков и сам начал кроме стихов писать и пьесы. В 1921 году он издал свой первый сборник стихов, назвав его «Богини». В 1924 году вернулся в Китай. Был деканом литературного факультета Университета имени Сунь Ятсена в городе Гуанчжоу. Весной 1926 года познакомился с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. В декабре 1926 года поступил на военную службу политинструктором академии Вампу в звании лейтенанта. В 1926 – 1927 годах участвовал в Северном походе против бэйянских милитаристов. Во время экспедиции был переведен в должность заместителя директора Департамента по вопросам политики и повышен в звании до подполковника. В 1927 году был принят в коммунистическую партию. В августе 1927 года принял участие в Наньчанском восстании. После поражения восстания сбежал в Японию. Он с женой Саго Томико и детьми почти десять лет жил в городе Итикава. Эти годы он посвятил изучению древней истории Китая, исследованию надписей на бронзовых сосудах и черепашьих панцирях. В 1937 году началась война, и Го Можо вернулся в Китай, оставив в Японии жену и пятерых детей, которых из страны не выпустили. Он продолжил службу в армии как директор департамента по вопросам политики и был повышен в звании до генерала. В 1938 году в Шанхае познакомился с актрисой Юй Лицунь, на которой женился. В 1940 году продолжил археологические раскопки императорских гробниц в бассейне реки Цзялин в окрестностях Чунцина. В сентябре 1940 года ушел в отставку и с женой поселился в Чунцине. Живя там до победы коммунистов в гражданской войне, Го Можо написал очень много исторических трудов, литературных произведений, среди которых в основном проза, 6 сценариев художественных фильмов. После образования Китайской Народной Республики он был первым президентом Китайской академии наук со дня основания и до смерти в 1978 году. Он также был первым ректором университета науки и технологии Китая (USTC). До «культурной революции» были изданы все его труды в 38 томах. Го Можо одновременно занимал еще несколько должностей. Он был руководителем Комитета по культуре и образованию, одновременно вице-премьером Административного совета, заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП КНР, председателем Китайского народного комитета защиты всеобщего мира. Го Можо до 1966 года был вице-президентом Всемирного Совета Мира. В начале «культурной революции» принял критику и дал согласие на уничтожение всех своих произведений. В эти годы двое из шестерых его детей от брака с Юй

Лицонь покончили жизнь самоубийством, не выдержав издевательств хунвэйбинов. Умер 12 июня 1978 года. Согласно воле покойного его прах был развеян над провинцией Шаньси. Причина смерти в источниках не указана. В некоторых источниках вскользь упомянут факт написания им стихотворения «Песня воды» в честь 10-летия «культурной революции», которое было использовано «бандой четырех» как гимн, в связи с чем после их ареста у Го Можо были неприятности (комментарий автора, основанный на разных источниках КНР).

75. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 58-61.
76. Дэниел Ергин. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М., 1999.
77. Родригес А.М. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. Часть 3. – М., 2001. – с. 54, 82.
78. Рахманин О.Б. Последний приезд Мао // Советская Россия. – 2005. – 1 сентября.
79. Там же.
80. Усов В.Н. Почему Хрущев бомбу не отдал?// Время новостей. – 2003. – 6 августа.
81. Чрезвычайный и Полномочный Посол, профессор Олег Рахманин беседует с политическим обозревателем «Правды» Александром Драбкиным. // Правда. – 2009. – 10 – 13 июля.
82. Богатуров А.Д. Державы на Тихом океане (1945-1995). – М.: Конверт – МОНФ. – 1997.
83. Махатма Ганди (Мохандас Карамчанд Ганди) – руководитель освободительного движения Индии. Сыграл немаловажную роль при обретении независимости Индии мирным путем. Автор учения Сатьягхара (философия неприменения силы). С целью объединения Индии, утопающей в религиозных конфликтах, в январе 1948 года объявил голодовку. 30 января он был убит выстрелом фаната индуиста. Махатма Ганди это заранее предвидел и рассказал людям о том, как и когда умрет. В источниках сказано, что он умер с улыбкой на лице (примечание основано на исторических источниках).
84. Богатуров А.Д. Системная история международных отношений (1918-2003).- М., 2003. – Том 3. – с. 249.
85. Овчинников В. 60 и 5000 лет. К истокам китайского чуда // Российская газета. – 2009. – 29 сентября.
86. Более полные сведения на сайте <http://russianclimb.com/russian/beletsky.html>.
87. Сведения о событиях в Конго взяты из нескольких источников. Один из них Хидояттов Г.А. Дипломатия XX века. – М: СМИ-АЗИЯ, 2010.

88. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 60.
89. Там же, с. 71.
90. Там же, с. 65-68.
91. Саид Ахмад ибн Мухаммад Забара (25.01.1908 – 23.07.2000) по происхождению из одной самых известных семей зейдитов (последователи ветви шиитов, наиболее близкой к течению суннитов) в Йемене. В источниках сказано, что он являлся прямым потомком Пророка Мухаммеда. Род Забара уходит корнями к Яхье бен аль-Хусейну, создавшему в 9-м веке в Йемене имамат, который просуществовал до 1962 года. Яхья был потомком имама аль-Хасана – внука Пророка. Предки Саид Ахмада ибн Мухаммада Забара на протяжении веков служили губернаторами, судьями имамата. Родился 25 января 1908 года в деревне аль-Кибс в окрестности города Яхана первым ребёнком в семье. Его детство прошло в городе Яхана, где отец Мухаммад бине Мухаммад Забара (видный ученый историк и писатель) служил губернатором. Саид Ахмад ибн Мухаммад Забара получил хорошее образование по грамматике арабского языка, основам мусульманской религии и канонам шариата. В конце 30-х годов семья переехала в Сану, где Саид Ахмад ибн Мухаммад Забара преподавал в медресе каноны шариата. В эти годы он занялся теоретическими исследованиями в области религии. Вскоре, после своего назначения наставником наследного принца Аль-Мансура Мухаммед Биллах аль-Бадр ибн Ахмеда, он женился на сестре принца Хадиче. В течение 20 лет был руководителем Апелляционного совета и членом Консультативного совета, возглавляемого Мухаммедом Биллах аль-Бадр ибн Ахмедом. После революции 1962 года был арестован и через год освобожден после получения разрешения выехать в Египет. В 1967 году председатель Революционного совета Йемена Абдель Рахман аль-Арьяни вызвал его из Египта и назначил верховным муфтием. С 1974 года в Сане открылся университет, куда Саид Ахмад ибн Мухаммад Забара был приглашен преподавать основы религии и каноны шариата. Многократно, возглавляя делегацию Йемена, участвовал во всемирных конференциях мусульман, в том числе в 1977 году в Москве и в 1979 году в Душанбе. Выпустил сборник из 360 стихов, посвященных истории Йемена. Умер 23 июля 2000 года в городе Сане (комментарий автора, основанный на разных источниках Англии и России).
92. Воспоминания о господине Бурхане. Сборник выступлений в честь 100-летия со дня рождения Бурхана Шахиди, составленный коллективом отдела истории Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. – Пекин, 2000. – с. 76-78.
93. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 70-71.

94. Там же, с. 72.
95. Ли Шэн. Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. КНР, Урумчи, 2006. – с. 328, 357.
96. Статья помещена на сайт <http://www.ca-c.org/datarus/majnaev.shtml>.
97. Xinjiang: China's Muslim Borderland / Ed. by S. F. Starr. N. Y.: Sharpe, 2004. – p.p. 355 – 358.
98. Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы. 1994.
99. Энвер Ходжа. Размышления о Китае. Отрывки из политического дневника. – Тирана. 1979. – с. 24.
100. Бурхан Шахиди, 50 лет жизни в Синьцзяне. – Пекин, 1999. – с. 62.
101. Хэ Лун (1896 – 1969) – революционер, видный политический, государственный и военный деятель Китая. Родился 22 марта 1896 г. в уезде Санчжи провинции Нунань в многодетной бедной крестьянской семье этнических туцзя (народность, относящаяся к тибетско-бирманской группе, численность которой в КНР около 8 миллионов). Его прадед Хэ Тинби был мастером кунг фу. Хэ Тинби в 1852 году участвовал в восстании Тайпинов и был руководителем восставших крестьян провинции, за что после поражения восстания был обезглавлен. Об этом человеке в народе сложены предания и легенды. Дед Хэ Луна Хэ Ши-лиан и его отец Хэ Шидао также были классными мастерами кунг фу. Однако основным занятием отца было земледелие, и иногда из-за нехватки денег он занимался шитьем, так как был хорошим портным. С малых лет Хэ Лун, которого в детстве звали Хэ Пинан, изучал кунг фу. В школе он проучился всего три года начиная с 1903 года. В семье было 11 детей, и кроме одного братишки, остальные были все девочки. Нехватка денег в семье и постоянные конфликты с детьми богатых вынудили Хэ Луна покинуть школу. Он сопровождал отца, который ездил по деревням и давал уроки кунг фу. За это время Хэ Лун и сам оттачивал мастерство владения кунг фу. В 1913 году Хэ Лун и его отец вступили в революционную партию «Гэлаохой» (в переводе «группа старшего брата»). Вскоре отец уехал на заработки, оставив семью на попечение 17-летнего сына. Хэ Лун с помощью мужа старшей сестры приобрел мула и занимался грузоперевозками в провинциях Хунань, Хубэй, Сычуань и Гуйчжоу. Он одновременно был связным партии в этих провинциях. Хэ Лун в 1914 году по предложению приверженца идей Сунь Ятсена Чэнь Тунана (1887–1927) вступил в Китайскую революционную партию и начал борьбу против Юань Шикая. Его несколько раз сажали в тюрьму, а он находил способы освободиться. В начале 1915 года японское правительство через посланника вручило президенту Китайской Республики Юань Шикаю требования, где, в частности, говорилось о признании захвата Шаньдуна и господства Японии в южной Манчжурии и Внутренней Монголии.

В мае 1915 года Юань Шикай принимает эти требования. Кроме этого, в декабре 1915 года он объявляет о восстановлении монархии. В конце года сбежавший из Пекина генерал Цай Э провозглашает в провинции Юньшань независимость. Тот же процесс перекинулся и на другие южные провинции, в том числе и в Хунань. В 1916 году Хэ Лун возглавил восстание крестьян в провинции Хунань и создал свое вооруженное формирование. Вскоре из-за разногласий в руководстве революционеров войсковое формирование Хэ Луна было распущено, и он вернулся в свою родную деревню. В 1917 году, присоединившись к движению «За законность», он в Хунани вновь образовал вооруженное формирование – «Армию защиты законности Сианси». Был обманным путем задержан и водворен в тюрьму. Несмотря на уговоры отца вернуться в деревню после освобождения, он продолжил борьбу. В 1918 году Хэ Лун был назначен командиром 5-го батальона «Армии защиты законности Сианси», а с 1920 года он уже командовал всей армией. В апреле 1921 г. в Гуанчжоу старый республиканский парламент избрал Сунь Ятсена чрезвычайным президентом. В июне 1922 г. полковник Чэн Цзюньмин, командующий войсками, совершил переворот и изгнал Сунь Ятсена. Хэ Лун направил свои войска в поддержку Сунь Ятсена. После изгнания Чэн Цзюньмина в феврале 1923 года Сунь Ятсен возглавил правительство. Он послал благодарственное письмо Хэ Луну за оказанную помощь. В 1924 году Хэ Лун установил контакты с членами компартии Китая. На встречу с ним Мао Цзэдун посылал своего помощника Чэн Чанпу. В июле 1926 года Хэ Лун в составе Народной революционной армии участвовал в Северном походе против милитаристской клики. В 1927 году он вступил в Коммунистическую партию и был одним из организаторов Наньчанского вооруженного восстания. В начале 1928 года КПК направила Хэ Луна в провинцию Хубэй для организации отрядов Красной армии. Он сначала командовал корпусом, затем фронтом. Командуя фронтом, в 1935 году в ходе Великого похода совершил прорыв через территорию, занятую многочисленными войсками Гоминьдана. В 1937 году в борьбе против японских агрессоров командовал 120-й стрелковой дивизией. С 1945 года член Политбюро ЦК КПК. В 1949 году командующий Южно-Западным военным округом, руководил операцией по мирному освобождению Тибета. После образования КНР с 1952 года председатель национального спортивного комитета, с 1954 года заместитель премьер-министра КНР, заместитель председателя Комитета национальной обороны, с 1959 года заместитель председателя Национальной оборонной промышленности, с 1955 года маршал КНР. Первой сессией ВСНП 3-го созыва вновь был избран на все эти должности. В январе 1969 года по инициативе Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэн был обвинен в заговоре и взят под стражу. Стойко переносил все избиения и виновным себя не признал. Объявил голодовку. Жене, пришедшей на свидание, Хэ Лун незадолго до смер-

- ти сказал: «У меня единственное желание: чтобы Председатель Мао сказал: Хэ Лун – наш товарищ». Умер 9 июня 1969 года в заключении. В 1982 году дело Хэ Луна было пересмотрено и он был реабилитирован (комментарий автора, основанный на разных источниках КНР).
102. Последний визит Чжоу Эньлая в СССР/ «Жэньминь жибао». – 2009. – 30 апреля.
103. Прозуменщиков М.Ю. «Спор идет о слишком больших вещах». Неудавшаяся попытка советско – китайского примирения. 1964 – 1965 гг. // Исторический архив. – 2007.- №1, с. 3- 24.
104. Энвар Ходжа. Размышления о Китае. Отрывки из политического дневника. Ч.1. – Тирана. 1979. – с. 184-186.
105. Воспоминания о господине Бурхане. Сборник выступлений в честь 100-летия со дня рождения Бурхана Шахиди, составленный коллективом отдела истории Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. – Пекин, 2000. – с. 326- 327.
106. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 77-79.
107. Дэн Сяопин (22.08.1904 – 19.02.1997) фактически руководил страной с конца 70-х до начала 90-х годов прошлого столетия, хоть и никогда не назначался официально на руководящие должности КНР. В историю вошел как видный партийный и политический деятель, реформатор. Родился в деревне Пайфан провинции Сычуань в семье землевладельца Дэн Вэньмина. Имя по рождению – Дэн Сяньшэн. С 1909 года получал образование дома у специально приглашенного учителя. Тогда его имя было изменено на Дэн Сисянь. С 1910-го по 1918 год получал образование в начальных школах 1-й и 2-й ступени и в средней школе Сесинской волости. В 1919 году обучался на подготовительных курсах в г. Чунцине для направления на обучение во Францию. С 1920 года в Нормандии обучался в мужской средней школе. В 1921 году прибыл в Париж. Денег на обучение не хватало, поэтому он работал рабочим на заводе Чемберлена, а с 1922 года на заводе Хатчинсона, выпускавшего каучук. Летом этого же года вступил в Коммунистическую лигу китайской молодежи. Стал редактором выпускаемой Коммунистической лигой газеты «Чигуан». Дэн в Париже познакомился с Чжоу Эньлаем. В 1925 году вступил в Коммунистическую партию Китая. Он тогда был рабочим завода «Рено». В январе 1926 года КПК направила Дэна учиться в Москву в Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И.В. Сталина. Весной 1927 года Дэн возвращается в Китай. Его назначили руководителем политотдела и секретарем парткома Синаньского Военного института имени Сунь Ятсена. После контрреволюционного переворота Чан Кайши 12 апреля 1927 года многие коммунисты были убиты. В конце июля 1927 года

Дэн прибыл в город Ухань и занял пост секретаря ЦК КПК. Именно тогда он принял имя Дэн Сяопин. С декабря 1927 года его направили секретарем ЦК КПК в Шанхай. В 1929 году под именем Дэн Бинь прибыл в Гуанси для организации вооруженного восстания. В декабре того же года совместно с Чжан Юньи и Вэй Бацюн руководил восстанием в городе Босэ (Гуанси – Чжуанский автономный район) и сформировал 7-й корпус Красной армии. В феврале 1930 года совместно с Ли Минжуй и Юй Цзою руководил восстанием в Лунчжоу, где сформировал 8-й корпус Красной армии. Командование этими корпусами осуществлял Ли Минжуй, а Дэн Сяопин был политкомиссаром и секретарем фронтового комитета. В августе 1931 года Дэн Сяопин прибыл на революционную опорную базу ЦК КПК в провинции Цзянси секретарем партийного комитета уезда Жуйцзин. В начале 1933 года он назначен начальником отдела пропаганды партийного комитета провинции Цзянси. Инициаторы «левацкой наступательной линии» своими доносами добились его освобождения от должности с «последним партийным предупреждением», в результате чего Дэн Сяопина, с понижением в должности, направили инспектором в село Наньцунь уезда Лэйань. В августе этого же года решение было пересмотрено, и Дэн Сяопин стал секретарем Главного политуправления Красной армии и главным редактором газеты «Красная звезда», органа Главного политуправления. В 1934 году принял участие в Великом походе Красной армии. В конце того же года его назначили ответственным секретарем Секретариата ЦК КПК. С июня 1935 года начальник отдела пропаганды политотдела, а с мая 1936 года начальник политотдела 1-го корпуса Красной армии. В 1937 году, руководя войсками в борьбе против японских агрессоров, добился больших успехов. Прославился после успешного проведения с августа по декабрь 1940 года крупномасштабной стратегической операции под названием «Битва ста полков» в районе Хуабей в северной части Центрального Китая. В ходе гражданской войны, начавшейся в 1946 году, руководил военными действиями против войск Гоминьдана в окрестностях Лунхай, Диньтао, Цзюаньчэн, Хуасянь, Цзюйе-Цзиньтай-Юйсянь. После образования КНР с октября 1949 года был избран членом Народно-революционного военного совета, с ноября – первый секретарь Юго-Западного бюро Центрального комитета КПК, с декабря – зампредседателя Военно-политического комитета Юго-Западного Китая. С июля 1952 года Дэн Сяопин назначен вице-премьером Административного совета, по совместительству начальником Экономико-финансового комитета. В 1956 году на 1-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва его избрали Генеральным секретарем ЦК КПК. В 1966 году, после начала «культурной революции», подвергся критике со снятием со всех занимаемых должностей. В 1969 году был отправлен в ссылку в провинцию Цзянси, где работал простым рабочим тракторного завода. В 1973 году по предложению тяжелобольно-

го Чжоу Эньлая его вернули в Пекин. Согласно постановлению ЦК КПК от 10 марта 1973 года Дэн Сяопин восстановлен в партии и на посту вице-преьера Госсовета. В августе этого же года на X Всекитайском съезде КПК он был избран членом ЦК, а в декабре членом Политбюро ЦК КПК и Центрального военного совета. В 1974 году Дэн Сяопин как руководитель делегации КНР принял участие в сессии ООН, где выступил с докладом. В январе 1975 г. Дэн Сяопина утвердили в должности члена Политбюро ЦК КПК и избрали заместителем председателя ЦК КПК. Он также был назначен вице-премьером Госсовета, зам-председателя Центрального военного совета и начальником Генерального штаба НОАК. Приступив к исполнению этих обязанностей, Дэн Сяопин начал работу по исправлению ошибок «культурной революции». В январе 1976 года умер Чжоу Эньлай. В апреле 1976 года на площади «Тяньаньмэнь» разогнали демонстрацию студентов в защиту политики Чжоу Эньлая, организованную в день памяти усопших. Дэн Сяопин был обвинен группой Цзян Цин в организации этих событий и снят со всех должностей. В октябре 1976 года Политбюро ЦК КПК разгромило контрреволюционную группировку Цзян Цин (банда четырех), положив конец «культурной революции». На третьем пленуме ЦК КПК 10-го созыва, состоявшемся в июне 1977 г., было принято решение о восстановлении Дэн Сяопина на всех руководящих партийных, государственных и армейских постах. В марте 1978 года Дэн Сяопина избрали председателем Постоянного комитета ВК НПКСК. В сентябре 1980 года Дэн Сяопин ушел в отставку с поста вице-преьера Госсовета. В июне 1981 г. состоялся 6-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, принявший «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». В решении дана крайне отрицательная оценка «культурной революции». Пленум избрал Дэн Сяопина председателем Центрального военного совета. В сентябре 1982 года, выступая на XII съезде КПК, Дэн Сяопин выдвинул лозунг о построении социализма с китайской спецификой. Он автор проекта экономической реформы, принятой как постановление 3-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва 20 октября 1984 года. Очень много трудов им вложено и в дипломатическую деятельность. Дэн Сяопин также сыграл немаловажную роль при объединении разделенных от Китая территорий. Он автор концепции «Одно государство – два строя». В 1992 году, подав пример другим, добровольно ушел с политической арены. Умер 19 февраля 1997 года в Пекине в возрасте 93 года (примечание автора основано на сведениях газеты «Жэньминь жибао» и Китайского информационного Интернет-центра).

108. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 85.
109. Пэн Чжэнь (12.10.1902 – 26.04.1997) – видный политический и государственный деятель Китая. Родился в провинции Шаньси в крестьянской семье. По-

- сле окончания школы в своем уезде образование продолжил в педагогической школе города Тайюань, где вступил в коммунистическую партию. С 1926 года вел партийную работу в г. Тяньцзини провинции Хэбэй. С 1935 года секретарь Бюро ЦК КПК Северного Китая. Неоднократно был взят под стражу и к 1937 году в общей сложности отбыл шестилетний тюремный срок. С 1945 года политкомиссар Объединенной демократической армии Северо-Востока. С 1948 г. заместитель руководителя организационного отдела ЦК КПК. На первой сессии Всекитайского народного политического консультативного совета 1-го созыва был избран членом ВК НПКСК. В октябре 1949 г. был назначен членом Административного совета КНР и заместителем председателя политико-юридической комиссии. В ноябре того же года назначен секретарем Пекинского горкома КПК. С 1950 года он также руководил городским комитетом профсоюза. Летом 1950 года его избрали членом политбюро ЦК КПК. С 1951 года возглавил правительство г. Пекина. В годы «культурной революции» был оклеямен «черным бандитом» и «контрреволюционером-ревизионистом». После собрания критики его закрыли в тюрьму, где находился до реабилитации в декабре 1978 года. С 1979 года член ЦК КПК и Политбюро ЦК КПК. В 1980 г. на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва Пэн Чжень избрали заместителем председателя Комитета по внесению поправок в Конституцию КНР. В период с 1983 г. по 1988 г. занимал пост председателя ПК ВСНП. Откликнувшись на призыв КПК об омолаживании кадров, в 1988 году ушел с политической арены. Умер 26 апреля 1997 года в Пекине.
110. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 85.
111. Дэн Инчао (4.02.1904 – 11.07.1992) – с юных лет активная участница революционных выступлений, политик, известный общественный деятель. Родилась в г. Наннин провинции Гуанси в семье государственного служащего. Активная участница студенческого движения «4 мая» 1919 года. Оказала помощь Чжоу Эньлаю при организации Общества прогрессивной молодежи. После возвращения Чжоу Эньлая в 1925 году из Франции они поженились. В том же году она вступила в КПК. Участница Великого похода 1934–1935 годов. В 1938 году для координации действий по борьбе против японских агрессоров при правительстве Гоминьдана был образован Национальный политический совет. Для участия в работе совета КПК направила 7 представителей, среди которых были Мао Цзэдун, Дун Биу и Дэн Инчао. После образования КНР Дэн Инчао была заместителем председателя Всекитайской федерации женщин 1-го, 2-го и 3-го созыва и почетным председателем 4-го созыва. Она выполняла очень много обязанностей. В частности, заместитель председателя Государственного комитета по защите детей, член ЦК КПК 8-го и 9-го созыва, член Политбюро ЦК КПК 11-го и 12-го созыва, член ПК ВСНП первых трех созывов, член ВК НПКСК

- 1-го созыва, председатель ВК НПКСК 6-го созыва и другие обязанности. С Чжоу Эньлаем совместно прожили 50 лет. Своих детей не было. Они воспитали сирот многих революционеров, среди которых был и будущий премьер Госсовета Ли Пэн. Дэн Инчао, овдовев, прожила до 88 лет. В городе Тяньцзинь, что в окрестностях древней столицы Китая Нанкина, 28 февраля 1998 года открылся мемориальный музей Чжоу Эньлая и Дэн Инчао, где хранятся урны с прахом их обоих (комментарий автора, основанный на материалах газеты «Жэньминь жибао»).
112. Редактор Ию Нонь. Антология Бо Эр Хана.– Пекин: Издательство национальностей, 1989. – с. 172-193 (на китайском языке).
113. Тауфик Айди. Татарин в правительстве Китая // Социалистик Татарстан. – 1988. – 2 окт.
114. Биографический очерк на уйгурском языке – приложение к Сборнику фотографий Бурхана Шахиди. – Пекин: Издательство национальностей, 2006. – с. 89-91.
115. Там же, с. 96.
116. Некоторые моменты беседы с дочерью Бурхана Суюм // Экономическая газета Синьцзяна. – 2003. – 9 января.
117. Усманов М.А. Ябылмаган китап (Открытая книга). – Казань, 1996. – с. 182,183.
118. Там же, с. 182.
119. Абдурахман Абдулла. Ташкэнтчилэр (Ташкентцы). Книга вторая. – КНР, Турфан, 2004. – с. 21,22.
120. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977, с. 311, 312.
121. Хромой Каратун – так в народе прозвали активного деятеля, созданной в 1731 году в Свияжске, особой комиссией новокрещенских дел епископа Луку Канашиевича, отличившегося своими кровавыми методами при насильном крещении мусульман Свияжского уезда.
122. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – с. 149,150.
123. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. – Чебоксары, 1986. – с. 301.
124. Зайцев Я.Н. Лета и лица Урмарской земли. – Чебоксары, 1994. – с. 13.
125. Буинские просторы. – Казань, 2000.- с 44.
126. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – с. 232-234.
127. Там же, с.270.
128. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977. – с. 303.
129. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – с. 191.

130. Перечневая книга Свяжского уезда: по материалам писцового описания 1646-1652 годов. – Казань. 2004. – с.109, 117, 138.
131. Салаяев Е.И. Населённые пункты Примокшанья в первой половине XVII века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского (Пенза). – 2007. – №4 (8). – с. 119.
132. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань. 1998. – с. 65.
133. Каюм Насыри, Избранные произведения. – Казань, 2005. – с.192, 212, 214.
134. http://kadam.ru/istorija/razdacha_zemel.html
135. Перечневая книга Свяжского уезда: По материалам писцового описания 1646-1652 годов. – Казань. 2004. – с. 114.
136. <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/arshiv/42gramoty.htm>
137. Перечневая книга Свяжского уезда: По материалам писцового описания 1646-1652 годов. – Казань. 2004. – с. 60.
138. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – с. 191.
139. Каюм Насыри, Избранные произведения. – Казань, 2005. – с.195.
140. Там же, с. 208.
141. Усманов М.А. Гасырдан-гасырга (Из века в век). – Казань, 2004. –с. 87.
142. Туган жирем-Кайбычым (Кайбицы – край мой родной). – Казань, 2007. – с. 71.
143. Каюм Насыри, Избранные произведения. – Казань, 2005. – с.184 – 214.
144. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – с. 119.
145. Каюм Насыри. Избранные произведения. – Казань, 2005. – с. 205, 207, 212, 214.
146. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – с. 193.
147. Шинжаң тәзкиричилики (Синьцзянское краеведение). – 2010. –№3. – с. 13-20.
148. Каюм Насыри. Избранные произведения. – Казань, 2005. – с.196.

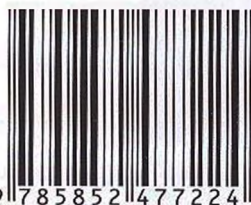
СОДЕРЖАНИЕ

Сын нашего народа, обладавший уникальными способностями	5
Предисловие	6
Начало жизненного пути в Аксу	15
Начало большого пути	22
Германия и ее тень	30
Из тюрьмы – в водовороты истории	45
Председатель коммунистического Синьцзяна	71
Посол мира	91
Из темноты – к свету	158
Возвращение на политическую арену	170
С песней в душе и в последний миг	193
Заключительное слово	211
В поисках истоков Аксу (Приложения)	215
Примечания	233

Научно-популярное издание
Мингалиев Ринат Рифкатович
БУРХАН ШАХИДИ. СЛЕДЫ В ИСТОРИИ
в авторской редакции

Технический редактор *С. Кинтас*
Компьютерная верстка *Т. Маклакова*
Дизайн *Р. Ахияров*
Корректор *Н. Мухина*

Подписано в печать 22.04.2014. Формат 70×90¹/₁₆.
Заказ В-295. Тираж 1000.

Филиал ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru
www.idel-press.ru